63.3(2М)
В-1
944.89 «1941/1945»

В боях за МОЛДАВИЮ

В боях за МОЛДАВИЮ

2-й УКРАИНСКИЙ ФРОНТ
3-й УКРАИНСКИЙ ФРОНТ
ГРУППА АРМИЙ ЮЖНАЯ УКРАИНА
КИШИНЕВ
ОДЕССА
Бендеры
Тирасполь
Белгород-Днестровский
Измаил
Галац
Браила
Фокшаны
Бакэу
Пьятра-Нямц
Роман
Яссы
Бельцы
Каменка
Первомайск
Балта
Котовск
Рыбница
Сороки
Дорохой
Сучава
Ботошаны
Верешти
Балан
Ралешты
Бравичены
Оргеев
Дубоссары
Тростянец
Разделная
Котовское
Леушены
Кишинев
Кагул
Болград
Вилково
Килия
Измаил
Исакча
Тулча
Сулина
Змеиный (Рум)
Прут
Днестр
Реут
Жижия
Молдова
Бистрица
Сирет
Дунай
Путна
Рымник
Бузэу
Ялпуг
Кагул
Комрат
Тарутино
Молдавка
Романовка
Чимишлия
Леово
Галбена
Селемет
Котовское
Леушены
Кишинев
Хынчешты
Бакэу
Онешти
Адъюд Ноу
Берешти
Фэлчиу
Бырлад
Тецуч
Фокшаны
Бузэу
Галац
Браила
Измаил
Килия
Вилково
Жибриеноа
Сатул
Рени
Тудор Владимирску
Граюу
Эмолоаса
Бакэу
Хырлэу
Тыргу Фрумос
Пашкани
Пьятра-Нямц
Роман
Бакэу
Онешти
Бырлад
Берешти
Фэлчиу
Леово
Чимишлия
Галбена
Селемет
Комрат
Тарутино
Молдавка
Романовка
Котовское
Леушены
Кишинев
Бендеры
Тирасполь
Разделная
Тростянец
Дубоссары
Оргеев
Бравичены
Ралешты
Бельцы
Сороки
Каменка
Балта
Рыбница
Котовск
Первомайск
Дорохой
Сучава
Ботошаны
Верешти
Балан
Измаил
Килия
Вилково
Змеиный (Рум)
Исакча
Тулча
Сулина
Браила
Галац
Фокшаны
Бузэу
Бакэу
Онешти
Адъюд Ноу
Берешти
Бырлад
Фэлчиу
Тецуч
Кагул
Болград
Комрат
Тарутино
Молдавка
Романовка
Чимишлия
Леово
Галбена
Селемет
Котовское
Леушены
Кишинев
Бендеры
Тирасполь
Разделная
Тростянец
Дубоссары
Оргеев
Бравичены
Ралешты
Бельцы
Сороки
Каменка
Балта
Рыбница
Котовск
Первомайск
Дорохой
Сучава
Ботошаны
Верешти
Балан
Пашкани
Хырлэу
Тыргу Фрумос
Пьятра-Нямц
Роман
Бакэу
Онешти
Адъюд Ноу
Берешти
Бырлад
Фэлчиу
Тецуч
Фокшаны
Бузэу
Галац
Браила
Измаил
Килия
Вилково
Жибриеноа
Сатул
Рени
Тудор Владимирску
Граюу
Эмолоаса
Бакэу
Хырлэу
Тыргу Фрумос
Пашкани
Пьятра-Нямц
Роман
Бакэу
Онешти
Адъюд Ноу
Берешти
Бырлад
Фэлчиу
Леово
Чимишлия
Галбена
Селемет
Комрат
Тарутино
Молдавка
Романовка
Котовское
Леушены
Кишинев
Бендеры
Тирасполь
Разделная
Тростянец
Дубоссары
Оргеев
Бравичены
Ралешты
Бельцы
Сороки
Каменка
Балта
Рыбница
Котовск
Первомайск
Дорохой
Сучава
Ботошаны
Верешти
Балан
Измаил
Килия
Вилково
Змеиный (Рум)
Исакча
Тулча
Сулина
Браила
Галац
Фокшаны
Бузэу
Бакэу
Онешти
Адъюд Ноу
Берешти
Бырлад
Фэлчиу
Тецуч
Кагул
Болград
Комрат
Тарутино
Молдавка
Романовка
Чимишлия
Леово
Галбена
Селемет
Котовское
Леушены
Кишинев
Бендеры
Тирасполь
Разделная
Тростянец
Дубоссары
Оргеев
Бравичены
Ралешты
Бельцы
Сороки
Каменка
Балта
Рыбница
Котовск
Первомайск
Дорохой
Сучава
Ботошаны
Верешти
Балан
Пашкани
Хырлэу
Тыргу Фрумос

ББК 63.3(2 М)
В 11

Составители: С. Г. Герась,
кандидат исторических наук,
доцент (ответственный за выпуск), И. З. Кока.
Литобработка: В. Б. Репида, В. И. Нарожный.

В 11 **В боях за Молдавию.** (Сост. С. Г. Герась и др.— Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1988.— 242 с., ил.
ISBN 5—362—00298—8

В книгу вошли воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны о первых боях на территории Советской Молдавии, о тех, кто освобождал ее в 1944 году. Эта книга о беспримерном мужестве советского солдата, о его несгибаемой стойкости, о великой вере в правоту нашего дела и в победу над врагом.
Сборник рассчитан на массового читателя.

В $\frac{0505030202—041}{М\ 751(10)—88}$ 33—88 ББК 63.3(2М)

ISBN 5—362—00298—8

© Издательство «Картя Молдовеняскэ», 1988.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Почти полвека прошло с того страшного дня, когда гитлеровская Германия обрушила свою громадную военную машину на нашу Родину. Первый удар врага приняли на себя отважные советские пограничники, летчики, передовые части Советской Армии.

На территории Молдавии с первых дней шли тяжелые бои. Почти полтора месяца героические воины 9-й армии сдерживали натиск фашистов, однако под напором превосходящих сил врага пришлось отступить.

Минуло более тысячи дней и ночей жестоких боев, прежде чем наступил снова рассвет над молдавской землей. В августе 1944 года в результате блестяще проведенной Ясско-Кишиневской операции была освобождена Молдавия.

Об этих героических днях вспоминает непосредственные участники боев, которые и составляют авторский коллектив данного сборника.

Шестой сборник «В боях за Молдавию» выходит в канун 44-й годовщины освобождения родного края, в обстановке, когда наш народ самоотверженно трудится, претворяя в жизнь решения XXVII съезда КПСС.

Авторы сборника надеются, что их воспоминания о героическом прошлом будут способство-

вать воспитанию у молодого поколения чувств советского патриотизма и интернационализма.

Составители шестого сборника «В боях за Молдавию» благодарят всех авторов за то, что они откликнулись на наши просьбы и выслали в наш адрес многочисленные материалы. К сожалению, мы не могли включить все присланные материалы в данный сборник.

В первый бой вступили мы на зорьке
В сорок первом, огненном году.

А. Протасов

На огненных рубежах
ГОД СОРОК ПЕРВЫЙ

А. С. ОСИПЕНКО,
Герой Советского Союза,
генерал-лейтенант авиации в отставке,
бывший командир 20-й смешанной авиадивизии

С ПЕРВЫХ ЧАСОВ

Предвоенные годы у меня были насыщены различными событиями, каждое из которых оставило особый отпечаток в жизни.

Как не вспомнить, что в течение девяти месяцев вместе с тысячами добровольцев из Советского Союза и других стран довелось воевать в Испании, командовать там истребительной авиагруппой. Именно в испанском небе стал настоящим военным летчиком, на собственном опыте узнал, что такое воздушный бой.

Перед войной пережил и личное горе: в воздушной катастрофе погибла моя жена, верный друг и товарищ, известная летчица Герой Советского Союза Полина Осипенко.

В 1940 году меня, двадцатисемилетнего генерал-майора авиации, Политбюро ЦК ВКП(б) приняло без прохождения кандидатского стажа в члены партии. Тогда же получил и новое назначение — был утвержден командиром 20-й смешанной авиадивизии, которая дислоцировалась в Молдавии. В нее входили четыре полка: бомбардировочный, штурмовой и два истребительных, причем по численности и укомплектованности техникой дивизия значительно превосходила аналогичные авиасоединения.

Яркое южное солнце днестровского края, благодатная земля, щедрые на душевное тепло ее жители чем-то напоминали мне Испанию. Буквально через год и здесь пригодилась суровая испанская «школа»— завязались ожесточенные схватки с врагом.

День ото дня повышалась наша боеготовность. Прежде всего сказывалось заботливое внимание партийных и советских органов Молдавии, которые вникали во все нужды, оказывали необходимую помощь. Были и дру-

гие благоприятные предпосылки. Одни летчики, как и я, воевали до этого в Испании, другие прошли школу финской кампании, третьи участвовали в боях с японскими самураями на Халхин-Голе. И они составили костяк соединения, опытный, обстрелянный, при выполнении учебно-боевых задач показывали достойный пример младшим товарищам, делились с ними накопленными знаниями, указывали на ошибки.

Кроме того, незадолго до войны в дивизию поступила более совершенная техника — истребители МИГ-3, бомбардировщики Пе-2 и штурмовики СУ-2. А старую материальную часть мы попросту не успели сдать. Так что к началу боевых действий фактически располагали двойным комплектом самолетов. А те, кто воевал, прекрасно знают, как это может выручить в беспрерывных тяжелых боях, когда каждая боевая машина буквально на вес золота. Не мешало даже то, что многим летчикам пришлось осваивать новые машины уже в ходе боевых действий.

За полтора месяца до начала войны мы получили приказ командующего Одесским военным округом генерал-полковника Я. Т. Черевиченко подготовить рассредоточение материальной части на полевых аэродромах, скрытно вырыть щели и окопы, организовать командные пункты и установить надежную связь со всеми полками. По всему чувствовалось, что назревают грозные события.

...В пятницу, 20 июня 1941 года, вместе с наркомом внутренних дел Молдавии В. И. Дмитриенко побывали на границе. На одной из застав майор погранвойск доложил о том, что в приграничных районах Румынии началась срочная эвакуация местного населения и скота.

— Их отводят,— уточнил командир,— на довольно большое расстояние: в 20, а то и 30 километров.

— Что, по-вашему, это означает?— спросил Дмитриенко.

— Война, товарищ полковник! Будет война!—отчеканил 20-й смешанной авиадивизии.

Вернувшись в расположение дивизии, я тут же своим личным распоряжением запретил все увольнения летного и технического состава с аэродромов. Дивизия как бы замерла в ожидании, готовая по первой команде подняться в воздух. И когда на рассвете 22 июня фашисты без объявления войны развернули боевые дейст-

вия, наши истребительные авиаполки сразу нанесли ощутимый удар по наступающим частям противника. Вот, например, что писала об этом газета «Красная звезда»: «С первого дня войны летчики части Героя Советского Союза Осипенко храбро сражаются с врагом. Под их ударами уже нашли свою гибель 126 неприятельских машин. Только майор Орлов и его боевые соколы сбили больше десятка «мессершмиттов», до полутора десятков «юнкерсов» и «хейнкелей»...

Наши истребители проявляют большое летное мастерство и мужество. Однажды в районе Тирасполя появились 26 фашистских бомбардировщиков типа «Ю-87» в сопровождении 18 истребителей МЕ-109. Против них взвились в небо 8 краснозвездных истребителей под командой отважного майора Орлова. Истребители смело врезались в самую гущу воздушной своры врага. Фашисты сбросили бомбы в стороне от объекта и поспешно повернули назад. Но не всем фашистам удалось уйти. Несколько самолетов было уничтожено.

Многие летчики части имеют на «текущем личном счету» от пяти до пятнадцати уничтоженных немецких самолетов. Лейтенант Галкин за четыре дня сбил пять самолетов. Старший лейтенант Морозов метким огнем своих пулеметов сбил пять вражеских машин в воздухе, девять самолетов сжег на фашистских аэродромах, а пятнадцатый самолет протаранил во время боя со звеном «мессершмиттов».

Образец бесстрашия и отваги показали летчики майора Иванова. Они участвовали в десятках воздушных боев, громили немецко-румынские войска на переправах, штурмовали вражескую пехоту и артиллерию, наносили мощные удары по авиабазам фашистов... От пяти до десяти сбитых машин врага приходится на долю младших лейтенантов Фигичева, Дьяченко, лейтенанта Селиверстова, старшего лейтенанта Ивачева и других».

Даже по этой скупой, телеграфного стиля заметке можно судить о том, как воевали в небе Молдавии пилоты 20-й смешанной авиадивизии.

В моем архиве сохранились копии наградных листов, подписанные мною и начальником штаба дивизии полковником Д. С. Козловым, в которых мы ходатайствовали о присвоении звания Героя Советского Союза командиру 2-й эскадрильи капитану Афанасию Карманову, командиру звена 4-й эскадрильи лейтенанту Михаилу

Галкину, командиру звена 2-й эскадрильи капитану Анатолию Морозову — все из 4-го истребительного авиаполка — и командиру звена 55-го истребительного авиаполка лейтенанту Кузьме Селиверстову. Хочется коротко рассказать об этих отважных летчиках.

Капитану Карманову звание Героя Советского Союза было присвоено посмертно. Этот предельно скромный, выдержанный командир умело командовал эскадрильей, имел боевой опыт: участвовал в финской кампании, после которой его грудь украсил орден Красной Звезды. В воздушных боях в районе Кишинева Карманов сбил 3 фашистских истребителя. Вечером 23 июня приземлился на аэродроме, чтобы заправить боевую машину горючим. Но тут показались вражеские самолеты. Карманов взлетел и вступил в схватку с четырьмя «мессершмиттами». В этом бою он погиб смертью храбрых.

Прекрасным летчиком был Кузьма Селиверстов. Он в совершенстве знал самолет, как бы сливался с ним, в воздухе творил чудеса, в общем, можно сказать, был пилотом от бога.

Кузьма Егорович тоже погиб в 1941 году. Но случилось это не в Молдавии, а над Таганрогом. Вот выдержки из наградного листа: «Командир звена лейтенант К. Е. Селиверстов с начала боевых действий входил в состав девятки МИГ-3, отважно отражавшей налеты вражеских бомбардировщиков и истребителей на аэродром и город Бельцы.

За период с 22.6 по 1.8.1941 года лично сбил пять вражеских самолетов».

Во всех воздушных боях проявлял исключительное хладнокровие, выдержку. Так было и 8 июля, когда над Бельцами сразился с четырьмя «мессерами». Один прошил очередью, а сам возвратился на аэродром без единой пробоины.

А теперь о лейтенанте М. Галкине.

Недавно ко мне в Москву приезжал его брат, инженер-геолог, собравший немало интересных материалов о Михаиле Петровиче. Было и мне о чем рассказать.

Галкин воевал в нашей дивизии весь 41-й год. Последний бой принял 22 июля 1942 года под Ленинградом. Кстати, как и Карманов, был кавалером ордена Красной Звезды.

С начала боевых действий Красной Армии против германских фашистов совершил 58 боевых вылетов. Час-

то летал на штурмовку войск противника. Участвовал в 18 воздушных боях, сбил пять вражеских самолетов.

Вот лишь один эпизод. 26 июля 1941 года после выполнения боевого задания возвращался на аэродром. По пути встретил два фашистских истребителя и смело вступил в бой. На помощь подоспел капитан Филоненко. Вражеские стервятники не выдержали атак наших летчиков и обратились в бегство. Хотя горючее в баках было на исходе, Галкин бросился преследовать. Догнал и вновь вступил в атаку. После меткой пулеметной очереди один из самолетов врага стал терять скорость и упал на землю. А лейтенант Галкин повернул на обратный курс. Когда посадил самолет, горючее было на нуле.

В четверке наших асов, ставших Героями Советского Союза после воздушных боев в Молдавии летом 41-го, особо можно отметить старшего лейтенанта А. А. Морозова. Он одним из первых совершил таран, в результате сбил вражеский истребитель. Было это 7 июля. Сам воспользовался парашютом. Удалось спастись и фашистскому летчику. Он попал к нам в плен и сообщил ценные сведения.

Анатолий Афанасьевич выполнял особо важные разведывательные полеты в глубоком тылу противника. Во главе звена дважды летал на штурмовку вражеского аэродрома, где уничтожил девять фашистских самолетов.

А первую награду — орден Красного Знамени — получил после боев с белофиннами. Став Героем Советского Союза, еще около двух лет храбро бился с фашистскими стервятниками. Но в один день с задания не возвратился.

...Наша 20-я смешанная авиационная дивизия была родной семьей для многих прославленных военных летчиков. Среди них трижды Герой Советского Союза маршал авиации А. И. Покрышкин, дважды Герой Советского Союза Г. А. Речкалов, ныне генерал-лейтенант авиации, прославленный летчик-испытатель Ахмет-Хан Султан, бывший старший лейтенант, а ныне маршал авиации Герой Советского Союза И. И. Пстыго, также геройски сражавшийся в небе Молдавии. В одном ряду с ними стоят славные красные соколы — Герои Советского Союза капитан А. Карманов и старший лейтенант А. Морозов, лейтенанты М. Галкин, К.

Селиверстов, которые совершили ратные подвиги в начальный, самый трудный этап Великой Отечественной войны.

...Бои 41-го года были для всех нас, их непосредственных участников, теми самыми боевыми «университетами», которые помогли обрести необходимый опыт, познать сильные и слабые стороны врага, научиться без промаха, тактически грамотно и искусно бить его в воздухе и на земле. В дальнейшем, командуя 8-м авиационным истребительным корпусом Резерва Верховного Главнокомандования, я часто вспоминал те жаркие схватки, стремился сторицей отплатить врагу за все то зло, что причинил он нам, за гибель боевых друзей и товарищей, многие из которых ныне покоятся в молдавской земле.

А. А. ПАНОВ,
полковник в отставке,
бывший командир отделения 11-й погранзаставы
Кагульского пограничного отряда

ПОДВИГ НА ГРАНИЦЕ

Наша 11-я застава 25-го Молдавского отряда в ночь на 1 июля 1940 года прибыла в предназначенное для ее дислокации село Рошу. Командовал ею младший лейтенант Федор Подуст, политруком был младший политрук Исак Белецкий, а помощником — лейтенант Нестер Бондарев.

Вскоре выяснилось, что размещена 11-я застава неудачно, и командование отряда переместило ее на новое место. Там со 2 июля уже находилась 12-я застава под командованием лейтенанта Кузьмы Ветчинкина. Заданий для них в укоренившемся понятии не было, поэтому начались работы по возведению новых или перестройке имеющихся помещений.

Обе заставы оказались на узкой полоске земли, ограниченной с западной стороны рекой Прут, а с восточной отрезанной напрочь от «большой земли» непроходимыми плавнями. С Кагулом соединяла узкая, метров в восемь-десять, насыпная дорога, вымощенная булыжником и с обеих сторон обросшая густым тальником. Метрах в 200—250 южнее заставы через Прут был переброшен автогужевой большегрузный мост с ажурными железными фермами. К нему, отделяясь от главной дороги, отходило ответвление. Это место получило название развилки дороги. Напротив застав за неширокой лентой Прута вдоль берега вытянулось румынское село дворов в 300, с высокой каменной церковью.

Для полноты представления о местности нашей и сопредельной сторон следует добавить: советский берег был низким, плоским и почти открытым до самых плавней. Румынский же был значительно выше, говоря по-военному, господствовал над нашим, изрезанный глубокими оврагами и балками, с довольно большими мас-

сивами высокорослых лесов, что позволяло вести за нашей стороной скрытное наблюдение, а в случае военных действий подвести и надежно укрыть войсковые формирования и боевую технику. В то же время доставить подкрепления к нашим заставам в таких случаях было бы крайне затруднительно. Наличие высокой колокольни обеспечивало корректировку артиллерийско-минометного огня по нашей обороне, что и было использовано врагами в первый месяц боевых действий.

* * *

Хороша была весна 1941 года. Будто сбросив тесные путы, широко и вольно разлился Прут. Его потемневшие воды соединились с широченными плавнями и стали необозримыми, как море. Они сверкали на солнце неоглядной далью, вобравшей в себя и легкоперые облака, плывшие по бездонному простору, и грустные перелески, и сады, по грудь ушедшие под воду, и высоченную голубизну неба, и опрокинутые, размытые отражения близлежащих селений. Вокруг цвели сады, стоял тонкий сладкий весенний аромат. Радовали глаз пышные виноградники, высокие и густые озимые, дружные всходы яровых. Безмерно счастливыми были крестьяне-бессарабцы, впервые в жизни любовно обрабатывавшие свою землю, сеявшие свой хлеб, работающие на себя, а не на обирал-помещиков и живоглотов-кулаков.

Эта весна была и трудной: старое уходило неохотно, огрызаясь выстрелами из-за угла, взлетами зловещих красных «петухов» над домами колхозников, машинными и скотными дворами. От мстительного свинца падали партийные и советские работники, колхозные активисты. Во всем чувствовалась подлая работа «бывших», потерявших былую власть, благополучие, утративших возможность без труда и безнаказанно драть шкуру с бедноты, наживаться за счет народа. Чувствовались также хищные и кровожадные руки королевской охранки—сигуранцы — и фашистского абвера, тянущиеся из-за кордона.

Неимоверно обострилась обстановка на границе. Румынские пограничники грозили из-за реки кулаками, выкрикивали ругательства и нередко даже обстреливали из винтовок. Участились попытки переброски на нашу сторону вражеских лазутчиков.

Ночью 18 июня бойцы 12-й заставы задержали мужчину лет сорока, пытавшегося убежать за кордон. Во время его допроса в канцелярию зашел инструктор служебных собак старший сержант Владимир Третьяков. Он пристально посмотрел на задержанного, а выходя, незаметно, но выразительно подмигнул начальнику заставы.

— Кто этот человек?— взволнованно спросил Третьяков вышедшего вслед за ним Ветчинкина.

— Наши задержали на участке. Говорит, что селянин. А за границу хотел уйти потому, что нечаянно в драке убил человека и боится ответственности.

— Врет он, товарищ лейтенант, врет! По всем приметам, которые нам сообщали года два назад, он тот самый агент сигуранцы по кличке не то Зеленый глаз, не то Зеленый змей, я уж точно не помню.

— Верно, Володя! Вспомнил, Зеленый змей! Как я его сразу не узнал? Понимаешь, смотрю, и все мне кажется, что где-то уже видел. Теперь не сомневаюсь: это тот самый Змей Горыныч, которого мы ищем. Спасибо тебе.

Под давлением улик Зеленый змей признался. Рассказал, что убил бывшего шпиона румынской спецслужбы, который отказался работать на своих бывших хозяев. При допросе в Кагуле заявил, что, если ему гарантируют жизнь, он сообщит важные данные.

— Это не в моей компетенции,— ответил ему начальник разведки отряда майор Цехановский.— Однако суд может учесть вашу откровенность и смягчить наказание.

— Тогда занесите в протокол. Завтра на участке одной из кагульских застав будет переходить границу еще один агент сигуранцы с очень важным и опасным заданием.

Нового «гостя» чисто взял наряд под началом старшего сержанта Третьякова. Его немедленно отправили в Кагул. Вечером того же дня начальник разведки комендатуры старший лейтенант Симохин сообщил, что «гость» поехал еще дальше, так как располагает весьма важными сведениями.

В предвоенные дни подобные события происходили и на других заставах, на всем участке границы Кагульского пограничного отряда.

Тревожный рассвет 22 июня. После ураганного артиллерийского и минометного обстрела противник на-

чал высадку десанта силой более батальона. Пограничники встретили врага во всеоружии. Дерзко, отважно и самоотверженно сражались бойцы и командиры кагульских застав. Множество легендарных подвигов было совершено в первые дни боев.

Неувядаемой славой покрыли себя лейтенанты Ветчинкин, Бондарев, младший лейтенант Подуст, старший политрук М. М. Яценко, старшина Н. Наумов, сержанты В. Кисленков, Рыжков, П. Кириллов, А. Зубов, рядовые Бекшанов, Черных, В. Спирин, П. Панов, Шманатов, Кудашов и многие другие. О каждом из них можно написать отдельные книги. 14 сержантов и бойцов пали смертью храбрых в этих пограничных боях за молдавскую землю. Над их братской могилой у обожженной пламенем войны стены старой заставы высится простой обелиск с красной звездой. Тихо склоняются над ними душистые белые акации, шелестят листьями пирамидальные тополя, будто рассказывая о ратных подвигах воинов в зеленых фуражках.

Первые выстрелы

В сборнике документов «Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза» приводятся такие два примера: «Комсомолец сержант Щербаков А. Т. (ошибка, настоящая фамилия сержанта Щербатов, и это подтверждается его собственными воспоминаниями в книге «Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны») с переходом Государственной границы противником стянул и объединил с фланга заставы три парных наряда и возглавил их борьбу со взводом румынских солдат, которые переправились на лодках южнее моста...» Далее говорится, что потом группа Щербатова присоединилась к заставе.

«Ефрейтор, комсомолец Панов П. М., огнем из своего пулемета вместе со своим товарищем отбил от блокгауза около 30 румынских солдат».

А вот что было за этими лаконичными строчками военного донесения.

Командир отделения 12-й заставы сержант Николай Щербатов со своим бойцом Хадеевым возвращались на заставу. Время перевалило за три часа. Далеко-далеко на востоке начало розоветь небо: вставала заря нового утра... Чутко вслушиваясь в окружающую тишину,

оба пограничника шли по дозорной тропе. Молчали. Каждый думал о своем, предвкушая горячий чаек и близкий отдых. Сержант отслужил уже полтора года. Служба шла хорошо, в отделении был порядок. Щербатов был по природе веселый парень, любитель музыки, часто в свободное время наигрывал на гитаре, привезенной из дома.

Хадеев — молодой пограничник, на заставу прибыл полгода назад. Не по возрасту неторопливый, немногословный, был исправным бойцом.

Минули дом, оставшийся от располагавшегося здесь до июня 1940 года небольшого румынского гарнизона. Вокруг росли большие раскидистые вязы, под кронами которых еще вовсю царствовала ночь. До заставы оставалось около трех километров.

«А вот и наш наряд»,—подумал Щербатов, заметив проступившие на более светлом фоне горизонта темные фигуры. Встал в густую тень вяза. К другому, несколько сзади, притулился Хадеев. Двое приближались.

— «Курск»,— шепотом подал сержант пароль.

Однако вместо отзыва вздрогнувшие от испуга неизвестные выстрелили из винтовок и пустились наутек в сторону плавней.

Упавшие на всякий случай сержант и боец, мимо которых просвистели пули, еще не успели вскочить и броситься в погоню, как почти на том же месте показались еще два силуэта.

«Свои или опять чужие?»—мелькнула мысль, и Щербатов поднял винтовку.

— «Курск»,— подал он пароль.

— «Курок»,— с облегчением услышал в ответ.

— Что случилось, товарищ сержант?— спросил старший подошедшего наряда Малюкин.—Мы с Берендаковым слышали два выстрела.

— Нас кто-то обстрелял. Думая, что идете вы, я сказал пароль, а вместо отзыва — выстрелы. Убежали в сторону плавней...

— Товарищ сержант,— перебил Щербатова Хадеев,— с той стороны к нам плывут две лодки с людьми, человек тринадцать-пятнадцать.

— Вот так шутка!— прошептал сержант.—Малюкин и Берендаков, бегом отправляйтесь по следу злоумышленников. Задача: догнать и задержать. А потом немед-

80257

9 Вологодская ОБС

ленно к нам. Дело, как я понимаю, предстоит горячее, и ваша помощь понадобится. Ясно?

— Ясно, товарищ сержант,— ответил Малюкин.

— Выполняйте.

Щербатов и Хадеев, пригнувшись, подскочили к обрыву и залегли за деревьями. С той стороны показались две лодки.

— Это вражеские солдаты. Непонятная провокация. Приготовить гранаты,— тихо приказал Щербатов,— Встретим у самого берега. Бросать по моей команде.

Прошло пять-семь минут. У плавней прогремели два винтовочных выстрела.

— Наши стреляют — определил Щербатов.— Значит, догнали неизвестных. Хотя бы все обошлось благополучно.

— Два вот они и сами, товарищ сержант,—доложил Хадеев через несколько минут,—целехонькие.

— Товарищ сержант,— учащенно дыша от быстрого бега и ползания, доложил Малюкин,— то были румынские солдаты.

— Ясно,— подытожил Щербатов.— Располагайтесь у обрыва, замаскируйтесь. Будем ждать гостей.

Лодки приближались. И как только они ткнулись носами в глинистый берег Прута, Щербатов тихо сказал:

— Гранатой, огонь!

Сильный взрыв располосовал предрассветную тишину. Мало кто из врагов остался в живых. Опустевшие лодки, подхваченные течением, поплыли вниз.

С той стороны бешенно зарокотали крупнокалиберные пулеметы. Под их прикрытием к советскому берегу устремились еще две лодки на некотором расстоянии друг от друга. Видимо, враги рассчитывали, что одна подойдет, завяжет пока бой с пограничниками, а потом подоспеет и вторая.

— Ага, чертяки, переменили тактику!—догадался Щербатов.— Ничего, разберемся. Ребята,— приказал он,— рассредоточьтесь, маскируйтесь лучше, зря не высовываться! Слушать мою команду! По десанту врага, прицел постоянный, огонь, огонь!

С лодок в ответ затрещали очереди ручных пулеметов и автоматов. С противоположного берега продолжали бить пулеметы. Однако вражеский огонь был неэффективный, зато каждая пуля пограничников находила

цель: с лодки то и дело падали в воду убитые и раненые солдаты.

К нашему берегу подошли еще две лодки с десантом. Вскоре одна из них опрокинулась, остатки недобитых вражеских солдат оказались в воде. Метким огнем пограничники полностью уничтожили вражеский десант и предотвратили его высадку на наш берег.

Враги больше не показывались. Сержант размышлял о том, что же это было? «Крупная провокация вроде той, что была в январе 1941 года на пятой заставе, или что-то серьезнее? Уж не война ли?»

На границе опять наступила тишина. Приближался рассвет.

Но прошло не более пяти-семи минут, как в районе заставы загрохотали взрывы снарядов и мин, застрекотали пулеметы, затрещали винтовочные и автоматные выстрелы, превратившиеся в один беспрерывный гул. Взметнулись к небу пламя, густые столбы дыма.

Сомнений не было: война.

— Будем действовать по обстановке,— решил сержант.— Соберем все наряды, что есть на участке, и попытаемся пробиться к своим. Вон уже Малюкин и Берендаков бегут к нам, а за ними вижу еще одну пару.

Скоро в группе Щербатова было уже шесть воинов. Боезапас насчитывал более шестисот патронов, десять гранат и две ракетницы с сигнальными и осветительными зарядами.

Пробраться к своим не удалось. Вскоре они ввязались в бой с одной группой врагов, пытавшихся незаметно подобраться к правому флангу обороны пограничников, за нею появилась вторая. Целый день отбивались от рвущихся вперед вражеских подразделений.

Лишь под вечер, когда по приказу коменданта участка капитана Персикова подчиненные лейтенанта Ветчинкина и Бондарева и младшего лейтенанта Подуста пошли врукопашную, группа сержанта Щербатова сумела прибыть им на помощь.

Решительными действиями воинов-пограничников и поддерживавших их красноармейцев 54-го стрелкового полка враги были выдворены с советской территории.

За умелые действия и личную храбрость сержант Щербатов был награжден орденом Красной Звезды.

Засада в блокгаузе

Около десяти часов утра. С наблюдательного пункта капитан Персиков заметил двигавшуюся к заставе вражескую группу — до полувзвода — с двумя пулеметами. Было решено встретить ее. Для этой цели наиболее подходила огневая точка-блокгауз, оборудованная еще в мирное время. Она находилась сейчас между нашей обороной и наступающими. Необходимо было направить туда двух крепких бойцов.

Младший лейтенант Подуст остановил выбор на рядовом своей заставы П. Панове и рядовом из комендатуры П. Бородине. Петр Панов был волжанином, из большого села близ Сызрани, родился и вырос в крестьянской семье.

Как все крестьянские дети, рано привыкший к труду, Петр и службу на границе воспринимал и исполнял, как необходимый и важный труд, стал отличником боевой и политической подготовки. В общем, был одним из тех бойцов, которые обычно составляют костяк заставы, взвода, роты. В отделении был вторым номером ручного пулемета, отлично стрелял и из винтовки.

Получив боевую задачу и условившись о сигнализации, Петр и его товарищ, прихватив ручной пулемет и коробку с дисками, поползли к дзоту, до которого было метров шестьдесят-семьдесят. Но какие это были метры! Еще вчера их можно было не брать в расчет, а сейчас они неимоверно растянулись, стали гораздо длиннее мирных километров. Каждый сантиметр мог быть последним. Неприятель беспрерывно бил из пушек, минометов, а особенно плотной была ружейно-пулеметная стрельба, пули срезали траву, ветки и листья кустарников.

Прижимаясь к земле, скользя друг за другом по левой обочине дороги, пограничники успешно достигли блокгауза, который оказался пустым. Забравшись в него, облегченно вздохнув, быстро изготовились к ведению огня. Петр выбрался за восточную стену и стал подавать условный сигнал, поднимая на штыке фуражку. Но ответа не последовало.

Бойцы поняли, что надо рассчитывать только на свои силы, и продолжали наблюдать за продвижением вражеской группы.

До нее оставалось метров 120—130. Решили подпустить поближе.

— Ну, теперь пора,— сказал Петр. Он тщательно прицелился в самую гущу врагов, длинной пулеметной очередью сразил сразу 6—7 солдат.

— Стоп!— выдохнул Панов.—Сделаем перерыв. Побережем патроны, кто знает, сколько пробудем здесь.

Потом опять раздались очереди пулемета и выстрелы винтовки. Потеряв еще несколько человек убитыми, гитлеровцы залегли. Во время наступившей паузы Петр сменил опустевший диск, Бородин дозарядил винтовку, оба пододвинули поближе гранаты.

Более полутора часов вели неравный бой двое пограничников. Получив отпор, фашисты отступили. Минут через десять бойцы решили вернуться и доложить командирам о результатах вылазки. Отсиживаться в тиши блокгауза они посчитали неправильным и ненужным. Кроме того, допускали, что основные силы застав могли отойти к востоку, тогда они окажутся в дзоте, как в мышеловке.

У самого наблюдательного пункта пограничников встретил военком погранкомендатуры старший политрук М. М. Яценко. Ветеран-пограничник Михаил Митрофанович был для бойцов и командиров образцом настоящего комиссара, человеком высоких партийных и деловых качеств, твердой большевистской воли.

Узнав от Панова о результатах вылазки в блокгауз, он похвалил воинов за смекалку и сказал, что необходимо взять ящик с патронами и доставить его на правый фланг обороны, где боеприпасы были на исходе.

Примерно на половине пути неведомо откуда примчался заставский пес Дин, огромный, лохматый.

Обескураженный, напуганный, сбитый с толку происходящим вокруг, Дин искал защиты у людей. С радостным лаем бросился он к Петру, беспрерывно прыгал возле него, махал, как маятником, большим пышным хвостом, унизанным репьями. Петр и сам растрогался неожиданной встречей. В этот момент неподалеку раздался грохот. Петра обдало тугой обжигающей волной, он ощутил тяжелый, тупой толчок в голову, вроде удара боксерской перчаткой. Все сразу закружилось, поплыло, и он рухнул на траву.

...Сколько времени он пролежал, Петр не знал; ему

показалось, что забытье длилось несколько мгновений. Забыв об опасности, поднялся на ноги. «Живу!» И тут его взгляд наткнулся на что-то лежащее неподалеку: это был Дин, вернее, что осталось от него. «Бедный, глупый Дин! И почему ты меня не послушался и не убежал отсюда?»—горько подумал пограничник. Присмотревшись, он понял, не будь рядом Дина, все, что выдал снаряд при взрыве, досталось бы ему. Выходит, Дин спас его...

В это время обстановка у границы изменилась. Лейтенант Ветчинкин с разрешения капитана Персикова приказал бойцам отползти на несколько десятков метров назад. Тут к ним присоединился и Петр.

Увидев его, М. Яценко забеспокоился:

— Панов, вы ранены? Подползайте ко мне.

Он внимательно осмотрел рану на его лбу, в которой застрял солидный стальной осколок. Попытался вытащить его руками, но тот не поддавался. Тогда военком ухватил его зубами и, осторожно раскачивая, выдернул. Разорвав свою нательную рубаху, Яценко забинтовал голову бойца. Потом осмотрел рану на его щеке и махнул рукой — сама заживет.

— Теперь,— приказал комиссар,— идите в тыл, в медпункт, там окажут квалифицированную помощь, рана нешуточная. По пути передайте лейтенанту Ветчинкину и младшему лейтенанту Подусту приказ капитана Персикова собрать все силы в один кулак. Капитан решил контратаковать фашистов и выбить их с нашей земли.

Выполнив приказание военкома, Петр зашагал к Кагулу. Путь был неблизок и небезопасен: румынская артиллерия непрерывно била по дороге.

В медпункте, развернутом на взгорке у самого Кагула, орудовал со своими помощниками военфельдшер второго ранга Кашица, красивый молодой белорус, всегда опрятный и подтянутый.

— Ты, брат, в рубашке родился,— сказал он, обрабатывая рану Петра.— Еще бы пару миллиметров, и осколок врезался бы в мозги. А теперь все нормально, скоро заживет.

Петр с другими ходячими ранеными направился в комендатуру, где их встретили жены командиров Екатерина Яценко, Мария Виноградова, Зинаида Дюжаева и другие. Они хозяйничали на кухне и в столовой, ухажи-

вали за ранеными, размещенными в казарме комендантского отделения.

Утром 23 июня Петр со своим другом Николаем Мирошниковым был отправлен в Болград, а оттуда в Одесский окружной военный госпиталь на излечение. Вернулся оттуда в июле 1941 года и был назначен на свою заставу командиром отделения, с присвоением звания сержанта. С заставой до конца сентября отступал по южным степям Украины, почти ежедневно вступая в схватки с передовыми частями румын и немцев, несколько раз едва вырывался из катастрофических положений. В конце сентября вместе с несколькими десятками пограничников отряда был направлен в Москву на учебу в пограничное училище. Учиться, однако, не пришлось: Москва к их прибытию была в осадном положении, надо было ее защищать.

За боевые подвиги, совершенные в первый день боев на границе, Петр Матвеевич был награжден орденом Красного Знамени, который ему был вручен в Кремле в числе других пограничников 22 февраля 1942 года Михаилом Ивановичем Калининым. Фотокарточку, запечатлевшую эти события, хранит он как самую дорогую реликвию.

В 1946 году старший сержант Панов был демобилизован и с тех пор живет в городе Реутове Московской области. Работал бухгалтером. Со своей женой Евгенией Максимовной вырастили двоих детей: сын Валерий— кандидат наук, дочь Светлана — переводчица с английского языка. Сейчас Петр Матвеевич на заслуженном отдыхе.

По приглашению пограничников и партийных органов Петр Матвеевич посетил Тирасполь, Кишинев, Кагул, побывал на месте, где когда-то стояла родная застава.

Поклонился Петр Матвеевич дорогой могиле, в которой вечным сном спят герои давних, но не забытых пограничных боев земляки-волжане старшина Николай Наумов, сержант Александр Зубов, сержанты Петр Кириллов, Василий Кисленков, Василий Спирин и другие боевые друзья-сослуживцы, павшие при защите родной земли...

С. С. СИДОРОВ,
полковник в отставке,
бывший редактор многотиражной газеты
25-го погранотряда

В ТО ГРОЗНОЕ ЛЕТО

Когда перечитываю письма боевых однополчан, мысленно обращаюсь к событиям 1941 года.

Служил я тогда на границе, был редактором отрядной многотиражной газеты. Субботний день 21 июня выдался чудесный, на голубом небе ни облачка, и это порождало безмятежное настроение.

Но в штабе, политотделе погранотряда, в подразделениях ощущалось напряжение. Командиры, только что вернувшиеся с застав, на оперативном совещании у начальника отряда майора С. М. Фадеева докладывали о том, что на сопредельной стороне, по существу, в открытую готовятся к нападению.

Заместитель начальника политотдела 25-го погранотряда батальонный комиссар К. К. Новиков был краток: бдительность, готовность, мужество — вот главное в создавшейся обстановке. Каждому участнику совещания он вручил «Памятку коммунисту в бою», полученную из политотдела округа.

Выходя из штаба, я встретился с сержантом Борисом Ольховским. Высокий, широкоплечий, с открытым приветливым лицом, мой земляк-ленинградец был известен в отряде как разносторонний спортсмен, один из ведущих игроков отрядной футбольной команды, чемпион части и даже округа по рукопашному бою, боксу и самбо. Я спросил, пойдет ли он вечером на концерт художественной самодеятельности.

Нет, у Бориса намечается серьезное дело. Ввиду крайне опасной обстановки начальник отряда принял решение послать на сопредельную сторону разведчика, а обеспечение этой операции возложил на лейтенанта Г. Малого и на него, Ольховского.

Что было дальше, Борис Павлович рассказал спустя

десятилетия в письме, оказавшемся, к сожалению, последним: вслед за ним пришло сообщение о скоропостижной смерти моего старого друга.

«Мы,— писал он,— прибыли на участок 11-й заставы, заранее наметив переброску разведчика в глухом месте, у узкого изгиба реки. Тот был одет под местного парня. С наступлением вечерней темноты благополучно, без помех, переправили его на ту сторону, а сами остались нести охрану этого сектора. Примерно в 00—20 минут 22 июня наш посланец возвратился.

— Завтра, то есть сегодня утром, фашисты начнут войну!—доложил он, отдышавшись.

Лейтенант Малый приказал мне продолжать службу — до подхода наряда с заставы, и тут же вместе с разведчиком помчался в штаб отряда, понимая, что промедление недопустимо...

В 4 часа с румынского берега начался артиллерийский обстрел нашего приграничья. Ко мне прибежал незнакомый боец и доложил, что его в качестве подкрепления направил сюда младший лейтенант Ф. Подуст, начальник 11-й заставы. Ну, думаю, вдвоем веселее, надежнее. Глаз не спускаем с реки, ждем, вслушиваемся в звуки боя, доносившиеся из района 11-й и 12-й застав, теряемся в предположениях, что же происходит, неужели в самом деле война.

Около пяти часов утра позади нас раздвинулись кустарники и появились — ведь такое в сказках разве бывает!—мои друзья, бойцы маневренной группы Саша Мышкин, Леша Романов, Г. Бизяев, М. Хабибулин, а с ними два незнакомых пограничника с заставы, передавших приказ: оборонять этот участок до особого распоряжения...

Не успели окопаться, как смотрим — из густого кустарника, обрамлявшего противоположный берег, вышли пять лодок и плот. Мы изготовились к бою. И как только лодки приблизились к нашему берегу, забросали их гранатами, открыли прицельный огонь. Ни один вражеский солдат не вступил на нашу землю.

После этого противник часа четыре ничем не давал о себе знать. Но нас все больше тревожило положение в гарнизоне кагульских (11-й и 12-й) застав. Там были слышны выстрелы, разрывы снарядов. Я решил послать бойца, чтобы узнать, что там происходит и вообще какова обстановка. Через некоторое время пограничник

вернулся, и только теперь мы узнали, что Германия напала на нашу страну и по всей западной границе идут ожесточенные бои.

Начинало смеркаться, когда наблюдатель доложил: слева от нашей позиции появились фашисты. Вот где мне пригодилось давнее умение владеть штыком! Толком я, конечно, не помню, что делал, не потом ребята рассказали, как все это у меня получилось... Нескольких солдат противник не досчитался. Да и друзья мои не подкачали!

На третий день я был ранен. Кровь еле уняли, и все же после перевязки я мог еще сносно стрелять.

Погиб пограничник с заставы, ранило Бизяева, Хабибулина, а потом и Мышкина. Ужасно хотелось есть. Мучила жажда: с трудом держались на ногах. А главное — боеприпасы почти кончились.

Наконец с заставы прибыл сержант и передал приказ младшего лейтенанта Подуста отойти через плавни к Кагулу. Хорошо, что ни у кого из раненых не были повреждены ноги, а то было бы совсем плохо...»

Остается добавить, что Ольховский прошел всю войну, освобождал Кубань, брал Керчь, Севастополь, Харьков, Варшаву, встретил победу в Берлине. В числе других боевых наград он был отмечен четырьмя орденами Красной Звезды.

Свое письмо-воспоминание полковник в отставке Е. Прямов из города Новозыбкова начинает тоже с последнего мирного дня.

«Ты помнишь, конечно,— пишет Ефим Егорович,— что за три или четыре дня до начала войны в отряд прибыла инспекторская комиссия из Главного управления пограничных войск. Мне, исполнявшему в то время должность начальника штаба участка, стало известно, что завтра, в воскресенье, они намерены провести проверку огневой подготовки личного состава 18-й, 19-й, 20-й и резервной застав, а также командиров и младших командиров управления комендатуры.

Со своими подчиненными взялся за подготовку подразделений к смотру. Работали до глубокой ночи, как вдруг звонок из отряда: поднять заставы по боевой тревоге. А когда чуть забрезжил предутренний свет, над сопредельной стороной вспыхнули красные ракеты и раздался гром орудий. Снаряды рвались на улицах се-

ла, появились раненые, раздавались крики о помощи, детский плач. Вышла из строя связь...

На случай нападения у нас заблаговременно было отработано несколько вариантов действий штаба комендатуры. Без суеты мы переместили управление участком на полевой КП, расположенный в районе 19-й заставы (с. Слободзея-Маре).

Враг рвался через Прут, надеясь быстро сломить сопротивление застав и уничтожить пограничников. Однако заставы дали наглому врагу стойкий отпор. Фашисты, по существу, были прикованы нашим огнем к своему берегу. Там, где противнику удавалось пересечь реку, его встречали гранатами, штыком и прикладом. В штыковой схватке погиб начальник 18-й заставы лейтенант Я. Конотопец. За два часа ожесточенного боя пали смертью храбрых девять бойцов.

Комендант участка капитан Г. Н. Твардовский сказал мне: «Бери взвод с резервной заставы и пробейся на восемнадцатую!»

Выйдя к окруженной заставе с тыла, от реки, мы внезапно для противника нанесли ему сильный удар. Немногие фашистские солдаты добрались до берега.

Во второй половине дня сложилась тяжелая обстановка на 20-й заставе: много раненых, а противник снова готовится к форсированию реки. По поручению коменданта, взяв с собой станковый пулемет и одного бойца по фамилии Демидченко, на пикапе помчался в район двадцатой. Поспел в самый раз: фашистский десант на девяти лодках (каждая подъемностью на 7—10 человек) показался на озере метрах в пятистах от нас. Соблюдая меры маскировки, я, в роли первого номера «максима», подпустил фрицев на 25—30 метрах и открыл уничтожающий огонь. Пограничники прицельно били из винтовок. Лодки были разбиты, тридцать вражеских солдат сдались в плен.

Успех окрылил пограничников. Председатель инспекторской комиссии майор Д. И. Кузнецов сказал: «Вы прошли самую строгую проверку — проверку боем. Передайте всем бойцам, что они — молодцы!» Майор посоветовал отличившихся представить к правительственным наградам. Я за этот бой был награжден медалью «За отвагу».

Майора Кузнецова мне больше не довелось видеть. Рассказывали, что, вернувшись в Москву, он сразу же

попросился на фронт, командовал полком, сражался храбро и погиб, ведя бойцов в атаку, в конце июля того же сорок первого года. Посмертно он был удостоен высокого звания Героя Советского Союза...

Вот таким был для меня тот кровавый день 22 июня сорок первого года».

А вот письмо из Алма-Аты от И. Т. Стружихина. Ему 71 год, но он еще много и плодотворно работает, доцент медицинского института, нештатный лектор ЦК Компартии Казахстана. В довоенные годы был политруком 1-й заставы нашего погранотряда. За мужество и доблесть, проявленные в первых боях с немецко-фашистскими захватчиками, награжден орденом Красного Знамени. В письме Николай Тимофеевич поделился впечатлениями от недавней поездки на родную границу в Молдавии.

«Все здесь,— говорится в письме,— преобразилось. Всюду — сады, виноградные плантации, оросительные системы, прекрасные дороги, чудесные красивые селения. Пограничники встретили радушно. Забросали вопросами: «Как это было? Как началось? Кого из бойцов вы помните?»

Отвечая, я с волнением рассказывал, как в субботу на заставу привезли кинофильм «Богдан Хмельницкий», как после кино вышел с сержантом Каминским на границу для проверки нарядов на правом фланге. Городок наш, Леово, еще не спал, а на противоположной стороне было непривычно тихо: в предыдущие ночи там громыхали танки, артиллерийские установки, двигались машины. А теперь вдруг утихомирились...

С обхода границы вернулся в начале третьего часа ночи. Не успел доложить начальнику заставы, как от реки послышались винтовочные выстрелы. Выбегаем с лейтенантом Ф. И. Потехиным на берег. Во тьме снова несколько красных вспышек и выстрелов. Донеслись обрывки выкриков. Потехин выстрелил осветительной ракетой. В ее свете видим на том берегу кучу солдат в касках. Они снова подняли крик. Может быть, хотели предупредить нас о готовящемся нападении? Не знаю. Мы сделали для себя вывод. Каждый наряд инструктировали особенно тщательно, говоря, что мы надеемся на мужество и отвагу каждого бойца.

Через два часа после этого на городок и заставу обрушились залпы артиллерии. На правом фланге участ-

ка послышалась сильная ружейно-пулеметная стрельба. С четырьмя бойцами на конях скачу во весь опор на звуки пальбы. Подоспел вовремя. До взвода вражеских солдат пытались форсировать Прут. Усиленный наряд (5 бойцов) ефрейтора Бойкова забросал лодки, подходившие к отмели, гранатами и вел автоматно-винтовочный огонь. Мы присоединили свои усилия. Банда (так еще в эти минуты мы именовали противника) была разгромлена. На радостях я стремглав бросился на стоящую поблизости наблюдательную вышку, чтобы по телефону доложить о происшедшем начальнику заставы.

Слышу в трубке тревожный голос Потехина, откуда, мол, звонишь. «С вышки»,—говорю. «Ты с ума сошел... ведь это война... из отряда позвонили...»

Я глянул на сопредельную сторону. Там в окопах и за ними в лучах солнца, поднявшегося над горизонтом, отсвечивало множество касок, суетились солдаты, слышались обрывки команд... раздавались выстрелы... Не помня себя от волнения, спускаюсь... одна лестница, вторая... пули дырявят деревянную обшивку... значит, меня заметили... чувствую, волосы подымают фуражку... последняя площадка... по вышке уже садят из пулемета, автоматов... я прыгнул вниз и — ничего, хотя высота была четыре с лишком метра...

Переживать было некогда: противник силой до взвода начал переправу. В считанные минуты пограничники — теперь нас было полтора десятка человек — скрытно заняли удобную позицию у берега, сплошь заросшего кустарником. Подоспело два расчета станковых пулеметов из 5-го кавалерийского полка, дислоцировавшегося в непосредственной близости к госгранице. Теперь все решает выдержка. Предупреждаю пограничников и кавалеристов: огонь только по моей команде, верю, не подведете!..

В этой схватке противник потерял убитыми и ранеными больше 30 человек и обратился в бегство. Пленные потом показали: командование никак не предполагало, что в этом секторе у русских может быть целое боеспособное подразделение.

Не забыть, как после боя ко мне подошел секретарь комсомольской организации заставы ефрейтор В. Терещенко, показавший себя настоящим храбрецом и умелым воином:

— Товарищ политрук, хочу спросить, можно ли по-

дать заявление о приеме в партию? Давно мечтаю стать коммунистом, а теперь — самое время...

В течение этого страшного своей напряженностью и жертвами дня в моей полевой сумке оказалось семь заявлений с просьбами о приеме в ряды ВКП(б).

Сколько было боев потом, сколько переживаний, но первый бой памятен по-особому. Уже тогда мы ощутили, что, как бы ни был силен враг, мы — сильнее!»

Из Одессы приходят письма от А. К. Турикова, до войны служившего на 7-й заставе (с. Готешты) командиром отделения, а на фронте ставшего политработником, сначала комсоргом, а впоследствии парторгом батальона. Александр Кузьмич многие годы после увольнения из погранвойск работает в Одесском морском пароходстве. У него большая семья, пять внуков. Несмотря на постоянную занятость и болезни, ветеран активно помогает красным следопытам — студентам политехнического института, исследующим историю участия пограничников в Великой Отечественной войне и сейчас готовящимся открыть в своем вузе музей 25-го погранполка.

Начало войны нашему Кузьмичу (так дружески называли Турикова его однополчане) тоже запомнилось на всю жизнь.

«Вечером, в субботу 21 июня,— пишет он,— мы на заставе смотрели кино «Трактористы». А около 22—00 на заставу пришел начальник штаба комендатуры старший лейтенант Н. А. Мокин. Не знаю, о чем он говорил с нашим начальником лейтенантом И. Н. Рыжковым, но, помню, все мы как-то насторожились. Тут же меня вызвали в канцелярию: «Пойдешь на проверку нарядов со старшим лейтенантом Мокиным»,— приказал Рыжков.

Проверка нарядов заняла почти всю ночь. Когда возвратились на заставу, шел уже четвертый час. Я добрался до койки и в ту же секунду уснул. Вскочил от грохота взрывов и оттого, что на лицо сыпались осколки вылетевших стекол и песок с покоробившегося потолка. Хорошо, что хоть эти полчаса я поспал — ведь несколько последующих суток нам не пришлось смыкать глаз!..

На окраине села по обрывистому берегу Прута была заранее подготовлена система обороны — окопы, блокгаузы, НП, ходы сообщения. Отсюда я впервые увидел цепи вражеской пехоты. В касках, со шкодовскими винтовками, они шли под прикрытием артогня и обстрела

самолетов. Послышался уверенный, как бы даже обычный, будто на занятиях, голос Мокина: «Подпускай ближе! Еще ближе!» Признаюсь, этот командирский голос меня успокоил больше, чем что-либо другое. «Огонь!» — услышал я и нажал на спусковой крючок автомата, предварительно взяв в перекрестие прицела движущуюся цель — фашистского офицера.

Следующую атаку фашисты рискнули начать только двумя часами позже. И она была нами отбита!

А ближе к вечеру, видя, что противник больше не показывается, Мокин организовал вылазку нашей небольшой группы на территорию врага. Мы захватили в плен вражеских офицеров и солдата — это были первые добытые нами «языки», взяли также ценный для нас трофей — станковый пулемет «шкода» с воздушным охлаждением, металлической лентой (у нас не было ни одного станкового пулемета). Старший лейтенант Мокин, зная, что я окончил школу младших командиров-станкопулеметчиков, приказал быстро освоить трофейную технику. Я осмотрел «шкоду», установил на позиции и дал пробную очередь. Пулемет действовал нормально. Так в тот день я снова стал станкопулеметчиком...»

Ветеран отряда полковник в отставке М. М. Яценко давно на пенсии: ему скоро исполнится 80 лет. Живет он в родном своем Киеве. До войны и в первые дни боевых действий Яценко был заместителем командира 3-й комендатуры по политчасти. В своих письмах он всегда подчеркивает огромное значение политико-воспитательной работы, высокого идейно-нравственного уровня пограничников, авангардной роли коммунистов и комсомольцев.

«Мы были сильны духом, горячим патриотизмом, верой в непобедимость ленинского дела,— пишет Михаил Митрофанович.— Личный состав отряда — от командования до бойца — был влюблен в пограничные войска и гордился ими. Примером высокой партийности, нравственной чистоты и требовательности (начиная с себя) были начальник отряда майор С. М. Фадеев, старший политрук А. И. Курбатов, секретарь партбюро старший политрук В. Д. Живоглядов. Это были глубоко идейные люди, они по-настоящему готовили людей к защите Родины, а в душах бойцов и командиров посеяли действенный патриотизм и высокую духовность. С них мы брали пример во всем.

В ночь с 21 на 22 июня мы с комендантом участка капитаном В. А. Персиковым не спали. Снова и снова проверяли, что делается на заставе, кто из командиров и политруков находится непосредственно в нарядах, кому в эту ночь поручено боевое дежурство, как расставлены коммунисты и комсомольцы. В два часа ночи в комендатуру (она находилась в западном предместье г. Кагула) пришел начальник штаба отряда майор В. Б. Архипов, предупредил о возможности нападения, дал практические советы.

Когда вокруг здания комендатуры стали рваться первые снаряды, мы поняли, что началось... Персиков, отдав необходимые распоряжения, сказал мне: «Наше место, комиссар, там, где решается судьба всего нашего участка».

Полуторка, управляемая отцом коменданта, солдатом первой мировой войны, Андреем Михайловичем Персиковым, в эти минуты превратившимся из отдыхающего пенсионера в заправского воина, помчалась под частыми разрывами неприятельских снарядов в район 11-й и 12-й застав, где шел тяжелый бой. С нами было немногим больше десятка бойцов со станковым пулеметом «максим». С ходу мы вступили в бой.

Позднее начальник 12-й заставы Герой Советского Союза К. Ф. Ветчинкин признался, какой подъем и облегчение он испытал, увидев, что прибыла поддержка...»

Далее в письме старый комиссар пишет о подвигах рядовых защитников границы, называет героев ожесточенного сражения за мост — старшину Николая Наумова, младшего сержанта Василия Кисленкова, рядового Ахмеда Авгаева, павших смертью храбрых, но не пропустивших врага, автоматчика Василия Спирина, младшего политрука В. Н. Лепешкина, радиста Г. Паушкина, лейтенанта-хасановца Н. П. Бондарева, обеспечившего взрыв моста под носом противника. Сердечно, с большой теплотой полковник Яценко вспоминает о начальнике 12-й заставы лейтенанте К. Ф. Ветчинкине, в течение 12 суток руководившем обороной этого очень важного участка границы и удостоенного за мужество и доблесть, проявленные в первых боях, звания Героя Советского Союза, о начальнике 11-й заставы младшем лейтенанте Ф. Н. Подусте, награжденном орденом Красного Знамени...

Как и в письмах прежних лет, Михаил Митрофанович

почти ничего не пишет о себе. Но в ночь на 22 число и в тот кровавый рассвет мне лично довелось не раз видеть самого Яценко в бою. Он был ранен. На ходу сделав перевязку, остался на передовой. Так же поступил и комендант капитан Персиков, многие другие бойцы и командиры. Присутствие военкома, его пример бесстрашия, готовности к самопожертвованию воодушевляли пограничников на подвиги. Комиссар был инициатором выпуска первой листовки-молнии, призвавшей бойцов и командиров равняться на героев первого боя, проявлять в борьбе с фашистами свойственные пограничникам мужество, отвагу и стойкость.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года среди первых награжденных пограничников, отличившихся в июньских боях, мы найдем и имя старшего политрука Яценко Михаила Митрофановича, удостоенного тогда ордена Ленина. Как ни был мал по численности гарнизон участка под г. Кагулом, пограничники не только задержали врага, но и вышвырнули его вон с советской земли. И в этом немалая заслуга комиссара Яценко.

И еще одно письмо от полковника в отставке П. С. Козлова.

«В первый и последующие одиннадцать суток войны,— пишет Петр Сергеевич,— я, будучи заместителем политрука роты связи, с группой бойцов обеспечивал связью начальника отряда майора Фадеева. Как ты, наверное, знаешь, у меня за войну немало боевых наград, но, пожалуй, самая дорогая для меня медаль «За отвагу». Это — за 22 июня...

Недавно,—продолжает П. С. Козлов,—побывал у пограничников Молдавии. И снова с Иваном Ивановичем Бойко, бывшим политработником 1-й комендатуры, героем июньских боев, душой обороны героической пятой заставы.

Подолгу стояли на берегу Прута. Вот уже более сорока лет здесь — тишина. У этой пограничной тишины особый смысл. Потому что здесь, у этих берегов, с этой тишины, как мы с тобой хорошо знаем, начинается самое святое — Родина. Слава ее ратная здесь начинается. Слава давняя и слава сегодняшняя...

Здесь на охрану священного рубежа Отчизны и сейчас каждый день вместе с живыми встают павшие. С волнением я наблюдал, как, прежде чем идти на выпол-

нение боевого приказа по охране и обороне Государственной границы СССР, очередной пограничный наряд застывает в шеренге и мысленно дает клятву — быть достойными великой славы героев. На встречах с молодыми пограничниками вновь и вновь убеждался, сколь нужны юному поколению тот запас прочности духа, благородство дел и бесстрашие в бою, что навсегда обессмертили воинов Великой Отечественной».

Пройдя с боями путь суровый,
Вернулись вновь на берега,
Где за крутой волной днестровской
Зеленолистый край, Молдова,
Ждал избавления от врага.

С. Бурлака

Освобождение Молдавии
ГОД СОРОК ЧЕТВЕРТЫЙ

В. И. ЗЕНОВ,
ветеран 5-го мехкорпуса

НА ОГНЕННЫХ РУБЕЖАХ

Когда выступаю перед молодежью с рассказом о самых памятных событиях фронтовой жизни, часто вспоминаю март 44-го. Воины 5-го мехкорпуса подошли к Днестру. Считанные часы оставались до освобождения многострадальной Молдавии от немецко-фашистских захватчиков.

Была темная ночь. Первой на двух лодках переправилась группа бойцов из роты лейтенанта В. Нетесова. А в других подразделениях батальона старшего лейтенанта Н. Матвеева продолжали готовить подручные средства. Плоты делали из бревен, деревянных ворот. Если попадались бочки, то распиливали их пополам, скрепляли вместе три половинки, и все, «корабль» готов.

Комбат Н. Матвеев, энергичный и находчивый офицер, торопил бойцов, сам показывал, как плотничать. И вот «флотилия» спущена на воду.

— Садись!— раздалась команда Матвеева.

Комбат вместе с подчиненными греб самодельным веслом. В какой-то момент течение закружило «лодку», захлестнуло, но сильными и частыми взмахами десантники исправили положение. Выпрыгнув на сушу, оглянулся: несколько плотов и бочек приближались к берегу.

Форсирование начиналось хорошо. Но вскоре противник заметил десантников и открыл плотный артогонь. Взметнулись вверх фонтаны воды. К счастью, ни один плот не перевернулся. Берег опустел: бойцы залегли в щелях и окопах.

Батальон занял плацдарм на северных скатах высоты и героически удерживал его до подхода основных сил.

За два дня воины отбили 13 яростных атак противника. Они подпускали гитлеровцев на близкое расстояние и расстреливали их в упор. Поле было усеяно трупами вражеских солдат и офицеров.

За форсирование Днестра приказом Верховного Главнокомандующего корпус получил почетное наименование Днестровский. Многие воины, отличившиеся в жарких схватках на плацдарме, были удостоены орденов и медалей, а комбат Н. Матвеев и его боевые товарищи В. Нетесов, П. Гранкин, В. Елизаров, А. Канюша, И. Торнев и Н. Туфтов —высокого звания Героя Советского Союза.

...Чем ближе подходили мы к железной дороге Кишинев — Яссы, тем упорнее становилось сопротивление противника. Активизировались действия вражеской авиации, бои принимали все более ожесточенный характер. В каждом населенном пункте фашисты создавали плотную оборону, прорвать которую при отсутствии артиллерии было сложно. Бойцы и командиры корпуса дрались героически, наносили врагу большие потери.

Нелегкое испытание ожидало на подступах к Унгенам.

Ежедневно на нашем участке фашисты бросали в бой от 15 до 25 танков, в воздухе «висело» много «юнкерсов», «мессершмиттов», «фокке-вульфов», которые бомбили и обстреливали позиции наших войск, переправу через Прут, разрушали командные пункты, огневые точки и линии связи, лишали тылы возможности обеспечивать бойцов боеприпасами и особенно питанием. К тому же пошли ливневые дожди; они размывали дороги, заливали водой траншеи и окопы.

В этих боях 14 апреля 1944 года пал смертью храбрых командир минометного батальона капитан С. Левшунов, до войны работавший в Сибири директором школы. По возрасту он был старше всех, бойцы его любили, уважительно называли «батей». Немало других однополчан остались лежать под краснозвездными обелисками на молдавской земле.

Воины корпуса свою задачу выполнили — не дали возможности врагу завладеть инициативой, отбросить нас за Днестр.

Хочется привести данные, сохранившиеся в архивах. За период с 20 марта по 14 апреля 1944 года части и соединения корпуса уничтожили 3435 вражеских солдат

и офицеров, 28 танков, 61 автомашину, 42 орудия, 146 пулеметов, 48 минометов*.

7 мая корпус был выведен на доукомплектование. Началась активная подготовка к новым боям по изгнанию фашистов с территории Молдавии.

Ежедневно проходили занятия, воины изучали материальную часть — танки, пушки, автоматы, и пулеметы, средства связи. Политработники читали лекции о положении войск на фронтах, о трудовых делах советских людей в тылу, которые работали под девизом: «Все для фронта, все для победы!».

Во время короткого отдыха к нам приезжали с концертами артисты московских театров, выступали писатели, поэты.

27 мая был радостный и торжественный день — воинам вручали правительственные награды. Я получил вторую медаль «За отвагу» и узнал, что представлен к ордену Красной Звезды (его вручили 11 ноября).

Утром 30 мая пришло боевое распоряжение командующего 6-й танковой армии генерала А. Кравченко, в котором говорилось, что танки и пехота противника, поддержанные авиацией, прорвали участок нашего фронта вблизи высоты 137. Нам было приказано совместно с 37-м стрелковым корпусом восстановить положение.

На рассвете заняли рубежи у лесного массива и приготовились к наступлению в районе Стынки.

Но фашисты при поддержке артиллерии не дали возможности нашему первому батальону и минометному батальону, где я был старшим телефонистом, двинуться с исходного положения, сами атаковали нас. Бойцы не дрогнули, огнем из всех видов оружия отбросили врага на прежние позиции.

В этих боях особенно отличилась 3-я стрелковая рота, которой командовал лейтенант Нусенкис. Она действовала на правом фланге батальона. При броске в атаку первыми в окопы противника ворвались старшие сержанты Богачев и Епимахов, сержант Грызлов. Забросали фашистов гранатами, троих взяли в плен.

А всего за день подчиненные Нусенкиса уничтожили до роты вражеских солдат и офицеров, несколько расчетов, пушек и зенитных установок, захватили 50 пленных.

А как не назвать мужественных офицеров-политра-

---

* ЦАМО СССР, ф. 612, оп. 342316.

ботников! Воскрешая в памяти бойцов традиции Сталинграда, Курска и Орла, Корсунь-Шевченковской битвы, они умело организовывали политико-воспитательную работу, поддерживали боевой дух и стойкость наших воинов. Запомнился заместитель командира 9-й мехбригады по политчасти подполковник П. Зайченко, все время находившийся в боевых порядках батальонов. За восемь дней боев в бригаде вступило в партию около 80 солдат и офицеров*.

Пример смелости и отваги показали командир 1-го стрелкового батальона Марченко, командир 4-й стрелковой роты старший лейтенант Сабуров, командиры минометных батарей старшие лейтенанты Харченко и Легонький, командир взвода ПТР лейтенант В. Буторин, офицеры Л. И. Гречко, Н. М. Акопян, Кикнадзе, Онищенко, рядовые Галенда, В. Ежов, Кизилов, Таранов, медсестра Пашевич и многие другие.

7 июня 1944 года измотанный в боях противник уже не мог предпринимать общих атак и ограничился частными, которые были успешно отбиты.

За время боевых действий с 30 мая по 10 июня части корпуса подбили и сожгли 97 танков и самоходок противника, 14 самолетов, 63 разных орудия, 120 пулеметов, 34 миномета, уничтожили до 6000 вражеских солдат и офицеров**.

В преддверии Ясско-Кишиневской операции мои боевые товарищи стойко удерживали свои рубежи и накапливали силы для нового наступления.

---

* ЦАМО СССР, ф. 612, оп. 342316.
** Там же.

Л. И. ДРЯПА,
подполковник в отставке,
бывший командир батальона
127-го гвардейского стрелкового полка
42-й гвардейской стрелковой дивизии

ЧЕРЕЗ ВОДНЫЕ ПРЕГРАДЫ

Преодолевая упорное сопротивление противника, части 42-й гвардейской стрелковой дивизии приближались к Днестру. Воины первого батальона 127-го гвардейского стрелкового полка находились в авангарде. Несмотря на непролазную грязь, гвардейцы упорно шли вперед, а потом случилась заминка: при выходе из небольшой рощи попали под шквальный огонь врага. Но не растерялись, быстро развернулись в боевую цепь. Вражеские солдаты стали поспешно отходить, бросая оружие и боеприпасы.

В это время на рыжем скакуне примчался командир 127-го гвардейского стрелкового полка Герой Советского Союза подполковник К. Середа. Он приказал повернуть на юго-запад и очистить от противника село Козлов, у самого берега Днестра, с ходу форсировать реку.

Уже вечерело, когда мы подошли к ней. С начальником штаба батальона старшим лейтенантом Заргаровым стали решать, как быть с переправочными средствами. Под рукой ничего не было.

К нам подошел инженер полка капитан Р. Букатенич, энергичный молодой офицер. Сообщил, что в запасе есть надувная резиновая лодка. Это уже меняло дело.

Я вызвал командира взвода разведки старшего сержанта Т. Кабалика и приказал под прикрытием темноты пробраться на правый берег Днестра, разведать позиции врага.

Потом продолжил разговор с Заргаровым и Кабаликом. Остановились на том, что будем искать доски, бревна и делать из них лодки, плоты.

Темные, слегка подернутые мелкой рябью воды Днестра тихо плескались о прибрежные камни. Ни огонька,

ракеты только иногда с шипением рассекали темень и медленно опускались на землю.

В это время пять разведчиков во главе с Кабаликом отчалили на лодке от берега и скрылись в непроглядной ночи. Когда прошли половину реки, очередная ракета, пущенная врагом, очертила высоко в небе полукруг. Фашисты обнаружили смельчаков и открыли огонь.

Впереди по курсу уже смутно проступили очертания противоположного берега, Кабалик крикнул: «Вперед!» Высадившись, смельчаки нашли подходящее место для обороны и завязали бой. Следующим рейсом на лодке прибыло подкрепление. На воду спускались самодельные плотики, на которых закреплялись пулеметы.

Тем временем командир второй роты лейтенант Островский доложил, что при помощи саперов полка наведен паром. Вскоре его подчиненные вместе с разведчиками Кабалика начали расширять захваченный плацдарм, продвигаясь к селу Волошково.

А командир отделения связи нашего полка младший сержант Эдуарда Гольдминц оперативно проложила телефонную связь через Днестр.

Эдуарда только что прибыла из госпиталя, где лечилась после контузии.

Интересна судьба этой девушки. Родилась она в польском городе Лодзь в семье инженера-текстильщика. Отец занимался революционной деятельностью. Умер он еще до войны: тюрьмы подорвали здоровье. Для Эдуарды наша страна стала второй Родиной. В 1941 году она добровольно ушла на фронт. Вместе с однополчанами дошла до Мишкольца (Венгрия), во главе отделения обеспечивала связь между подразделениями.

За мужество и героизм, проявленные при освобождении молдавской земли от немецко-фашистских захватчиков, гвардии младший сержант Э. Гольдминц была награждена медалью «За отвагу»...

Форсировали Днестр и второй и третий батальоны полка под командованием Г. Резинкина и Г. Бакланова.

На правом фланге наступал 136-й гвардейский стрелковый полк. Его воины вышли на северную окраину Сокирян.

Обстановка складывалась благоприятно. Гитлеровцы, явно захваченные врасплох, не проявляли активных действий. Но сколько это могло продолжаться? Час? Два? Нужно было развить и укрепить успех. Решитель-

ным ударом опередить врага. Мы готовились к наступлению. А в такое время дел всегда невпроворот. Закончив самые неотложные, я решил заглянуть в штаб батальона, который расположился за селом Волошково. Как только приблизился к домику, мне доложили, что по телефону вызывает командир полка.

Перед боем подполковник Середа редко беспокоил комбатов, он хорошо знал, сколько у них хлопот. Но на этот раз изменил своему правилу. И на то были свои основания, нужно было предупредить:

— Учти, когда будешь наступать в сторону Окницы, то противник может предпринять танковую контратаку. Выделяю две противотанковые пушки, держи их на левом фланге.

К рассвету возвратились разведчики. Стало ясно, что у фашистов перед Сокирянами и Окницей разветвленная система обороны. Пока ведут они себя довольно беспечно: видимо, не предполагают, что мы в ближайшие часы сможем выступить. Что ж, есть шанс использовать элемент внезапности.

Короток солдатский сон. Кажется, только прильнул к вещмешку, а уже на полнеба занимается заря, щедро одаривая все вокруг оранжевыми красками. Подразделения во главе с командирами начали выдвигаться на исходные позиции.

После пятнадцатиминутной артиллерийской подготовки утреннее небо прочертила ракета, а по телефону поступил условный сигнал для атаки, и стрелки стеной пошли на врага. Их увлекал за собой комсомольский вожак первого батальона В. Овчинников.

Под непрерывным вражеским артиллерийским огнем пробивались наши воины к Сокирянам и Окнице. Поднимались в яростные атаки, схватывались врукопашную. И противник дрогнул, стал отступать за железную дорогу.

Вскоре пришло сообщение, что подразделения первого батальона 127-го гвардейского стрелкового полка ворвались в Сокиряны. Одновременно с севера к поселку подошли воины 136-го гвардейского полка.

Чтобы не дать фашистам опомниться, выбить их из железнодорожного узла Окница, командование дивизии ввело в бой 132-й гвардейский стрелковый полк под командованием подполковника П. И. Шурухина (впоследствии дважды Герой Советского Союза).

Наши батальоны двигались к северной окраине. Вражеский огонь усиливался и нарастал. Трещали автоматные и пулеметные очереди, в боевых порядках наступающих цепей рвались вражеские снаряды. Не зная наших возможностей, противник заметно нервничал.

Когда завязался бой у массивного кирпичного здания депо, был тяжело ранен заместитель командира батальона по политчасти капитан Диминюк, коммунист старой закалки. Из славной плеяды комиссаров гражданской войны. «Комиссара убили»,— пронеслось по цепи. Но, к счастью, рана оказалась несмертельной, врачи сумели возвратить его в строй.

Фашисты, изо всех сил стараясь отстоять свой опорный пункт, трижды отбивали наши атаки. Тогда подполковник К. Середа приказал командиру третьего батальона капитану Г. Бакланову зайти к ним с тыла. Этот маневр решил исход боя. Чтобы избежать окружения, гитлеровцы начали отступать.

Теперь предстояло закрепиться на достигнутом рубеже, подтянуть тылы, пополниться боеприпасами и быть готовыми вести новые бои.

Наш батальон занял оборону на стыке между Окницей и Сокирянами. Почти всю ночь вгрызались в землю. А саперы под руководством полкового инженера капитана Р. Букатевича и командира саперного взвода старшего лейтенанта Московко рыли лунки, ставили противотанковые и противопехотные мины. Особенно отличились старшина Морозов и рядовые Гладышев, Егоров, Молчанов, Приходько и Терещенко.

На правом фланге располагался 136-й гвардейский стрелковый полк майора Л. Уставчикова.

Вдали, в холодной мгле, периодически мерцали вражеские ракеты и для острастки перекликались автоматы противника.

Разведка донесла, что фашисты готовятся к танковой атаке. Об этом варианте еще раньше упоминал командир полка подполковник К. Середа. Бойцы готовились к нелегкому поединку. На бруствер окопов выкладывали противотанковые гранаты, бутылки с горючей смесью. Они знали, что рассчитывать в этом бою в основном придется на свои силы. Артиллерия дивизии застряла в непролазной грязи и сильно отстала от полков.

Не успела рассеяться утренняя мгла, как вдали взревели моторы и вражеская бронированная лавина двину-

лась на наши позиции. Прикрываясь броней более двадцати танков и бронетранспортеров, шли автоматчики.

Один «тигр» при поддержке двух средних танков направился в сторону роты лейтенанта Островского, видимо, предполагал прорваться сквозь наши ряды в этом направлении.

«Огонь!»— дал команду командир огневого взвода лейтенант П. Буйнов. Резкий хлопок противотанковых пушек — и один из средних танков остановился, завертелся с перебитой гусеницей. Еще два залпа, но танки шли вперед как ни в чем не бывало. Вдруг — взрыв: один из них наскочил на противотанковую мину.

Развивая скорость, шел прямо на пулеметный расчет Старикова и Головина «тигр». Гвардейцы успели убрать в ячейку ручной пулемет, присели. Танк перемахнул через окопчик, вслед ему полетела противотанковая граната, но почти безуспешно. Танк дошел до возвышенности, где занял круговую оборону штаб полка.

В окопе с телефонной трубкой в руке сидел и командир полка подполковник К. Середа, а возле него лежали бутылки с быстро воспламеняющейся жидкостью. Тяжелый танк только успел перемахнуть через окоп, как Середа одну за другой бросил две бутылки в моторную часть «тигра». Мгновение — и по броне танка поползли языки ярко-красного пламени. Танк остановился, открылся люк, из него в черных комбинезонах выскочили танкисты, которые были перебиты автоматчиками.

На участках обороны капитанов Г. Резинкина и Г. Бакланова танковая атака гитлеровцев также была отбита. Подоспевшие полковые батареи старшего лейтенанта Папуши и капитана Хадзицкого в жарком бою уничтожили еще три танка.

Трижды фашисты пытались прорвать нашу оборону, но ничего не добились. Так закончились бои за Окницу.

Ночью 23 марта 1944 года сюда подошла 163-я стрелковая дивизия и приняла от нас занимаемый рубеж. 127-й гвардейский стрелковый полк в составе 42-й гвардейской стрелковой дивизии двинулся в сторону Государственной границы на Пруте. Обстановка часто менялась.

Первый батальон наступал в авангарде полка. Вещевые мешки бойцов были забиты боеприпасами, патронами и противотанковыми гранатами.

До Липкан шли по полям, перелескам, сметая на своем пути вражеские заслоны.

Поселок был до основания разрушен. А когда его миновали, впереди блеснула серебристая лента реки Прут. Государственная граница!

Запомнился волнующий момент. Сержант Кабалик бережно поднял столб с гербом страны, вставил в лунку, утоптал взрыхленную вокруг землю и застыл по стойке «смирно» у пограничного знака.

Когда опустилась ночь, от нашего берега бесшумно отделилась рыбацкая лодка, в которой сидели разведчики А. Алексеев и Г. Базаров с ручным пулеметом.

На плеск воды злобно откликнулся вражеский пулемет, и тут же с обеих сторон вспыхнула перестрелка.

Через некоторое время разведчики высадились на вражеском берегу.

Жители села Перерыта, как и обещали, привели по воде несколько рыбацких лодок, и стрелковая рота лейтенанта Островского быстро переправилась на правый берег, а к рассвету 25 марта 1944 года весь батальон, форсировав стремительную пограничную речку, закрепился на маленьком плацдарме.

Наши разведчики как всегда шли впереди. Они сообщили, что навстречу нам ускоренным маршем движется вражеская колонна.

Как бы нам помогла сейчас дивизионная артиллерия! Но об этом нечего было и думать. С начальником штаба батальона старшим лейтенантом Загаровым прикинули план предстоящего боя. Он взял с собой двадцать автоматчиков и по оврагу скрытно стал обходить гитлеровскую колонну с тыла. А с фланга по ней застрочили станковые пулеметы. Гитлеровцы пытались перестроиться, оказать сопротивление, но ничего не получилось. Они стали бросать оружие, разбегаться в разные стороны. Видя безвыходность своего положения, некоторые поднимали руки вверх.

Оказалось, это был вражеский саперный батальон. Так закончился наш первый бой на румынской земле.

От Дарабани мы двинулись вдоль Прута, освобождая от фашистских поработителей большие и малые населенные пункты. Многие мои боевые товарищи отдали свои жизни за свободу и независимость братского румынского народа, и об этом мы часто вспоминали на встречах однополчан — бывших солдат и офицеров 42-й гвардейской стрелковой дивизии, прошедшей славный боевой путь.

И. И. ЩЕРБИНА,
генерал-майор в отставке,
бывший заместитель командира
171-го гвардейского артполка
по политчасти

БИЛИ ВРАГА АРТИЛЛЕРИСТЫ

171-й гвардейский Кишиневский ордена Богдана Хмельницкого артиллерийский полк, которым командовал майор М. В. Жарков, входил в состав 80-й гвардейской Уманской ордена Суворова стрелковой дивизии и принимал активное участие в боях за Молдавию.

...Первым в ночь на 3 апреля в районе села Гармацкое переправился через Днестр наш 3-й артдивизион, следом остальные части и подразделения полка. Отсюда начали наступление на Березложи, Оргеев.

Весенняя распутица, бездорожье задерживали наше продвижение. Лошади выбивались из сил, машины буксовали. Артиллеристы отставали от пехотинцев, и стрелки часто вступали в бой без нашей поддержки. Помнится, в районе Березложи, где произошла первая за Днестром стычка с врагом, в рядах пехоты оказалась только одна из гаубиц, да и та неисправная. Зная о том, что мастерская отстала, командир дивизиона майор Д. П. Клочков поручил арттехнику лейтенанту Николаю Липатову отремонтировать орудие. И молодой лейтенант, нырявший когда-то в ледяную воду Днепра за потопленной пушкой и получивший от меня рекомендацию в партию, обегал все село, нашел необходимые инструменты, сделал, казалось, невозможное.

Два дня наша дивизия преследовала противника и оказала боевое содействие 5-й гвардейской воздушно-десантной и 41-й гвардейской стрелковой дивизиям в овладении Оргеевом — мощным опорным пунктом на подступах к Кишиневу. 7 апреля мы вышли на Реут, а сутки спустя с наступлением темноты форсировали реку.

Первые подразделения переправлялись на подручных средствах. Потом полковые и дивизионные саперы навели мост. Захватив плацдарм на южном берегу Реу-

та, стали отбивать яростные контратаки противника. Лязгая гусеницами, ревя моторами, на нас неслись вражеские танки. Разрывы снарядов смешались с треском автоматных очередей.

И тут открыли огонь воины 3-го артдивизиона, стоявшего на высоте севернее Реута. Первым «заговорило» орудие старшего сержанта Николая Удода. Несколькими снарядами он уничтожил ведущий танк. Вторую бронированную машину подбил сержант В. И. Гребнев из той же батареи. А 9-я батарея, которой командовал капитан П. Я. Гончаренко, разбила вражеский бронетранспортер.

Ничего не добившись, гитлеровцы откатились к лесам, темневшим на возвышенности с южной стороны. Но и после этого они не оставили нас в покое. С холмов, что высятся за Реутом, они открыли артиллерийский и минометный огонь, ежедневно контратаковали наши полки, стараясь сбросить их в воды Реута. В период с 10 по 18 апреля на плацдарме за Реутом было отражено 12 контратак значительно превосходящих сил противника. Занятый рубеж воины дивизии удержали.

К полуночи 18 апреля мы сдали свой боевой участок другой дивизии. Сосредоточившись севернее Оргеева, на следующий день совершили 40-километровый марш в западном направлении. В районе Теленешты—Будей сменили части 62-й гвардейской дивизии, стоявшей на реке Куле, и перешли к обороне рубежа: юго-восточные скаты высоты 206,3, село Гирево, высота 226,4. Вначале все три стрелковых полка стояли в первом эшелоне, а правее нас оборонялась 69-я, левее — 62-я гвардейские дивизии. Позже в ходе оборонительных действий командование периодически выводило по одному полку во второй эшелон для отдыха, укомплектования и боевой подготовки.

Четыре месяца находились в обороне. Но подготовка к наступлению не прекращалась. По приказу комдива полковника В. И. Чижова днем и ночью не знали покоя полковые и дивизионные разведчики, уточнявшие и пополнявшие данные о противнике. Дежуря на наблюдательных пунктах, они следили за передвижением вражеских войск, засекали огневые точки, батареи и дзоты. Делали вылазки за передний край, прощупывая каждый клочок земли перед вражескими траншеями, отыскивая минные поля, проволочные заграждения и другие пре-

пятствия. Пользуясь их данными, саперы проделывали проходы в минных полях, а мы, артиллеристы, проводили пристрелку целей.

В полк прибыло пополнение из Кузьмина, Каменки, Рыбницы. Парням было по 19—20 лет. Они активно включились в армейскую жизнь, овладели специальностями радистов, связистов орудийных номеров, позже стали наводчиками, командирами орудий

Особенно запомнились командир отделения связи, младший сержант И. А. Литницкий, награжденный впоследствии медалью «За боевые заслуги», старший радиотелеграфист П. М. Заблоцкий, отлично овладел артиллерийской специальностью ефрейтор Ф. Х. Домбровский, грудь которого украсили медали «За отвагу» и «За боевые заслуги». Позднее, в боях за освобождение Венгрии, хорошо проявил себя наводчик Ф. И. Присяжнюк, подбивший три танка и два бронетранспортера, за что был отмечен орденом Красной Звезды. Все они возвратились после войны в свой родной Каменский район.

Основное внимание уделялось боевой учебе. Она велась во всех подразделениях, в том числе и на передовой. Опытные командиры изучали с бойцами оружие, вели беседы о бдительности и маскировке. А во втором эшелоне организовывались тактические занятия. Политотдел дивизии, возглавляемый полковником П. Г. Хадневичем, все свои силы направил на повышение уровня политической подготовки воинов, укрепление воинской дисциплины, воспитание мужества. С целью обмена опытом были проведены слеты агитаторов, военруков, ветераны дивизии соединения выступали перед молодыми бойцами.

В нашем 171-м гвардейском артполку часто можно было видеть в кругу солдат парторга полка майора И. С. Шостака, комсорга старшего лейтенанта А. В. Лебедева, замполитов дивизионов капитана А. Ф. Царева, старших лейтенантов Г. П. Железнова и А. М. Кретинина. Они информировали бойцов о событиях на фронтах и в тылу, изучали с ними Заявление Советского правительства в связи с переходом нашими войсками Государственной границы, беседовали о том, как следует вести себя в заграничном походе, чтобы не уронить честь и достоинство советского солдата. Заботились также о росте и укреплении партийных, комсомольских организаций.

В подразделениях связи, разведки и огневых взводах мы стремились иметь по 2—3 коммуниста, которые личным примером воодушевляли бы своих товарищей, а в исключительных случаях могли бы заменить командира. За июнь-июль и половину августа 1944 года приняли в партию около 100 человек.

Вместе с товарищами получил тогда партийный билет командир орудия 3-й батареи старший сержант М. Н. Никончук. Мелентий Николаевич до конца войны был дважды ранен и один раз контужен, но после выздоровления возвращался в часть и продолжал бить фашистов. За проявленные героизм, смелость и решительность в бою награжден двумя орденами Красной Звезды и орденом Славы III степени.

В конце первой декады 80-я дивизия несколько сдвинулась влево: 232-й полк сменил части 62-й дивизии южнее Краснашен. Затем этот же полк, передав свой участок обороны 84-й дивизии, перешел на правый фланг, где находилась 41-я гвардейская стрелковая дивизия, занял позиции в районе Корново — Нападены.

Вскоре после этой перегруппировки войск началась Ясско-Кишиневская операция. Главные удары, как известно, наносили войска 2-го и 3-го Украинских фронтов в районе Ясс и Тирасполя. В задачу же 4-й гвардейской армии входило обороняться на прежнем рубеже и зорко следить за противником. В случае его отхода нанести удар, разгромить и, наступая вдоль левого берега Прута, отрезать пути отхода к переправам вражеским войскам, попавшим в «котел» у Кишинева.

В это время командование 80-й дивизии по согласованию с командиром 20-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майором Н. И. Бирюковым провело разведку боем. 20 августа одна из рот 3-го батальона 232-го полка, находившаяся в боевом охранении за Кулой, внезапно ворвалась в траншеи врага и завязала рукопашный бой. Предупреждая подброску резервов противника к месту атаки, 2-й артдивизион 171-го полка по команде капитана С. И. Алексеева открыл огонь по вражеским позициям. Артналет был короткий, но точный и мощный. Под его прикрытием в атаку пошли две другие роты 3-го батальона 232-го полка. Правый фланг этого батальона выбил гитлеровцев из второй, а левый даже из третьей траншеи и овладел командной высотой западнее Реден.

Но вскоре гитлеровцы опомнились и при поддержке артиллерии и танков перешли в контратаку. Для ее отражения в помощь 3-му батальону был введен в бой 2-й, затем и 1-й батальоны 232-го полка. Усилили огонь артиллеристы всего 171-го полка. Фашисты били и с фронта, и с флангов, стремясь соединить стыки оставшихся в третьей траншее своих подразделений. Но вскоре командиры орудий сержанты П. А. Никитин и Д. П. Коротенко подожгли вражеские бронетранспортеры, а батарея капитана Н. Каратаева подавила часть гитлеровских орудий, и первая контратака противника сорвалась.

Однако за ней последовали вторая, третья. Гитлеровцы вводили в бой подкрепления, но добиться успеха не могли. Одиннадцать контратак отбили в ту ночь наши гвардейцы.

22 августа на передовой неожиданно установилась тишина. Казалось, обе стороны, выбившись из сил, решили передохнуть. Но обстановка тем временем резко изменилась. Пока мы вели разведку боем, войска 2-го и 3-го Украинских фронтов, наступавшие в районах Ясс и Тирасполя, прорвали оборону противника и шли навстречу друг другу к берегам Прута. И фашистским дивизиям, противостоящим нашему корпусу, теперь грозило окружение. Так что у них оставался один выход — немедленно отходить. А нам, в свою очередь, предписывалось нанести своевременный удар и разгромить противника. Для этого зорко следили за его действиями, чтобы не упустить решающий момент.

Во второй половине дня фашисты открыли беспорядочную артиллерийскую и минометную стрельбу, а когда стемнело, разведка донесла, что они покидают позиции. Мы начали преследование. Стрелковые полки двигались в том же порядке, в каком держали оборону, а наши дивизионы следовали за ними. Кроме того, по приказу комдива полковника В. И. Чижова из воинов 1-го батальона 217-го полка и 85-го отдельного противотанкового дивизиона майора Н. Д. Федоненко был создан передовой отряд преследования во главе с майором В.П. Самсоновым.

Двигались форсированным маршем, в первый день этот отряд прошел более тридцати километров, освободил до десяти населенных пунктов, в том числе Калараш, и перерезал железную и шоссейную дороги из Кишинева на Унгены. Полки шли следом. До наступления

темноты 217-й вышел в Тузару, а 230-й —в село Новачь.

Утром 24 августа движение наших войск возобновилось. Передовой отряд прошел село Садова, пересек реку Быковец и шоссейную дорогу на Ниспорены, затем ворвался в Ворничены и Лозово. Здесь столкнулся с крупными силами противника и, не ожидая подхода основных сил дивизии, завязал бой. Через несколько часов сюда подошли наши полки с приданными им артдивизионами и сразу начали отражать натиск вражеской пехоты, танков и бронетранспортеров. Под Ворниченами отличились командиры орудий сержанты А. Ткачев, П. Федорченко, И. Туровский и В. Доценко из 1-го дивизиона. Они подбили по нескольку танков и бронетранспортеров врага. В районе же села Лозово мужество и отвагу проявили командиры орудий 2-го и 3-го дивизиона младший сержант М. Коробко, старший сержант Н. Удод, подавившие несколько орудий врага. Огневой взвод лейтенанта Андрея Ржепишевского из 85-го отдельного противотанкового дивизиона подавил четыре вражеских станковых пулемета и сжег несколько автомашин врага.

Всего в бою у Ворничен, Лозово было убито более 100 и взято в плен свыше 400 гитлеровцев, в том числе 18 офицеров, захвачено более 100 лошадей, 20 станковых пулеметов, 12 орудий*.

А на рассвете следующего дня снова включились в преследование отступающего противника.

У села Бобейка 230-й полк встретился с хорошо укрепленным пунктом вражеской обороны, усиленным 5-ю артиллерийскими батареями. С помощью артиллеристов 171-го артполка фашистов вынудили отступить к лесному массиву. Потом под прикрытием наших орудий батальоны с востока и запада окружили несколько батарей. В итоге захватили 18 орудий, а расчеты их уничтожили в рукопашной схватке.

Продолжая наступление южнее Бобейки, отряд преследования в 11 часов встретился с частями 89-й гвардейской дивизии 3-го Украинского фронта. А несколько позже 217-й полк соединился с подразделениями этой дивизии в районе Улмы. Тем самым замкнулось кольцо окружения.

---

* ЦАМО СССР, ф. 468, оп. 200735, д. 3, л. 10.

Разведка установила движение вражеской колонны войск на Лапушну. Начальник штаба 80-й дивизии полковник П. И. Камышников решил разгромить ее ударами с трех сторон, перегородив путь к Пруту массированным огнем артиллерии. Командир дивизии полковник В. И. Чижов, находившийся в одном из полков, утвердил это решение. Согласно намеченному плану, отряд преследования повернул вправо, обошел Лапушну с северо-запада и к вечеру отрезал фашистам пути отхода к переправам. А вскоре к селу подошли и основные силы дивизии, которые были распределены по трем направлениям.

Ошеломленные мощным ударом гитлеровцы рассеялись по окрестным холмам и долинам. Бой продолжался и на второй день и закончился полным разгромом врага. Было уничтожено около 300 и взято в плен 600 гитлеровцев, в том числе 28 офицеров, захвачено 42 орудия, 87 пулеметов, 300 лошадей, 200 повозок и другое военное имущество*.

Большой вклад в этот успех внесли батареи капитана Николая Каратаева и старшего лейтенанта Леонида Радченко из 2-го артдивизиона, которым командовал С. И. Алексеев.

Капитан Каратаев был бесстрашным командиром. Он постоянно стремился вести огонь прямой наводкой и при этом всегда находился рядом с пушками, умело руководил подчиненными. Подстать ему был и наводчик младший сержант Иван Клейнос, кавалер орденов Красного Знамени и Красной Звезды. Он и здесь проявил выдержку и воинское умение, подбив несколько бронетранспортеров и автомашин противника.

«В этот день, с 8 до 10 утра, я находился на батарее, которой командовал Леонид Радченко,— вспоминает заместитель командира 2-го дивизиона капитан П. Я. Гончаренко.— По моему приказу батарейцы быстро сменили позиции, развернули пушки в боевой порядок. В пятистах метрах от нас гитлеровцы обстреливали нашу пехоту. Быстро приготовив исходные данные для стрельбы, батарея открыла ответный огонь. «Семейная» пушка братьев Соцких (Александр — наводчик, Иван —замковый, Василий — подносчик снарядов) первыми же выстрелами накрыла несколько орудий врага. Когда ба-

* ЦАМО СССР, ф. 320, оп. 4522, д. 8, л. 24, 25.

тарея окончательно подавила противника, наша пехота поднялась в атаку.

Мужественными воинами проявили себя недавно влившиеся в ряды 171-го артполка уроженцы Молдавии командир орудия Н. Ревенко, наводчики Г. Погоний и С. Маньковский, заряжающие И. Коротынский, А. Свидерский, разведчики-связисты И. Ильяш, В. Карпов, Н. Пятковский, М. Глуцкий, В. Цыговас и другие.

В ночь на 28 августа части нашей дивизии переправились через Прут и в течение недели вели бои на территории восточной Румынии.

Так закончилась для нас Ясско-Кишиневская операция. За активное участие в ней 230-й и 232-й стрелковые полки были награждены соответственно орденами Кутузова III-й степени и Александра Невского, а 217-й стрелковый и 171-й артиллерийский удостоены почетного наименования Кишиневских.

А. А. КОШЛЯК,
гвардии майор в отставке,
бывший офицер оперативного отделения
штаба 214-й гвардейской
стрелковой дивизии

НА ПЛАЦДАРМЕ

Берега Днестра... В дни весеннего обновления они зеленеют садами, виноградниками... А тогда, весной 44-го, стонала земля от разрывов снарядов, высоко к небу поднимался пороховой дым. Шли ожесточенные бои на днестровских плацдармах. На одном из них — в районе села Ташлык — высадилась 214-я гвардейская дивизия с целью расширить территорию, освобожденную на правом берегу реки от врага, и развернуть наступление в направлении столицы Молдавской ССР — Кишинева. 36-й и 38-й гвардейские полки находились в первом эшелоне, левым соседом была 9-я воздушно-десантная дивизия, а справа — 214-я стрелковая дивизия нашего 33-го гвардейского корпуса.

Стояли теплые дни. Шерпено-Пугаченский плацдарм имел 5—6 километров в глубину и до 10 километров в ширину. Перед ним параллельно реке тянулись поросшие кустарником и деревьями высоты, на которых противник и занял свою оборону. Он хорошо просматривал и простреливал нашу позицию. Подготовка наступления велась фактически на виду у гитлеровцев, так что у них была возможность принять контрмеры. И когда утром 16 апреля началась наша артподготовка, противник оставил в траншеях небольшие заслоны, а основные силы отвел на вторую линию обороны.

Поначалу атака развивалась успешно, но мы понимали: основная схватка впереди, важно было выяснить, что замышляют фашисты.

А они через полчаса нанесли массированный удар артиллерией и авиацией по занятым нами траншеям, после чего бросили в контратаку пехоту с танками.

...На батарею старшего лейтенанта П. И. Мусиенко из 6-го гвардейского противотанкового дивизиона, зани-

мавшую позиции в рядах 36-го гвардейского полка, глухо урча моторами, двигались шесть вражеских бронированных машин, поливая пространство перед собой смертельным огнем.

Наводчики — старшие сержанты П. Е. Колосов и А. К. Чернов, К. К. Дергачев и Н. И. Новиков вели себя спокойно, без суеты. Ждали, когда танки подойдут поближе, чтобы бить наверняка, так как снарядов было в обрез, а с подвозкой были трудности.

И вот первый выстрел. Снаряды угодили в один из танков, подставивший свой бок, его гусеница растянулась по земле. Новиков быстро послал по цели второй снаряд, и бронированная коробка окуталась густым огнем.

Наступление продолжалось. Минометчики и пехота встретили вражеских автоматчиков сильным огнем, стараясь отсечь их от танков. Особенно умело и смело действовал пулеметный взвод младшего лейтенанта А. И. Кириченко, занявший выгодные позиции на левом фланге первого батальона. Тем временем артиллеристы подбили еще два танка. Оставшиеся три машины ушли в сторону 214-й стрелковой дивизии.

Но в воздухе снова появилась фашистская авиация и обрушила на наши окопы свой бомбовый груз. Под прикрытием артиллерийского огня гитлеровцы двинули на плацдарм уже до двух десятков танков, штурмовых орудий и бронетранспортеров и более батальона пехоты.

Снова смело и упорно сражались артиллеристы. Уничтожили на этот раз три вражеских танка. Однако вражеским автоматчикам удалось вклиниться в боевые порядки батальонов капитана А. Б. Антонова из 36-го гвардейского полка и капитана Г. П. Кравцова из 38-го гвардейского полка.

Под их натиском наши воины вынуждены были отойти. Обстановка осложнялась. Противник приблизился к наводке. Тогда у орудия остались по два человека, а остальные взялись за автоматы.

И тут подоспела помощь. Комдив, полковник В. В. Скрыганов своевременно направил стрелковую роту лейтенанта М. И. Белогривого из своего резерва. Положение было восстановлено.

В течение дня батальонам дивизии дважды пришлось ходить врукопашную, в бой были брошены все резервы, саперы, разведчики, связисты. Противник понес

большой урон: наши воины подбили и сожгли одиннадцать танков, четыре штурмовых орудия и столько же бронетранспортеров, уничтожили около двухсот вражеских солдат и офицеров.

Но немалые потери были и у нас. В этой схватке пал смертью храбрых командир 36-го гвардейского полка майор М. П. Бодня, которого солдаты уважали за простоту и отзывчивость. В минуты затишья он любил поговорить с бойцами и офицерами по душам, для каждого из них находил доброе и теплое слово. Никогда не унывал, был всегда бодр и подтянут. Погиб замечательный командир, растущий военный талант, не успевший развернуться во всю силу.

Противник не прекращал контратак, он задался целью сбросить нас в Днестр и ликвидировать плацдарм. Но воины стойко выдерживали вражеские удары.

Особенно трудно пришлось 27 апреля. День начался с массированного налета вражеских бомбардировщиков, которые более получаса «утюжили» бомбами наши позиции. Причем паузы между очередными заходами авиации заполнялись массированным артиллерийским и минометным огнем всех калибров. Как только авиация закончила бомбежку, усилился артогонь, и под его прикрытием началась очередная контратака вражеской пехоты и танков.

— Приготовиться к отражению контратаки, танки пропустить через окопы и добивать их гранатами, пехоту расстреливать в упор и быть готовыми к рукопашному бою!— прозвучала команда.

Наши артиллеристы встретили огнем вражеские цепи еще на дальнем расстоянии. Три фашистских танка остановились, один из них запылал. Потом были подбиты еще четыре танка. Тем временем минометчики отсекали от танков пехоту. Противник был остановлен.

В этом бою блеснул высокими командирскими качествами и отличной профессиональной подготовкой командующий артиллерией полковник Н. И. Иванов. В ходе боя он своевременно перебрасывал артиллерийские подразделения на самые опасные участки и этим обеспечил возможность отстоять плацдарм.

Мужественно действовали в бою минометчики командира роты капитана Камилия Бургалиева. На их позицию устремились до сотни вражеских солдат. Пер-

вым смело поднялся в атаку командир минрасчета старший сержант коммунист М. А. Литвинов. Завязалась рукопашная схватка. В этом коротком бою минометчики уничтожили более тридцати гитлеровцев.

Отличились и бойцы пулеметной роты старшего лейтенанта Самохвалова П. Г. В тот момент, когда гитлеровцы потеснили наши две стрелковые роты, пулеметчики оказались на левом фланге выступом вперед. Оценив обстановку, Самохвалов повернул пулеметы на фланкирующий огонь и отбросил гитлеровцев. За умелое командование ротой старший лейтенант П. Г. Самохвалов был награжден орденом Александра Невского.

Высокий героизм проявили отец и сын Германюки— Василий Васильевич и Михаил Васильевич, рядовые из роты старшего лейтенанта С. К. Калашникова. Они пропустили вражеский танк мимо своего окопа, а затем подбили с тыла, уничтожили экипаж. Оба солдата были представлены к боевым наградам.

Убедившись в бесплодности своих попыток овладеть плацдармом, гитлеровцы прекратили контратаки. Обе стороны перешли к обороне.

5-я гвардейская армия, в том числе и наша 214-я гвардейская Винницкая дважды ордена Ленина, Краснознаменная, ордена Кутузова стрелковая дивизия имени Яна Фабрициуса, выполнили боевую задачу: был форсирован Днестр, захвачен плацдарм, который после ряда боев значительно расширили.

В первых числах мая дивизия была переброшена в Румынию.

П. Ф. ЧУЙКО,
генерал-майор инженерных войск
в отставке,
бывший командир 116-го Криворожского
инженерно-саперного батальона

ДРУЗЬЯ МОИ САПЕРЫ

116-й Криворожский армейский инженерно-саперный батальон, которым мне довелось командовать во время боев за Молдавию, действовал до 30 апреля 1944 года в 37-й армии, в дальнейшем в составе 5-й ударной армии.

Когда началось весеннее наступление, мы переправляли через Днестр наши передовые части южнее Тирасполя.

Четыре надувных лодки, шесть малонадувных на десяток рабочих — вот все плавсредства. А к форсированию готовится дивизия. Что делать? В поисках стройматериалов нашим разведчикам удалось набрести на реке Березань на брошенные фашистами шестнадцать дюралюминиевых понтонов на прицепах.

Это был настоящий клад! Но еще требовалось доставить понтоны на Днестр.

Выход подсказали разведчики старшего лейтенанта С. И. Иванцова. С помощью колхозников они собрали со всей округи волов и коров, запрягли их в прицепы. Двинулись в путь, правда, проходили по 20—25 километров в сутки, но это все же лучше, чем стоять на месте.

О находке я доложил начальнику инженерных войск 27-й армии генерал-майору Александру Ивановичу Галдовину. Выслушав меня, он обрадованно воскликнул в телефонную трубку:

— Молодцы! Я доложу генералу Шарохину. Думаю, за понтонами вышлем артиллерийские тягачи, а пока продвигайтесь понемногу.

Условия форсирования были чрезвычайно сложные, подходы к реке открыты, хорошо просматриваются противником, берега крутые, течение быстрое. В ночь на 13 апреля 1944 года саперы подготовили лодки, плоты, сколоченные из бревен, собрали легкие паромы. Насту-

пил ранний рассвет. Вспыхнула высоко в небе целая серия зеленых ракет. Заговорила артиллерия, послали свои огненные стрелы «катюши», застрочили «станкачи», и шквал пуль засвистел над головой.

— Вперед!.. Вперед!..—раздались команды. Лодки, плоты, до отказа наполненные бойцами и вооружением, оттолкнулись от берега. За ними плоты и паромы побольше, с противотанковыми пушками. Вода кипела от разрывов снарядов и пуль, поднимались в небо седые фонтаны. И там, где взметался такой фонтан, ничего не оставалось — все шло ко дну. А наши саперы без страха и устали все гнали и гнали взмахами весел лодки, плотики и паромы к противоположному берегу. Сидевшие на плавсредствах бойцы, оглушенные взрывами, судорожно вцепившись кто в борт, кто в свое оружие, ждали берега. Некоторые, не выдержав, бросались в воду и вплавь достигали берега.

Вот и отмель. Забросав гранатами траншеи гитлеровцев, наши воины захватили первую траншею, за ней— вторую.

Фашисты «огрызались» яростными контратаками, казалось, не будет им конца и края. Силы смельчаков иссякали, но они держались до подхода подкрепления.

Саперы, маневрируя между разрывами снарядов, перегоняли от берега к берегу плавсредства, перебрасывая все новые и новые подразделения.

К рассвету на отвоеванном у фашистов Кицканском плацдарме уже находились штабы батальонов и полков первого эшелона. Рассвело. Багряное солнце поднялось над горизонтом, освещая вспененную реку.

Гитлеровцы вызвали авиацию, заработали зенитные пушки, появились прикрывающие нас истребители. Завязался воздушный бой.

Где-то часам к одиннадцати подошла рота старшего лейтенанта С. И. Иванцова с тягачами, тащившими понтоны. С ходу, не мешкая, саперы приступили к оборудованию паромной переправы под танки. Особенно отличился взвод лейтенанта С. П. Волковой, собиравшей паромы.

Станислава Петровна пришла в наш батальон под Кривым Рогом после окончания ускоренного курса военно-инженерного училища и зарекомендовала себя грамотным, требовательным, хорошо ориентирующимся в

обстановке офицером, заботливым и дисциплинированным командиром. За смелые и решительные действия в боях за Кривой Рог она получила орден Красной Звезды.

Не прошло и трех часов, как заработала паромная переправа. Войска, получив подкрепление, с утра 14 апреля 1944 года перешли в наступление и расширили плацдарм до 14—18 километров.

Главной задачей батальона было строительство низководного деревянного комбинированного моста на южной окраине Тирасполя. В короткие сроки предстояло соорудить две эстакады с противоположных берегов по 60 метров, а фарватер реки перекрыть паромами-плотами, изготовленными из винных бочек. В ход пошло все: шпалы и рельсы, телеграфные столбы и молодняк Кицканского леса.

Фашисты поначалу нас не особенно беспокоили. Но как только начали вырисовываться эстакады будущего моста, налеты авиации и артиллерийский обстрел усилились и временами были настолько интенсивными, что вода в реке кипела. Батальон нес потери, но работа не прерывалась ни днем, ни ночью.

Особенно свирепствовал противник, когда строительство подходило к концу. Помнится, стояла темная апрельская ночь. Расчеты, подсвечивая себе фонариками, заканчивали бойку свай. Но вот в небе сверкнула красная вспышка, и тут же яркий неприятный свет залил район строительства. С берегов заговорили зенитные пушки. Из темноты показалась зловещая стая «юнкерсов». Завыли моторы фашистских самолетов. Вот они, один за другим, заходят над осью моста. Теперь уже три фонаря зависли над ним. Визг падающих бомб резанул слух. Прогрохотали взрывы, паром со сваебойным расчетом закачался как маятник, жалобно затрещал, личный состав расчета полетел в воду. Все заволокло дымом.

Казалось, все кончено, расчеты погибли. Но вот рассеялся дым, под сиянием осветительных бомб мы увидели командира расчета младшего лейтенанта А. И. Лылина, который с братьями сержантом Степаном и солдатом Рафаилом Терматесовыми, балансируя на пароме, пытался спасти паром, не давал ему перевернуться от волн. Другие солдаты расчета, оказав помощь барахтающимся в воде и раненым, тут же снова стали на свои

места. Паром заработал, сваи под ударами «баб» снова пошли в грунт.

И так по нескольку раз за смену.

Неискушенному человеку может показаться, ничего, дескать, такого, стройка как стройка,— работа, в общем, чего тут героического? Но это не так. Шло настоящее сражение. Сражение с коварной рекой под губительным огнем, с такими же жертвами, как и в любом другом бою, и с таким же нечеловеческим напряжением, как в атаке.

Со стороны наша «стройплощадка» казалась муравейником, где каждый знает свой маневр, свое дело и, не обращая ни на что внимания, старается как можно лучше и быстрее выполнить его. Здесь же, на рабочем месте, солдаты отдыхают, принимают пищу, здесь же, не уходя при бомбежке или артобстреле, прячут головы под бревна, здесь же нередко находят и смерть. Уходить некуда, кругом вода, бурные ледяные потоки, не менее опасные, чем снаряд или бомба. В этом кромешном аду вместе с солдатами день и ночь находились и неутомимые политработники: замполит майор М. И. Калинин, парторг капитан Г. Т. Овсейко, комсорг сержант А. А. Дракохруст, увлекая людей словом и личным примером. Здесь же рядом развернулся видавший виды наш автоклуб. Отсюда начальник клуба старший лейтенант В. П. Пивоваров постоянно ведет информацию о положении на фронтах, о героических делах тружеников тыла, о ходе нашего строительства, ставя в пример отличившихся, бичуя отстающих... Регулярно выпускаются бюллетени и фотовитрины.

Вот один из таких бюллетеней, чудом сохранившийся в моем личном архиве.

«Смерть немецким оккупантам! Бюллетень строительства

14 апреля 1944 года.

Славные труженики, воины! Криворожцы!

Наш мост с нетерпением ждут доблестные войска, он нужен им как воздух. Мост ждут ведущие кровопролитные бои на плацдарме части и подразделения. Дорогие друзья, стройка близится к концу, еще одно усилие— и мост заработает на победу. Враг злобствует, не жалея ни бомб, ни снарядов, всеми силами старается сорвать нашу стройку, не допустить переправы войск на плац-

дарм. Кровь погибших и раненых товарищей наших на Днестре зовет нас на ратный труд, на новый подвиг во имя победы.

Дорогие товарищи криворожцы! Несмотря на смертельную усталость, еще выше нарастим темп работ, поднажмем еще немного, еще чуть-чуть, и мост будет готов. Берите пример и трудитесь так, как трудятся копровые расчеты младшего лейтенанта А. И. Лылина, лейтенанта В. Н. Назарова, старших сержантов М. С. Аксенова, П. Г. Пичугина, С. И. Киселева, сержантов В. Н. Пушенко, Р. И. Терматесова, рядовых В. П. Лантух, С. А. Степанова, П. С. Тысечкина, Р. Ю. Тенза. Заслуживают высокой похвалы расчеты, обстраивающие опоры. Находясь по пояс в ледяной воде, они выполняют норму на 130—150%. Это расчеты сержантов И. В. Вымыкина, С. А. Комарова, В. А. Выфина, И. Ф. Фифундинова; солдаты Анастасенко, Астафеев, Гибок, Глыбко, Хапурьян, Хахамян, Овховский.

Дорогие боевые друзья!

Вперед, на скорейшее завершение строительства. 15-е апреля должно стать днем нашей победы над Днестром, днем, когда покоренная река сомкнет свои берега, днем, когда мост заработает на нашу победу. Слава Вам, криворожцы! Да здравствует наша Победа!

Командование».

И люди трудились, не жалея ни сил, ни себя, понимая душой и сердцем, что так надо для скорейшего разгрома ненавистного врага.

И вот наконец задача выполнена. Мост длиной 184 метра под 16-тонные грузы к утру 15 апреля был готов. Наши бойцы не успели еще собрать инструменты, как на мост хлынули колонны. Первыми, как всегда, старшины обороняющихся на плацдарме рот, с кухнями, за ними артиллерия, машины с боеприпасами. Началось накапливание войск на Кицканском плацдарме для предстоящего грандиозного наступления.

Батальон тем временем приступил к установке противотанковых и противопехотных минных полей в районе плацдарма, прикрывая ими наиболее танкоопасные направления. Днем подвозили на повозках, ночью — ползая на животе по переднему краю и нейтралке, роты капитанов В. С. Иванова, С. И. Иванцова, старшего лейтенанта И. К. Голубчика закладывали мины в грунт,

нередко прямо под носом противника. Создавая плотность 0,8—1,0 минных полей на километр фронта, за период с 16 по 28 апреля батальон всего установил около 14 тысяч мин, что и помогло нашим бойцам успешно оборонять плацдарм.

В конце апреля в результате реорганизации инженерных войск 116-й Криворожский был переведен в состав вновь формирующейся 61-й армейской инженерно-саперной бригады 5-й ударной армии, которой вскоре стал командовать генерал-лейтенант Николай Эрастович Берзарин. Ее воины занимали оборону на правом крыле фронта, удерживая полосу шириной 120 километров.

Вначале наш батальон совершил марш в полосу 5-й ударной армии. Начальник инженерных войск полковник Фурса Дмитрий Трофимович, старый кавалерист, дотошно осмотрел конский состав, упряжь, повозки. Комбриг поинтересовался настроением личного состава, проверил состояние вооружения и шанцевого инструмента. В целом, как я понял, батальон ему понравился. Солдаты стояли в строю подтянутые, выглядели молодцевато, хотя многим из них было уже под пятый десяток, на гимнастерках сверкали ордена и медали.

С. П. ПИЛЮТИН,
полковник в отставке,
бывший командир 776-го стрелкового полка
214-й стрелковой дивизии

У БЕЗЫМЯННОЙ ВЫСОТЫ

На берегу Днестра привольно раскинулось село Пугачены. Еще несколько дней назад этот населенный пункт был для нас лишь малозаметной точкой на карте. А теперь мы расположились на его южной окраине, где по ночам действует паромная переправа. В нескольких километрах выше по течению — село Делакеу, освобожденное накануне. Из-за близости к передовой жители почти не выходят из подвалов, укрытий, только изредка мелькнет женский платок — это какая-то хозяйка пробежит к сараю.

Наблюдательный пункт, где мы находимся, представляет собою щель длиной в 6—8 метров с ячейками для наблюдения. Кроме меня и замполита майора Бирульчика, с которым мы подружились еще под Сталинградом, здесь собрались командир поддерживающего артиллерийского дивизиона капитан Тайдаков, начальник артиллерии полка капитан Лымарев, ординарцы и связисты. Накануне первый эшелон нашего 776-го стрелкового полка во взаимодействии с другими частями дивизии переправился на плацдарм, утром атаковал противника и захватил высоты, на которых устроили сейчас НП.

1-й стрелковый батальон капитана Шерстюка располагался впереди нас перед небольшой лощиной. Местность была неровной, со складками, и боевые порядки стрелковых рот просматривались плохо. Зато опушка за лощиной, где засел противник, была видна как на ладони, и нам сразу удалось обнаружить несколько окопов, несмотря на их тщательную маскировку. Активности он пока не проявлял, и в воздухе стояла тишина, нарушаемая лишь стуком лопат, доносившимся с огневой позиции батареи дивизионной артиллерии.

Земля полностью не оттаяла, и расчеты не смогли

за ночь окопать орудия. Стволы с дульными тормозами и щиты пушек резко выделялись на фоне голого косогора. Это и вынудило командира батареи старшего лейтенанта Шабалина продолжать работы и днем, на виду у гитлеровцев.

— До Кишинева уже немного осталось,— заметил замполит.— Всего один хороший рывок.

Удивительно: я тоже об этом подумал.

— Но его-то мы пока не можем сделать... За зиму прошли с боями до Днестра, сил маловато,— продолжил Бирульчик свои размышления.

— Снаряды необходимо подвезти, пополнить материальную часть,—включился в разговор капитан Лымарев.— Нас теперь не остановить. Передохнем малость, соберемся с силами и вышвырнем врага с молдавской земли.

Солнце клонилось к закату. Казалось, тихий весенний день так и закончится без грохота и стрельбы. Но тут со стороны рощи донесся слабый шум моторов, сразу заставивший нас взяться за бинокли.

Гул танковых двигателей усилился, однако противник огня не открывал. «Не иначе рассчитывает внезапным ударом захватить врасплох»,— мелькнула мысль. Дал указания командиру дивизиона насчет заградительного огня.

Пока Тайдаков передал команду подчиненным, из рощи показались бронетранспортеры и танки. Они двинулись в сторону батареи Шебалина. С бронетранспортеров начали бить скорострельные универсальные пушки «эрликоны». Передний край сразу покрылся фонтанчиками разрывов малокалиберных снарядов.

Артиллеристы сноровисто действуют у орудий. Сквозь грохот выстрелов доносятся отдельные слова команды: «Бронебойным... прицел...» После очередного залпа окутались густым черным дымом два бронетранспортера. Остальные продолжают двигаться и стрелять. Тяжело приходится батарейцам. Из трех орудий замолкает сначала одно, а затем и второе. Никого из их расчетов в живых не осталось. Командир батареи старший лейтенант Шебалин сам становится у прицела, и еще один БТР вспыхивает ярким пламенем. Однако через несколько минут командир сам падает на станину орудия, сраженный осколком.

Теперь противник обрушил всю силу огня на наш наблюдательный пункт, его заволокло дымом, стало трудно дышать.

— Отсечь пехоту!..—кричу в телефонную трубку и вдруг обнаруживаю, что связи нет, первый батальон не отвечает. С НП было видно, как его подразделения, лишившись поддержки артбатареи, начали отходить. Этого еще не доставало!

Вместе с майором Бирульчиком и ординарцем Коротким перебежками добираемся до расположения батальона.

— Ни шагу назад! Занимайте оборону!

Постепенно огонь по врагу нарастает. Пехоту противника удалось прижать к земле, а его БТР и танки начали пятиться назад, контратака фашистов захлебнулась, хотя им и удалось отбросить нас на исходные позиции.

Воспользовавшись затишьем, прошел вдоль переднего края, поговорил с бойцами, разъяснил, что необходимо поглубже зарыться в землю и удержать плацдарм.

Ночь прошла в хлопотах и напряженной работе по организации наступления. За эти несколько часов до его начала было выполнено огромное количество мероприятий: доукомплектованы личным составом стрелковые роты за счет сокращения обслуживающих и артиллерийско-минометных подразделений, пополнены боеприпасы, решены вопросы взаимодействия при атаке; бойцов накормили, предоставили им короткий отдых.

О том, чтобы поднять моральное состояние воинов, мобилизовать на успешное выполнение задачи, позаботились коммунисты и комсомольцы. Замполит Бирульчик, секретарь партбюро Гарифулин, помощник начальника политотдела дивизии по комсомолу М. Л. Гольдштейн и другие политработники отправились в подразделения, чтобы побеседовать с людьми, выяснить их настроение. Старательно и изобретательно работали в ту ночь тыловые службы под руководством капитана Днстербаха и связисты лейтенанта Проворотова. Благодаря их усилиям полк был обеспечен всем необходимым, а связь как при подготовке, так и во время боя действовала безотказно.

Лишь перед рассветом удалось немного вздремнуть, но усталости потом не ощущал. За Днестром все ярче разгоралась заря, и стали отчетливо вырисовываться

вершины высот, откуда нам предстояло выбить врага.

Рядом со мной Тайдаков по телефону проверял готовность батарей к открытию огня, то же самое делал капитан Лымарев, переговариваясь с минометчиками. До начала огневого налета оставались считанные минуты.

Наконец дружно заработала артиллерия. И высоты — объекты атаки — покрылись султанами взрывов. «Все это хорошо,— подумал я.— Но как дела пойдут дальше?»

— Товарищ майор! Наши танки!— вдруг раздался голос лейтенанта Проворотова.

Посмотрел в указанном направлении, и сразу легче стало на душе: по дороге к высоте двигалась колонна «тридцатьчетверок». «Вот это здорово. Сдержал все-таки свое слово генерал».

Накануне меня вызвал командир корпуса генерал-майор Лебеденко. Выяснил подробности минувшего боя, кое за что поругал. В заключение приказал вернуть утраченные позиции. И обещал помочь. Вот они — наши славные Т-34. Как кстати прибыли! Судя по количеству машин, это танковая рота. Неплохое подкрепление.

Достигнув рубежа нашего НП, танкисты с ходу развернулись в боевой порядок.

Крупным планом в бинокль видны взметнувшиеся вехи и стремительно двигающиеся танки. Огонь по противнику из всех видов оружия достигает наивысшего накала, приближается самый ответственный и самый трудный момент боя — атака. В небо взвиваются красные ракеты, и пехота под прикрытием танков дружно двинулась вперед. Слышны крики «ура», взрывы гранат. Гитлеровцы начинают сдаваться в плен.

Звонит телефон. Не прерывая наблюдения, слушаю доклад Шерстюка:

— Овладел передним краем... Продолжаю двигаться на указанный рубеж. Особо отличился комсорг батальона сержант Балашов, который первым поднялся в атаку и увлек за собой бойцов.

— Быстрее выходите на обратные скаты высот и сразу закрепляйтесь,— лаконично отвечаю ему.— Отличившихся представить к наградам.

Бой на плацдарме развернулся по всему фронту, но особенно упорной была схватка за высоты. Глухие взрывы мин и гаубичных снарядов чередовались с резкими

выстрелами противотанковых орудий и танков. Пехотинцы и танки уже скрылись из виду, лишь по удаляющейся на запад стрельбе можно было предположить, что наступление развивается успешно.

— Не пора ли перевести НП на старое место?— спросил я Проворотова, и тот с группой связистов сразу направился к высотам.

Из второго батальона позвонил Бирульчик, который сообщил, что поставленная задача выполняется успешно.

— Не отставайте от Шерстюка. Сейчас помогу огнем артиллерии.

Пока переговаривался об этом с Тайдаковым, привели пленных. Конвоировали их сержант Балашов и рядовой Орлов. Вспомнив слова Шерстюка о том, как действовал Балашов в бою, внимательно посмотрел на сержанта. Маленький, щуплый, ну совсем еще мальчик. А сколько упорства, мужества! Ведь сумел стать отличным воином. Я пожал руку Балашову, поблагодарил его за смелость и приказал доставить пленных в Пугачены, где размещался штаб полка.

Утро было по-прежнему ясным, и солнце, поднявшееся из-за реки, ярко освещало высоты, на которых закрепились наши подразделения...

Позвонил Проворотов и доложил, что связь с новым НП обеспечена. Добавил также, что орудия батареи старшего лейтенанта Шебалина фашисты не успели увезти, они так и остались повернутыми в сторону врага. Это известие порадовало, а Тайдаков прямо встрепенулся:

— Ничего, фрицам все отольется! 7-я батарея отомстит за гибель своего командира!

Мы быстро собрались и с некоторым волнением двинулись на то место, где вчера разыгрался ожесточенный бой.

Полк прочно закрепился на выгодном рубеже. Все попытки врага отбросить нас за Днестр ни к чему не привели. После каждой атаки гитлеровцы откатывались назад с большими потерями.

В начале мая наша дивизия передала свой участок подошедшим войскам 3-го Украинского фронта и была переброшена под Яссы, где в августе 1944 года участвовала в разгроме крупной группировки противника.

В. Ф. МИХАЙЛИК,
гвардии полковник в отставке

ТРИ ДНЯ В МАЕ

...Парторг истребительного противотанкового дивизиона гвардии капитан И. М. Кеберов был сосредоточен, лицо его выражало глубокую озабоченность, и коммунисты, пришедшие на партийное собрание, понимали: разговор предстоит серьезный. После того как дивизия приняла крохотный плацдарм шириной в три и глубиной в два километра, на нее возлагалась ответственная задача — удержать занятые позиции. Слева — Шерпены, справа — Пугачены, а за спиной — широко разлившийся Днестр с его плавнями, заболоченными участками. Вот и собрались коммунисты для того, чтобы обсудить свои задачи, решить, как поддержать высокую боеготовность подразделений.

Горячо, страстно выступал парторг второй батареи гвардии старший сержант Д. Эпов. Он заверил коммунистов в том, что артиллеристы будут сражаться с врагом до последнего вздоха.

О необходимости доводить до каждого красноармейца боевые задачи, проявлять личный пример бесстрашия и образцового выполнения воинского долга говорил командир расчета старший сержант И. Линкевич.

После этого собрания заметно оживилась партийно-политическая работа в дивизионе. Коммунисты и комсомольцы знакомили новичков с историей соединения, рассказывали о героических подвигах воинов-однополчан, проявивших образцы стойкости, мужества, верность закону советской гвардии: «Там, где стоит гвардия, враг не пройдет, там, где наступает гвардия, враг не устоит».

Подобные партийные собрания прошли во всех частях и подразделениях. Газета «За победу»—орган 79-й гвардейской стрелковой дивизии — рассказывала об опы-

те лучших воинов. В одной из статей рассказывалось о Герое Советского Союза снайпере гвардии лейтенанте Василии Зайцеве. В артиллерийских расчетах, среди бронебойщиков шли беседы о том, как уничтожать танки и боевую технику врага.

Наступило 10 мая. Никто не предполагал, что оставались считанные часы до начала танковой атаки врага. В стане врага слышны были подозрительные громыхания гусениц, разведчики засекали и передвижения броневой техники, но ведь так продолжалось в течение всех последних дней.

Об этом дне воины потом прочитали в газетах следующее сообщение Совинформбюро:

«В течение 11 мая на плацдарме правого берега реки Днестр, северо-западнее города Тирасполь, наши войска отбили атаки крупных сил пехоты и танков противника и нанесли ему большие потери в живой силе и технике...»

С 11 по 13 мая на долю защитников плацдарма в районе Пугачен выпали тяжелейшие испытания. Расскажем об этом подробнее.

11 мая серое неприветливое небо грозило обрушиться дождем, но начался другой ливень — свинцовый.

Сорок минут артиллерия противника обстреливала позиции защитников плацдарма, массированные удары наносила авиация. Гитлеровское командование намеревалось уже к исходу дня отбросить наши подразделения за Днестр. Только против полка М. С. Шейкина было брошено два пехотных полка, поддержанных 80 танками и самоходными орудиями. А когда атаки были отбиты с большими для противника потерями, они повторили атаку.

Наблюдатели предупредили о ее начале. Артиллеристы быстро заняли боевые места. А вскоре на огневую позицию одного из дивизионов устремилось свыше двух десятков вражеских танков.

С флажком в руке стоял возле орудия гвардии старший сержант Эпов. Его расчет замер в готовности: наводчик не отрывался от прицела, заряжающий застыл с очередным снарядом в руках, а подносчик раскрыл ящики и тоже ждал, когда наступит момент, чтобы подать новый боеприпас, и смотрел на приближавшиеся танки. До первого оставалось 500—550 метров. Эпов взмахнул флажком и громким голосом подал команду:

— Огонь!

Расчет заработал как часовой механизм, номерные действовали согласованно, ни одного лишнего движения.

Эпов не знал, чьи снаряды попадают в цель,— огонь вела вся батерея. А на поле боя окутался дымом один вражеский танк, второй, третий...

К вечеру насчитали: батарейцы подбили 11 бронированных машин. Особенно отличились расчеты Эпова, коммуниста гвардии старшего сержанта Линкевича. У них побывал парторг дивизиона гвардии капитан Кеберов и поблагодарил артиллеристов за успешную стрельбу.

В этом бою высокое боевое мастерство показали также члены партии Х. Бегельдяев, А. Коренков, на коммунистов равнялись беспартийные И. Горбовец, Т. Каминский, остальные бойцы.

Горбовец, наводчик Эпова, первым выстрелом поразил головной танк противника. Вместе с ним успешно действовали остальные номерные расчеты. Когда надо было сменить позицию, на это уходили считанные минуты, и огонь по врагу практически не прерывался. Был момент, когда вражеская пехота появилась в непосредственной близи от огневой позиции. Подчиненные Эпова ударили по ней осколочными снарядами. Били до последнего, а когда боеприпасы кончились, пустили в ход карабины.

Против роты бронебойщиков гвардии старшего лейтенанта Солмаза Мамедова действовали восемь фашистских танков. Они выползали из ложбины, находившейся на нейтральной полосе, а стоило «заговорить» нашей артиллерии, открыть огонь бронебойщикам, снова прятались.

Во время очередной атаки танки двинулись в сторону окопа, где находились молодые бронебойщики — красноармейцы Литвиненко и З. Левченко. А те почему-то долго не открывали огонь. Будь это бывалые бойцы, Мамедов бы и бровью не повел: значит, выжидают удобного момента. Но эти... Вдруг — растерялись.

П. Литвиненко, прижавшись к товарищу, торопил:

— Пора, пора! Что ж ты медлишь?!

Но Левченко словно окаменел в ожидании. Прицелился, нажал на спусковой крючок противотанкового ружья. Грянул выстрел, и Мамедов облегченно вздохнул: бронебойщики начали поединок. И ничего, что в первый раз

промазали, во второй попадут. И не ошибся — через минуту вражеская машина остановилась, завертелась на месте.

В одном из окопов красноармеец М. Келя, прижавшись горячей щекой к ложе ручного пулемета, внимательно смотрел на луговую равнину, простиравшуюся перед ним. Новичку, уроженцу одного из приднестровских молдавских сел, ему вспомнилось боевое крещение. Был тогда связным, помогал артиллеристам тащить орудия по бездорожью, оборудовать позиции. Потом были новые бои. Как-то осколками ранило пулеметчика и его помощника. Когда обоих отправили в медсанбат, командир отделения приказал:

— Ложись, Михай, за пулемет. Живо! Некому больше...

Келя умел стрелять из пулемета — товарищи научили. Но одно дело поражать мишени, и совсем другое — живую цель. Об этом, правда, некогда было думать: пришлось тотчас открыть огонь. Удостоился похвалы командира за меткую стрельбу.

Так Келя стал пулеметчиком.

...К концу дня бой разгорелся с новой силой. Гитлеровцы поднялись в очередную атаку. Михай выбрал подходящий момент и хлестнул по наступающей цепи длинной очередью. Несколько фигурок в зеленых мундирах повалились на землю. Михай продолжал бить очередями. Увлекся и не заметил, что рядом остановился командир отделения. А тот дотронулся до плеча:

— Молодец ты, Келя, прямо-таки врожденный пулеметчик! Однако хватит, побереги патроны. Видишь, фашисты отступили, прячутся по окопам.

Три раза в этот день поднимались фашисты в атаку против роты бронебойщиков и соседней с нею роты снайперов гвардии лейтенанта В. Зайцева. Но все их попытки разбивались о неприступный рубеж гвардейцев.

«А ведь удобное место для огневого «мешка»,—размышлял гвардии младший лейтенант В. Г. Шевченко, поглядывая на ложбину, где прятался враг. Он недавно стал командовать ротой. И вот теперь, на рекогносцировке, Шевченко решал нелегкую задачу, как лучше расположить силы. «Поставлю-ка я на флангах по станковому пулемету, и будут они держать под перекрестным огнем эту зловредную ложбину. А в центр, вон на тот курганчик, отправлю группу автоматчиков. Миномет-

ный взвод подготовит отсечный огонь на случай, если противник начнет отходить. Неплохо. Думай, думай... Чего ты, новоиспеченный командир роты, недоучел? Смотри, сам не попадись в ловушку противника...»

Утвердившись в решении, отдал приказ подчиненным, предупредил наблюдателей: в ложбине густой кустарник — неплохая маскировка, следить нужно во все глаза, чтобы противник не сосредоточивался.

Расчет Шевченко оправдался: фашисты все-таки проникли в ложбину. Но уж выбраться им оттуда не удастся! Он не допустит!

Под утро, в три часа, когда ко сну клонит сильнее всего и бдительность оттого притупляется, гитлеровцы решили выйти из ложбины.

Непривычно тихо было вокруг. Из серебрящейся темени, тянувшейся сквозь лунные лучи от подлеска, заколыхались фигуры.

Стрелка часов приближалась к цифре «3». Командир роты В. Зайцев прислушался к ночным шорохам. Только что у него побывал артиллерийский разведчик И. Архипов, спешивший к командиру дивизиона, и предупредил, что вблизи села сосредоточиваются гитлеровцы. Зайцев уже принял меры, чтобы не проморгать их атаки, а сам вооружился своей знаменитой снайперской винтовкой, с которой не расставался от самого Сталинграда.

Уже в первые же минуты ночного боя шестеро гитлеровцев упали на землю—пули снайпера не пропадали даром.

Чуткое ухо Зайцева уловило заминку во взводе.

— Товарищ гвардии лейтенант! Немцы с тыла!

Кто же преградит путь прорвавшимся фашистам? Горбунов? У него дел невпроворот, еле отбивается, Джексимбаев уже устремился наперерез группе просочившихся автоматчиков, словно клинок, врезался своим взводом в гущу, его бойцы работали прикладами и штыками, гитлеровцы не выдержали рукопашной, отступили, огрызаясь.

Зайцев из своей снайперской винтовки снял еще троих — пытались пленить Джексимбаева!

Когда бой стал затихать, Зайцев заметил в боевых порядках своей роты артиллеристов. Не без их помощи отбили последний натиск врага. Но еще полчаса плац-

дарм клокотал огнем, будто пробудившийся вулкан: в небо взвивались осветительные ракеты, воздух все еще разрывали выстрелы, землю разматывали в клочья снаряды и мины.

Вот что писала о том дне красноармейская газета «На защиту Родины»:

«Образец стойкости и непоколебимого мужества показали бойцы во главе со своим командиром Героем Советского Союза Василием Зайцевым. Когда фашистские танки подошли к нашим позициям, гвардейцы дружным огнем отсекли вражескую пехоту, а затем сами пошли в атаку и в рукопашной схватке стали беспощадно уничтожать гитлеровцев. Несколько раз водил в атаку своих бойцов Василий Зайцев, воодушевляя их личным примером мужества и бесстрашия. Десятки фашистов уничтожили герои в этом бою».

...Фашисты и на третьи сутки начали активные действия, не отказавшись от намерения выбить наших бойцов из занимаемых окопов, столкнуть их в Днестр и тем самым покончить с плацдармом.

Короткое затишье, которым войска воспользовались для пополнения боеприпасов, поправки дел, как предвестье грозы, взорвалось гулом начавшегося боя. Дрогнуло сердце бронебойщика Левченко, когда он увидел, как на пологий скат взбирался танк, за ним второй.

Бронебойщик прильнул к ПТР, но сдержался. «Еще рано,— успокаивал себя,—пусть приблизится... Такую броню не прошить, не фанера...» И только когда танк повернулся боком, изменив направление движения, Левченко прошептал сам себе: «Вот теперь в самый раз!»— и выстрелил в гусеницу. То ли не попал, то ли угодил в самую толщу брони, только танк не остановился, лишь переменил направление движения. Но этого оказалось достаточно смекалистому бойцу: вторая пуля угодила в моторную часть, и танк задымил.

— Золотое ружье!— воскликнул Левченко облегченно.— Не зря тебя называют бронебойным...

Вели бой с танками и артиллеристы. Командир орудийного расчета Эпов первым увидел бронированную машину, двигавшуюся вдоль лесной опушки. А тем временем группа вражеских автоматчиков прорвалась во фланг стрелкового подразделения. Там же вел огонь расчет А. Парфенова. Эпов видел, как Парфенов выкатил свое орудие на прямую наводку.

— Фашисты обходят слева!—с тревогой в голосе доложил наблюдатель И. Рындин.

— Вижу,— прохрипел Парфенов, голос его от громких команд сел.— Встретим картечью. Заряжай! Живо! Картечью, говорю, чего стоишь?..

Заряжающий уже держал снаряд наготове. Секунда —и боеприпас в казеннике. Орудие дрогнуло от выстрела.

Тем временем два или три танка устремились на позицию И. Сорокина. Оба орудия — Парфенова и Сорокина — оказались рядом и отбивались от врага, сообразуя огонь друг с другом.

И вдруг у самой огневой позиции разорвалась вражеская мина. Сраженный осколком, упал на землю подносчик снарядов, был оглушен взрывной волной заряжающий. Убит наводчик. Парфенов подбежал к нему в надежде помочь, но боец не подавал признаков жизни. Командир расчета остался один.

Огляделся — гитлеровцы приближались, пригибаясь к земле. Вот они уже совсем близко.

Застонал Смирнов, пытаясь приподняться на локте. Значит, ранен.

— Лежи!—крикнул Парфенов, высвобождая из цепких рук солдата снаряд.

Шрапнелью бы по врагу. Но кто будет наводить орудие?

Ящик валялся неподалеку, у самой станины орудия. Парфенов метнулся к нему, достал снаряд с бронебойным взрывателем, зарядил орудие, навел на цель. Выстрелил. Зарядил орудие снова. Фашисты открыли по смельчаку огонь.

Кто-то тронул Парфенова за рукав, еще раз, сильнее. Командир орудия обернулся — позади стоял Д. Красиков, красноармеец, которого несколько минут назад он отправил на перевязку. Как вовремя ты вернулся, дорогой мой товарищ!

— Подавай снаряды!—крикнул Парфенов.—Там они, внизу...

Парфенов уничтожил до взвода гитлеровцев, облегчив положение роты. И вдруг почувствовал резкую боль в плече. Не успев забинтовать эту рану, получил вторую — осколок впился в бедро. Сержант стал валиться наземь, едва успел поддержать его Красиков.

Как выяснилось после боя, орудие Парфенова про-

извело за день девяносто выстрелов. Многие из них сделал сам командир расчета, действуя в одиночку. К последнему снаряду он полз, превозмогая страшную боль в боку. Ежеминутно терял сознание, но, приходя в себя, продолжал сражаться. И вот снаряды кончились, даже автомат, искореженный осколком, не мог пригодиться. Неужели конец? А где Красиков? Красноармеец лежал возле лафета.

Метрах в пятнадцати из окопа поднялся фашист, за ним показался другой. Сжалось сердце у гвардейца — не дотянуться до карабина убитого наводчика.

Но рано торжествовал враг! Гвардии старшина Сорокин заметил, как упал Парфенов.

— Ребята! Гитлеровцы захватили орудие Парфенова! Григорьев, за мной! Колобов, остаешься за меня!

Спотыкаясь о стреляные гильзы, на бегу ведя огонь из автоматов и карабинов, артиллеристы поспешили на выручку Парфенову.

Тем временем гвардии младший лейтенант В. Иванов, старший на батарее, перенес огонь по группе автоматчиков, наступающих с тыла. Сорокин подполз к Парфенову.

— Жив, друг? Потерпи... Отогнали гадов, а ты лежи... Сейчас позову санитара.

К счастью для артиллеристов, фашисты не знали, что против них вело огонь уже лишь одно орудие, а не взвод. Уцелевшие танки откатывались на исходные рубежи. Сопровождавшая их пехота тоже отходила, а ей вдогонку стрекотал пулемет, и Иван Сорокин не без удивления узнал в пулеметчике своего товарища—Михая Келю.

...В пятый раз ринулись фашисты на позицию четырех артиллеристов, пытаясь захватить орудие гвардии старшины Сорокина.

Чувствовалось, это последняя, решающая схватка. Сорокин приказал заряжающему подать снаряд с картечью, и Некрасов обрадованно закричал:

— Есть пятнадцатый!

Об этом бое на другой день рассказывала красноармейская газета «За победу»: «Тринадцать танков подбил в боях за Украину расчет коммуниста Сорокина. Четырнадцатый, подбитый в сражении за Приднестровье, пополнил этот почетный счет». Но корреспондент ошибся. Когда он возвратился в редакцию, бой еще не завер-

шился, и боевой счет артиллерийского расчета гвардии старшины Ивана Сорокина продолжался...

...Самым тяжелым был этот день для роты Зайцева. Лишь после шестой атаки противника удалось перевести дух. Ординарец протянул котелок: оказывается, повар давно притащил термос с горячими щами, да вот некогда было раздать пищу. Дымящийся котелок привел Зайцева в хорошее настроение. А что? Ведь выстояли! Отразили не один натиск, можно и подзаправиться. Бой-то не кончен, а какой из тебя солдат, если желудок пустой...

Наскоро черпали из котелков и снайперы.

Зайцев спросил:

— Мамедова не видели? Надо бы и его угостить, вдруг у него повар не такой оборотистый, как наш.

Ординарец хотел было поискать командира роты бронебойщиков, но его остановил Джексимбаев:

— И у них повар смелый. Сам видел: вместе со старшиной раздавал хлеб и консервы.

Из ложбины снова показались фашисты. Зайцев тут же приказал связному:

— Бегом к Горбунову. Передай ему: пусть ударит фашистам во фланг.

Увлеченный боем, Зайцев не сразу заметил, как еще одна группа гитлеровцев выскочила из овражка и стала заходить в тыл роте.

Чаще загремели винтовочные выстрелы, продолжительнее стали очереди автоматов оттуда, где сражался Мамедов. Значит, снайперская рота не в одиночестве. И выход врага в тыл — это еще не окружение.

Зайцев поднялся из окопа:

— Рота! За мной, вперед! За Родину! Ура!

Не впервые ведет за собой подразделение, даже не считал, сколько атак отбил. Видит, над головой взвивается красная ракета, это сигнал, подаваемый командиром батальона, и означает он: держись, Василий! Мы идем тебе на выручку.

Активные действия взвода Джексимбаева, который в пятый раз бросился в контратаку, спутали карты противника. Успешно вел бой и Горбунов, поддержанный Мамедовым. Ни один танк не прошел через их позиции.

Враг же продолжал наседать, не отказываясь от своего намерения потеснить роту. В ходе сражения пришлось Зайцеву сменить не один наблюдательный пункт.

Подполз связной Юровский. Живой! Весь потный. Досталось сегодня. Доложил то, что ему передал Джексимбаев. Тот протаранил цепь врага, разомкнул кольцо. Иначе и не могло быть! Сталинградская закалка у гвардейцев! И Горбунов, молодец, выстоял...

Рота заняла новую позицию, продолжая сдерживать натиск врага. Но пыл у фашистов был уже не тот.

Вдруг Юровский услыхал чей-то тихий стон. Закричал.

— Командир роты ранен!

Подошли встревоженные Горбунов, Джексимбаев. Зайцев их успокоил.

— Ничего страшного. Царапина, кость цела.

Но тут его ужалила еще раз пуля, и опять в ногу, теперь уже левую.

— В укрытие!—скомандовал Зайцев бойцам, а командирам добавил:— И вы тоже... Выстроились... Как бы снайпер не перестрелял всех.

Попытался приподняться на руках — не получилось. Без посторонней помощи трудно было двигаться. Джексимбаев с помощью связного снял сапоги, перевязал раны.

Не знал еще Василий Зайцев, герой Сталинграда, что проводит в родном подразделении последние минуты. Что скоро его поднимут санитары на носилки, увезут в медсанбат. И попадет он в Николаев, в Запорожье, а потом врачи отправят его в Днепропетровск... Лишь в сентябре почти выходят его врачи, но рана откроется, и он окажется у лучших специалистов Киева...

Но Василий Григорьевич Зайцев все-таки встретится с однополчанами. Только все это будет потом, через долгие годы, после победного 45-го.

О многом вспомнят боевые товарищи. И конечно, о самых трудных трех майских днях 1944 года, когда воины 79-й гвардейской стрелковой дивизии в составе 8-й гвардейской армии В. И. Чуйкова после ожесточенных боев окончательно закрепились на одном из днестровских плацдармов, передав его затем 5-й гвардейской армии. Проявив на полях сражений воинскую доблесть, высокое мужество, самоотверженность, они тем способствовали скорейшему изгнанию врага с молдавской земли.

М. И. БЕЛОВ,
генерал-майор, доктор военных наук,
профессор, ветеран 34-й гвардейской
стрелковой дивизии

НАУКА ПОБЕЖДАТЬ

В нашу дивизию входили 103-й, 105-й и 107-й гвардейские стрелковые полки, 84-й гвардейский артиллерийский полк. Мне довелось два с половиной года воевать в составе 107-го полка, пройти с боевыми товарищами от Самбека на реке Миус до Австрийских Альп. Во время боев на молдавской земле я был заместителем начальника штаба этого полка.

Хорошо запомнились дни весеннего наступления.

Преодолевая упорное сопротивление врага, наши воины вышли к широко разлившейся реке Кучурган и с ходу форсировали ее. На следующий день 105-й и 107-й полки овладели расположенным на левобережье Турунчука крупным населенным пунктом Глиное.

Противник отступил за Днестр. Части и подразделения 34-й гвардейской дивизии стали готовиться к форсированию реки. На подготовку отводилось трое суток. Правый противоположный берег был высоким, обрывистым. Неожиданно со стороны Черного моря подул сильный ветер. И без того высокие вешние воды Днестра поднялись еще больше, затопив равнину перед фронтом нашего полка. Очень сложно было выйти к основному руслу — на пути простирались заросшие плавни с многочисленными заболоченными и озерными участками. Плавсредства применить было невозможно. Их приходилось тащить на плечах по труднопроходимым участкам.

И все-таки удалось приблизиться к основному руслу, подтянуть, хотя и в крайне ограниченном количестве, надувные лодки. Дополнительно были переброшены плавсредства приданного дивизии армейского инженерно-саперного батальона.

Форсирование Днестра началось 14 апреля. В темное время суток воины 107-го гвардейского стрелкового пол-

ка подполковника Н. П. Щербака и 105-го гвардейского стрелкового полка подполковника И. И. Артомошина, используя внезапность, захватили плацдарм на западном берегу по фронту до 4 и вглубину до 3 километров. Начались ожесточенные бои за его удержание.

Наши бойцы умело и быстро приспособили к обороне захваченные вражеские укрепления и подготовили новые. Боевой опыт помогал в самые кратчайшие сроки безошибочно выбирать позиции для огневых средств, определять секторы огня.

Как и ожидалось, гитлеровцы подтянули резервы и стали яростно контратаковать, пытаясь во что бы то ни стало сбросить наши подразделения в воды Днестра. Не считаясь с потерями, повторяли они штурм за штурмом. Возникали критические моменты, когда казалось, что гитлеровцы вот-вот ворвутся в наши передовые окопы. Но навстречу им летели гранаты, усиливался огонь пулеметов и автоматов, ощетинивались штыки русских трехлинеек — гвардейцы смело поднимались из окопов навстречу врагу, в беспощадной рукопашной схватке уничтожали и отбрасывали его.

Но несли потери и сами. Сказывалось и то, что на плацдарме можно было разместить, да и то на не очень удобных позициях, лишь немногочисленную штатную полковую артиллерию и минометы. Огонь дивизионной артиллерии с левобережья еще не был организован, да и из-за значительной дальности на его эффективность трудно было рассчитывать. Вся тяжесть боя ложилась на плечи пехоты.

В ночь на 15 апреля правый фланг 107-го полка был усилен переправившимися в район села Талмаз подразделениями 103-го гвардейского стрелкового полка. Противник настойчиво продолжал контратаки на стыке с левофланговым 105-м гвардейским стрелковым полком. Ценой больших потерь ему удалось захватить высоту 107,5. Создалось крайне угрожающее положение — с этой высоты и с высокого берега у села Талмаз хорошо просматривалось водное пространство. Как только у берега или на воде появлялись плавсредства, противник открывал огонь из крупнокалиберных пулеметов. Подразделения на плацдарме могли теперь снабжаться боеприпасами, продовольствием, медикаментами только ночью, да и то под огнем гитлеровцев.

Попытки 105-го и 107-го полков совместными уси-

лиями отбить высоту не увенчались успехом. Тогда решением командира дивизии на помощь им была переброшена специально созданная ударная группа из курсантов учебного батальона. Поддержанные подразделениями двух полков, вечером 16 апреля смельчаки просочились через боевые порядки врага и внезапным ударом с тыла захватили высоту, полностью истребив оборонявшихся на ней гитлеровцев*.

Понимая большую тактическую значимость высоты, фашисты сконцентрировали все усилия, пытаясь вновь овладеть ею. 18 апреля бои за нее стали эпицентром событий на плацдарме. Огонь большей части артиллерии и минометов, а также действующих на стыке передовых подразделений 105-го и 107-го полков сосредоточивался на уничтожении выдвигающихся для атаки и атакующих высоту гитлеровцев. Непосредственные защитники высоты — вся ударная группа, в которую входили лейтенант Б. С. Васильев-Кытин, старший сержант Г. Т. Рыжов, сержанты А. И. Бирюков, П. А. Гнучий, Ф. Н. Жила и Н. В. Чечулин, рядовые А. В. Балабаев, В .И. Глазунов, Г. Е. Коробов, В. И. Ломакин и Т. Я. Нуркаев, поклялись не оставлять высоты до последнего дыхания.

Во время отражения очередного штурма в ожесточенной рукопашной схватке были ранены лейтенант Васильев-Кытин, сержант Гнучий и рядовой Балабаев. Преследуя убегавших гитлеровцев, рядовой Ломакин наткнулся на засаду. Раненый, истекающий кровью, он разил врага из автомата, пока были патроны. Затем, притаившись, подпустил фашистов поближе и подорвал гранатой себя вместе с ними**.

Считая, что силы защитников иссякли, гитлеровцы возобновили атаку на следующий день. Но все предпринятые ими попытки кончились провалом. Гвардейцы наносили врагу большой урон в ближнем огневом бою, отбивались гранатами, снова и снова вступали в рукопашные схватки, но ни на шаг не отступали.

За исключительное мужество и отвагу воины, вхо-

---

* Сборник документов «Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза», т. 1. Кишинев: Штиинца, с. 363.

** Ныне высота 107,5 носит имя отважного героя Василия Ломакина.

дившие в ударную группу, впоследствии были удостоены звания Героя Советского Союза*.

Потеряв надежду овладеть высотой 107,5 и не добившись успеха в атаках на других направлениях, гитлеровцы на время поутихли. Видимо, решили накопить силы для более мощного удара.

Воспользовавшись передышкой, командиры полков организовали более четкое обеспечение подразделений. На обоих берегах были созданы пункты снабжения. Главную роль на них играли так называемые «челночные» команды. В 107-м гвардейском стрелковом полку их было две—они действовали по очереди, в ночное время. Команду, действовавшую наиболее самоотверженно и успешно, возглавлял старший лейтенант Леонид Нестерович Кропивницкий, уроженец Одессы.

«Снабженцы» подтаскивали загруженные до предела лодки в ледяной воде плавней к основному руслу, а сами укрывались в камышах. С наступлением темноты направлялись через Днестр к условленным пунктам выгрузки, ориентируясь на разноцветные мигающие огоньки фонариков. Бывало, с высокого берега у села Талмаз гитлеровцы замечали лодки и прошивали их огнем из крупнокалиберных пулеметов. Шли на дно ожидаемые на плацдарме грузы, погибали выполнявшие свой солдатский долг гвардейцы. И так — день за днем, ночь за ночью.

Село Глиное и его окрестности фашисты регулярно бомбили, стремясь нарушить связь с плацдармом. Нащупывали они и пункты снабжения. На них обрушивали снаряды дальнобойной артиллерии. Но посылались эти снаряды обычно наугад и к большим потерям не приводили.

Большую роль в боях за удержание плацдарма сыграли сплоченность штаба и всего управления полка, их боевая спайка, чему в определенной мере способствовали сложная обстановка на плацдарме, частая необходимость с карабинами и автоматами в руках отбиваться в первой линии от врага, вместе с бойцами участвовать в контратаках. В такой ситуации каждый видел кто есть кто, на кого можно положиться.

Попытки гитлеровцев ликвидировать наш плацдарм не прекращались. Однажды под вечер они предприня-

---

* ЦАМО СССР, ф. 33, оп. 686043, д. 105, л. 47—79.

ли атаку против левого — выдвинутого вперед — фланга 107-го полка, надеясь, по-видимому, что на исходе дня наши подразделения переутомлены, ослаблена их бдительность, да и боеприпасов могло не остаться.

Фашистам удалось прорваться из Раскаец и подойти к командному пункту полка, располагавшемуся в расщелинах крутого берега.

Первыми преградили путь расчеты двух орудий, оставшихся в полку к этому времени. На помощь артиллеристам был выдвинут взвод полковой разведки.

Опыт предшествующих боев показывал, что всегда нужны немедленные и самые решительные действия для восстановления положения. Иначе противник закрепится на достигнутом рубеже, введет туда дополнительные силы. Учитывая это, командир полка оставил на командном пункте только начальника штаба с помощником по связи и минимальным числом связистов. Весь другой личный состав, все офицеры управления, штаба и политаппарата, вооружившись автоматами и гранатами, устремились по расщелинам, чтобы ударить прорвавшимся фашистам во фланг.

Гитлеровцев, скованных боем с нашими разведчиками, такой удар поверг в панику. Беспорядочно отстреливаясь, они бросились назад, в Раскаецы.

В этой ожесточенной схватке командир полка подполковник Н. П. Шербак показал образец личного мужества и отваги. С автоматом в руках он первым устремлялся вперед, увлекая за собой офицеров и солдат. Рядом с ним смело шли на врага помощник начальника штаба полка старший лейтенант А. Меркурьев, начальник химической службы старший лейтенант А. Мордвинов, полковой инженер капитан В. Мартынов и другие офицеры. Начальник артиллерии полка капитан М. Рябоконь выдвинул орудия ближе к переднему краю и лично управлял их огнем прямой наводкой, выборочно уничтожая наиболее важные цели.

К наступлению темноты положение на плацдарме было полностью восстановлено. Враг получил хороший урок: мало кому из его солдат удалось вернуться назад. В то же время мы еще раз убедились, что на любом этапе боевых действий ослабление бдительности и боевой готовности подразделений чревато тяжелыми последствиями. Следовательно, всегда надо быть начеку,

объективно оценивать возможности противника, учитывать его способность к искусным и дерзким действиям, в любой сложившейся критической ситуации сохранять присутствие духа, не терять самообладания, действовать решительно и быстро, стремиться перехватить инициативу у врага и навязать ему свою волю.

Вскоре после этого боя полк предпринял попытку овладеть селом Раскаецы и расширить плацдарм. Однако при ограниченном количестве артиллерии и боеприпасов огневая поддержка атаки оказалась малоэффективной. Удалось лишь несколько улучшить занимаемые позиции. Бои на плацдарме продолжались.

Знаменательными успехами встречали мы международный праздник трудящихся 1 Мая 1944 года. Позади были Ингул и Южный Буг, предстояло полное освобождение Молдавии от немецко-фашистских захватчиков.

Первомайский приказ Верховного Главнокомандующего № 70 открывал большие перспективы и цели летне-осенней кампании 1944 года: «...очистить от фашистских захватчиков нашу землю и восстановить Государственные границы Советского Союза по всей линии от Черного моря до Баренцева моря... вызволить из немецкой неволи братьев поляков, чехов, словаков и другие союзные с нами народы Западной Европы, находящиеся под пятой гитлеровской Германии».

В начале мая была проведена перегруппировка войск 3-го Украинского фронта. Воины 8-й гвардейской армии были перебазированы для усиления правого крыла фронта на стыке со 2-м Украинским фронтом. Они сменили к утру 7 мая части 5-й гвардейской армии в районе Пугачен, Шерпен на правом берегу реки. Войска 46-й армии были выведены во второй эшелон фронта. 34-я гвардейская стрелковая дивизия передала плацдарм частям 86-й стрелковой дивизии и была переброшена для занятия обороны по левому берегу Днестровского лимана на участок Овидиополь — Затока. Наш 107-й гвардейский стрелковый полк занял оборону на самом левом фланге в районе Роксолан.

Почти все лето, одновременно с оборудованием позиций, совершенствованием обороны, шла напряженная боевая учеба, которая сыграла огромную роль в сколачивании подразделений, в повышении морально-политической и психологической готовности всего личного

состава к борьбе с сильным противником, к выполнению задач в самых сложных условиях обстановки.

34-ю гвардейскую стрелковую дивизию в начале июля 1944 года вывели с побережья Днестровского лимана и расквартировали в населенных пунктах Овидиопольского района Одесской области. Командиром дивизии был назначен полковник И. А. Максимович. Чтобы дать подразделениям более тщательную практическую подготовку к действиям в предстоящей Ясско-Кишиневской операции, развернулась напряженная боевая учеба. Снова одним из ее важных элементов становится «обкатка» личного состава танками.

С учетом прибытия еще необстрелянного пополнения занятия проводились так: вначале танки на медленной скорости просто переезжали через траншеи, затем утюжили их. После этого обучаемые опускались в траншеи, осматривали их и убеждались в надежности. Затем в траншее оставался один из гвардейцев, которому в предшествующих боях приходилось бывать в аналогичной обстановке, под гусеницами вражеского танка, а с ним два-три вновь прибывших бойца, и через эту траншею несколько раз проезжали танки. Таким образом у воинов-пехотинцев преодолевалась танкобоязнь.

Подготовка к Ясско-Кишиневской операции закончилась к середине августа. После многосуточного марша 34-я гвардейская стрелковая дивизия вместе с другими соединениями 46-й армии сосредоточилась на Кицканском плацдарме и получила боевую задачу: действуя в первом эшелоне, из района, прилегающего к населенному пункту Чобручи, прорвать оборону противника в районе населенного пункта Талмаз и овладеть им. В задачу дня входил прорыв главной полосы обороны противника, которая состояла из 3-х позиций, оборудованных траншеями и ходами сообщения полного профиля, и достигала 6—8 километров вглубину.

При организации наступления во всех частях и подразделениях дивизии обращали внимание на характер заграждений и оборудование переднего края обороны противника, подступов к нему. В ходе работы на местности намечались места и количество проходов в заграждениях, основные направления атаки для каждого подразделения, порядок ведения огня артиллерией прямой наводкой и с закрытых огневых позиций, время и очередность смены этих позиций в целях обеспе-

чения непрерывности огневой поддержки атаки, сопровождения подразделений в глубине.

В штабах тщательно изучались данные аэрофоторазведки, особенно для выявления характера инженерного оборудования позиций и промежутков между ними, вскрытия наиболее важных огневых точек, долговременных сооружений и опорных пунктов, являвшихся первостепенными объектами для уничтожения огнем артиллерии и ударами авиации.

Для блокирования и уничтожения сохранивших живучесть долговременных сооружений в батальонах создавалось по 2—3 штурмовые группы.

Боевые задачи частям и подразделениям ставились на местности. При этом особое внимание обращалось на достижение внезапности и одновременности атаки, обеспечение ее огневой поддержки на всю глубину первой позиции, на своевременное наращивание усилий и расширение участка прорыва, на обеспечение согласованных действий после овладения первой позицией, особенно с авиацией.

Прорыв обороны начался мощной артиллерийской и авиационной подготовкой. Чтобы ввести противника в заблуждение, выманить его силы из укрытий и нанести им максимальное поражение, была проведена демонстрация ложной атаки. В 8 часов 55 минут артиллерия перенесла огонь в глубину обороны. Пехота, располагавшаяся в первой траншее, открыла интенсивный огонь, с криком «ура» стала поднимать из окопов заранее подготовленные чучела. Одновременно на исходных позициях действовавшего в первом эшелоне нашего 170-го гвардейского стрелкового полка грянул боевой музыкой оркестр.

Имитация удалась. Вражеская пехота оставила хорошо укрепленные блиндажи и заняла места в окопах и траншеях переднего края. Тогда артиллерия снова перенесла огонь сюда, плотность которого на этот раз была наибольшей.

Действительная атака частей дивизии и соседей началась в 10.00. Особенно успешно в нашем полку действовал батальон под командованием капитана А. Севастьянова. Он тесно прижимался к огневому валу, от одной траншеи к другой продвигался почти без потерь. Когда же противник обрушил на батальон огонь артиллерии из глубины, командир батальона решительным

броском вперед вывел подразделения из опасной зоны. И вовремя — артиллерия противника несколько минут обрабатывала зону, из которой вырвался батальон, пока не была подавлена бомбоштурмовыми ударами наших самолетов.

Тесно взаимодействовали наши наступающие подразделения с поддерживающими с воздуха штурмовиками. Продвигаясь за батальонами первого эшелона, наблюдаем, как «Илы» делают разворот, идут на штурмовку, бомбежку. Враг бьет из зениток. Но краснозвездные соколы решительно атакуют наземные цели, огнем «эр-эсов» и бомбовыми ударами громят вражеские резервы, командные пункты, позиции артиллерии и минометов.

Натиск атакующих был настолько силен, что противник даже не решил воспользоваться некоторыми оборонительными сооружениями в тактической глубине, в том числе — сюрпризного характера. Приблизительно на второй позиции или за ней мы подошли к средних размеров кладбищу, расположенному на высотке с рощей. Оно чем-то настораживало, привлекало к себе необычностью. Для выяснения обстановки выслали дозор во главе с командиром разведвзвода старшиной Ивлевым. Вскоре разведчики дали сигнал об отсутствии опасности.

Каково же было наше удивление, когда разведчики из состава дозора стали поднимать вверх один за другим кресты с прикрепленными к ним плетенными из ивняка щитами.

— Посмотрите, какую «загробную фортификацию» они придумали!— кричал старшина, потрясая вырванным крестом.—Стреляющие могилы!

Подойдя ближе, мы увидели, что закрытые щитами с укрепленными на них крестами «могилы» представляют собой хорошо оборудованные окопы. Из этих замаскированных под могилы окопов готовился удар в спину нашим наступающим подразделениям. Готовился, но не состоялся. Был сорван стремительными действиями подразделений первого эшелона.

Для нас это был еще один важный тактический урок, указывающий на то, что возможны самые неожиданные «сюрпризы» со стороны противника, что в этом отношении надо быть начеку постоянно, тем более что дальнейшие действия предстояли на зарубежной территории.

В первый же день наступления оборона противника

была прорвана на всю тактическую глубину. Дальнейшее наступление частей дивизии развернулось по отдельным направлениям. Утром 22 августа передовой отряд 107-го гвардейского стрелкового полка в составе усиленного стрелкового батальона под командованием капитана В. И. Сысоева ворвался на станцию Арциз. Старшему адъютанту (начальнику штаба) батальона старшему лейтенанту В. Г. Иванову удалось выяснить, что со стороны Аккермана (Белгород-Днестровский) движется вражеский эшелон. Разобрав железнодорожный путь и заняв выгодные позиции, подразделения батальона во главе со старшим лейтенантом Ивановым встретили гитлеровцев уничтожающим огнем, значительную часть их пленили.

Сбивая по пути вражеские заслоны, части 34-й гвардейской стрелковой дивизии в течение 24 и 25 августа освободили Кагул, Вулканешты и, отразив ряд контратак, вышли к плавням реки Прут.

Заняв на правобережье заранее подготовленные позиции, противник попытался задержать наше продвижение. Особенно сильное сопротивление он оказал в опорном пункте, созданном для удержания железнодорожного моста через реку Прут в Оанче на румынском берегу.

Мост оказался сильно разрушенным. Первые атакующие подразделения 107-го гвардейского стрелкового полка были встречены организованным огнем. Лишь после нанесения бомбоштурмовых ударов по опорному пункту нам удалось переправиться по обломкам моста и в ожесточенном бою овладеть Оанчей. Южнее форсировали реку и вышли на румынский берег 105-й и 103-й гвардейские стрелковые полки, поддерживаемые огнем 84-го гвардейского артиллерийского полка дивизии.

Впереди предстояли бои за Галац и Брэилу, за освобождение от гитлеровцев Румынии и других стран Балканского полуострова.

К. И. ЧЕБУНЯЕВ,
подполковник в отставке,
бывший помощник начальника оперативного отдела
штаба 68-го стрелкового корпуса

ЧАС МУЖЕСТВА

12 апреля 1944 года 266-й стрелковый полк 93-й стрелковой дивизии, которым командовал полковник В. И. Ухобатов, 1288-й стрелковый полк 113-й стрелковой дивизии под командованием майора М. Я. Потемкина и другие передовые части 68-го стрелкового корпуса вышли на восточный берег Днестра в районе села Бутор.

После короткой рекогносцировки, в полдень, началось форсирование реки.

Противник явно не ожидал, что наши войска с ходу будут переправляться через Днестр, тем более в дневное время. Элемент неожиданности сыграл свою роль.

Все подразделения, прибывшие на западный берег, закрепились на плацдарме. Утром 13 апреля уже завязался ожесточенный бой за село Войново.

Нашим воинам противостояла 320-я пехотная немецкая дивизия и 585, 586, 587-й пехотные полки. Фашисты неоднократно переходили в контратаки, пытаясь восстановить утраченные позиции. Но ничего существенного не добились.

14 апреля части корпуса овладели населенными пунктами Войново, Шерпены и продолжали расширять плацдарм.

По приказу командира 68-го стрелкового корпуса генерал-майора Н. Н. Шкодуновича была введена в бой 223-я стрелковая дивизия, до этого находившаяся во втором эшелоне. 1037-й стрелковый полк подполковника Д. Я. Царева перешел в наступление на участке Спея (Северная), а 1041-й стрелковый полк под командованием майора Б. М. Мехтиева ворвался на южную окраину Спеи (Южная).

В небе появились вражеские самолеты, которые усиленно бомбили район переправы, Шерпены, Бутор.

Только за сутки было сброшено более 700 бомб. Стало легче, когда подоспели наши краснозвездные соколы, в первом же бою они сбили два фашистских бомбардировщика. Потом записали на свой боевой счет еще трех стервятников. Гитлеровская авиация прекратила налеты.

223-я стрелковая дивизия под командованием полковника П. М. Татарчевского совместно с частями 19-й стрелковой дивизии генерал-майора П. Е. Лазарева перешли в наступление в направлении села Телица. Боевые действия продолжались и на других участках. Личный состав корпуса проявил в этих боях исключительный героизм. Особенно отличились воины 266-го стрелкового полка. До последнего снаряда вел огонь по наступающим вражеским танкам и пехоте расчет 76-миллиметрового орудия под командованием старшего сержанта Мельникова. Почти все артиллеристы погибли, но не пропустили врага. Храбро сражались подчиненные командира пулеметной роты старшего лейтенанта Л. Б. Дышельмана, сержанта Д. В. Дубина, командира пулеметного расчета младшего лейтенанта В. И. Дубина, бронебойщики и автоматчики во главе с комбатом старшим лейтенантом Мозолевым и капитаном Федулеевым Михаилом Степановичем. Отважно действовали разведчики — не один десяток языков приводили из тыла противника командир взвода разведки 128-го стрелкового полка старший лейтенант Б. А. Тюшев, старший сержант П. А. Белов из 351-й разведроты 223-й стрелковой дивизии, их боевые товарищи. Они доставляли и ценные сведения о противнике, расположении его огневых точек.

В период с 17 апреля по 7 мая наши воины окончательно закрепились на плацдарме. Раздосадованные неудачами фашисты перегруппировали силы и вновь пытались полностью овладеть правым берегом Днестра.

10 мая в 3 часа 30 минут после 40-минутной артиллерийско-минометной подготовки гитлеровцы перешли в наступление на стыке 93-й и 113-й стрелковых дивизий в районе Спеи (Северная). Для этого привлекли на помощь авиацию. Наступательные действия противника случайно совпали со сменой наших частей на Шерпенском плацдарме.

В 3 часа ночи 51-й стрелковый полк 93-й стрелковой дивизии сдал свой боевой участок фронта. А когда вы-

ходил на северную окраину Спеи, то попал под массированный огонь вражеской артиллерии. Сменившие его части 35-й гвардейской стрелковой дивизии 8-й гвардейской армии не успели освоиться на новом месте и под ударами противника стали отходить.

Тогда 93-я стрелковая дивизия прекратила отвод полков и вступила в бой. Положение было восстановлено.

Фашисты вновь перешли в наступление в том же направлении, но большого успеха не добились. Зато с наступлением рассвета им удалось прорвать оборону правого соседа—4-го гвардейского стрелкового корпуса. К 7 часам утра противник овладел Шерпенами, тем самым отрезав наши части от переправ через Днестр и выйдя в тыл 93-й и 113-й стрелковым дивизиям. Часть сил бросили в район Спеи (Северной), стремясь соединиться с пехотой, наступавшей юго-западнее села.

Создалось весьма критическое положение для частей 68-го стрелкового корпуса, которое осложнялось отсутствием резервов. В это время был ранен командир корпуса генерал-майор Николай Николаевич Шкодунович.

Отрезанные противником от переправ 93-я и 113-я стрелковые дивизии с тяжелыми боями отходили к лесу юго-западнее Шерпен. Вот хроника одного дня: отражено до 15 вражеских атак, подбито пять танков, два бронетранспортера.

На командный пункт командира корпуса прибыли командующий фронтом генерал армии Федор Иванович Толбухин, член Военного совета генерал-лейтенант Алексей Сергеевич Желтов, командующий 57-й армией генерал-лейтенант Николай Александрович Гаген, член Военного совета генерал-майор Леонид Порфирьевич Бочаров, командующий артиллерией генерал-майор Анатолий Иэрофеевич Брейдо.

Проанализировав обстановку, Толбухин приказал генерал-майору Брейдо немедленно перебросить на Шерпенский участок фронта несколько дивизионов «катюш» и другие артиллерийские подразделения, командующему 4-й воздушной армией генерал-майору В. А. Судец выделить истребительную и бомбардировочную авиацию для уничтожения танков и пехоты противника.

Благодаря бомбовому удару с воздуха и огню «катюш» продвижение немецко-фашистских войск было приостановлено, после безуспешных попыток отбросить

части корпуса за реку, на ее восточный берег, гитлеровцы вынуждены были перейти к обороне.

К исходу дня 93-я и 143-я стрелковые дивизии вышли к опушке леса между Шерпенами и Спеей, заняли оборону и продолжали отражать атаки противника.

Наступавшая из оврага Спея (Северная) пехота противника не смогла соединиться с танками и пехотой, шедшими из Шерпен. Противнику не удалось сбросить дивизии корпуса с плацдарма.

За четыре дня ожесточенных боев на Шерпенском плацдарме наши воины уничтожили 18 танков, пять бронетранспортеров, две самоходки противника, более 1500 вражеских солдат и офицеров*.

В августе наш стрелковый корпус был переброшен на Кицканский плацдарм. В то время там занимала позиции 228-я стрелковая дивизия 37-й армии.

Участок обороны проходил от изгиба реки Днестр, юго-западнее Тирасполя, по направлению к Бендерам.

В ночь с 16 на 17 августа 1944 года 93-я стрелковая дивизия закончила пересмену. Все полки и батальоны были приведены в боевую готовность, до 20 августа вели разведку с целью уточнения переднего края обороны противника, его огневой системы, группировки, нумерации частей, по всему чувствовалось: готовится большое наступление.

Для прорыва вражеской обороны командир 68-го стрелкового корпуса генерал-майор Н. Н. Шкодунович передал в распоряжение командира 93-й стрелковой дивизии генерал-майора А. Я. Крузе штурмовой батальон и три штурмовых стрелковых роты. Еще один штурмовой батальон поступил в распоряжение командира 113-й стрелковой дивизии полковника Л. Ш. Мухомедьярова.

Планированием предстоящей операции занимался начальник штаба 68-го стрелкового корпуса генерал-майор Х. М. Джелаухов совместно со штабами 113-й и 223-й стрелковых дивизий. Все подготовительные мероприятия осуществлялись в строжайшем секрете.

20 августа 1944 года в 8 часов утра артиллерия и минометы всех калибров, в том числе несколько дивизионов «катюш», открыли ураганный огонь по переднему краю и второму эшелону вражеской обороны. После артподготовки штурмовые роты перешли в наступление

* ЦАМО СССР, ф. 68 ск., оп. 47913, д. 2, л. 418.

и с ходу овладели первой и второй траншеями противника.

Ожесточенный бой завязался на окраине Хаджимуса. В течение трех часов населенный пункт дважды переходил из рук в руки. Во второй половине дня нашим воинам удалось прорвать глубоко эшелонированную оборону противника и к исходу дня овладеть центральной и южной частью Хаджимуса.

Одновременно из района Парканы перешли в наступление штурмовой батальон и 1288-й стрелковый полк 113-й стрелковой дивизии. Они продвигались по направлению к Бендерам и Гыске.

Гитлеровское командование ввело в бой свежие силы — до двух батальонов пехоты. На всем участке фронта целый день не смолкал артиллерийско-пулеметный, автоматный огонь.

21 августа снова завязались ожесточенные бои. Ломая сопротивление врага, наши войска успешно продвигались вперед.

К вечеру воины 129-го стрелкового полка подошли к командной высоте 150.0 (Курган Суворова), откуда противник просматривал наши боевые порядки и тылы. Штурмовой батальон и 1288-й стрелковый полк майора М. Я. Потемкина совместно со сводным отрядом 93-й и 223-й стрелковых дивизий под командованием заместителя командира 223-й стрелковой дивизии подполковника Ермана приступили к штурму города и крепости Бендеры, а 266-й стрелковый полк успешно продвигался вперед по направлению к населенному пункту Гыска.

Вражескому командованию не удалось задержать продвижение наших войск.

Одновременно сводный отряд 93-й и 223-й стрелковых дивизий во взаимодействии со штурмовым батальоном и 1288-м стрелковым полком 113-й стрелковой дивизии штурмом взял город и крепость Бендеры. Сопротивление немецких и румынских войск на этом участке было полностью сломлено.

В боях за Бендеры фашисты потеряли около 600 солдат и офицеров, более 800 было взято в плен. Трофеи составили 18 орудий разного калибра, более двух тысяч автоматов, пулеметов разного калибра, тысячи снарядов и патронов, около 600 автомашин*.

---

* ЦАМО СССР, ф. 68 ск., оп. 47913, д. 2, л. 419.

Продолжая опрокидывать прикрывающие группы противника, соединения корпуса подошли к Котовску. Тогда гитлеровцы начали сосредоточивать основные силы и тыловые подразделения в районе леса южнее Котовска, чтобы обеспечить отход главных сил кишиневской группировки в западном направлении. Ночью 25 августа фашистам удалось окружить 1041-й стрелковый полк. Его командир майор Б. М. Мехтиев образцово организовал оборону. Геройски сражались наши воины. Вражеские солдаты поначалу кричали: «...Рус, сдавайся!», но вышло наоборот, самим пришлось отступать. Потери противника в этом бою составили до 2 тысяч солдат и офицеров.

26 августа 1944 года войска корпуса соединились с частями 7-го мехкорпуса, которые прорвались с юга и полностью ликвидировали оставшуюся группировку противника.

За шесть дней ожесточенных боев на Кицканском плацдарме наши воины подбили 7 вражеских танков, 3 бронетранспортера, более ста орудий и минометов разных калибров, уничтожили свыше шести тысяч гитлеровских солдат и офицеров, около трех тысяч взяли в плен*.

В боях за освобождение Бендер, населенных пунктов Хаджимус, Гыска и других высокое мужество проявили многие воины корпуса. Вот несколько примеров.

Группа бойцов во главе со старшим сержантом А. П. Старушко атаковала вражеские позиции. В критическую минуту боя с красным флагом в руке Старушко бросился с насыпи железной дороги, увлекая за собой бойцов. Будучи раненым, он продолжал сражаться. Вдохновленные его самоотверженностью воины довершили разгром врага.

18-летний лейтенант З. И. Насибулин заменил погибшего командира роты 129-го стрелкового полка старшего лейтенанта Д. И. Староженко и повел бойцов на штурм высоты 150.0. Три дня с переменным успехом шел ожесточенный бой. Насибулин сумел первым ворваться на высоту и водрузил над ней красный флаг.

Комсорг второго батальона 51-го стрелкового полка Виктор Лаев находился в одной из рот, которая вела ожесточенный бой с врагом. В это время был убит ко-

---

* ЦАМО СССР, ф. 68 ск., оп. 47913, д. 2, л. 420

мандир роты. Не задумываясь, Лаев принял командование на себя. Лично истребил 12 гитлеровцев. В одной из схваток пал смертью храбрых.

Под градом пуль, артиллерийско-минометным огнем медсестры 82-го медсанбата 93-й стрелковой дивизии Фаина Сазонова, Ольга Палей, Анна Руковицина вынесли с поля боя десятки солдат и офицеров. А сколько солдатских жизней спасли старший лейтенант медицинской службы врач медсанбата 113-й стрелковой дивизии Антонина Боброва, старший лейтенант медслужбы 82-го медсанбата Нина Королева, старший лейтенант медицинской службы того же медсанбата Лилия Леонова, старшая операционная сестра медсанбата 113-й стрелковой дивизии Антонина Морозова! Сутками не смыкая глаз, стояли они у операционного стола.

Южнее города Котовска группа разведчиков 1041-го стрелкового полка под командованием командира отделения Петра Белова, Василия Сухореброва и Василия Богданенко заметили 30—35 отступающих вражеских солдат и офицеров. Разведчики вступили в неравный бой и обратили гитлеровцев в бегство, 12 из них, побросав оружие, сдались в плен.

После упорных и ожесточенных боев 23 августа 1944 года воинам 1041-го стрелкового полка под командованием майора Б. М. Мехтиева удалось занять село Танатары, но тут продвижение остановила группа вражеских автоматчиков, которая засела в доме, расположенном на окраине. Наши бойцы вынуждены были залечь. Два раза поднимались в атаку, но безрезультатно.

Тогда старший помощник начальника разведотдела корпуса капитан Павел Горшечников незаметно пробрался к дому и бросил в окно гранату, затем ворвался в помещение, поливая фашистов свинцовым огнем из автомата. Оставшиеся в живых сразу подняли руки вверх.

А как не вспомнить, что за бои на Кицканском плацдарме орденами и медалями отмечено более 2000 моих однополчан! Я был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

И. И. АЛИСИМЧУК,
полковник в отставке,
бывший начальник штаба
93-й стрелковой дивизии

ЗАДАЧУ РЕШИЛИ

Преследуя противника, поспешно отступающего за Днестр, дивизия вступила в большое молдавское село Бутор, расположенное на левом берегу реки.

Командир дивизии генерал А. Я. Крузе поставил задачу на форсирование Днестра. Предполагалось осуществить эту операцию в ночное время 13 апреля. Однако командир 266-го полка, подполковник В. И. Ухобатов, предложил довольно дерзкий план: высадить десант днем.

Василий Иванович рассуждал примерно так: «Вражеские войска после многодневных боев только минувшей ночью переправились через Днестр. Они изрядно утомлены и, надо думать, не готовы к немедленному отражению нашего броска. Вот этим мы воспользуемся!»

Форсирование началось без артиллерийской подготовки.

По сигналу командира полка рота старшего лейтенанта Мозалева, выделенная в первый эшелон десанта, с лодками на руках устремилась из укрытия к реке. Предвидение В. И. Ухобатова оправдалось: гитлеровцы обнаружили начавшуюся переправу лишь тогда, когда десантники были уже у самого берега. С возгласами «ура!» наши воины с ходу атаковали окопы противника и вынудили врага отступить.

Командир полка непрерывно наращивал силы на плацдарме, и к полудню на правом берегу Днестра уже было сосредоточено два батальона.

Фашисты попытались контратаковать, но успеха не добились. Тогда вражеское командование бросило авиацию, применило дальнобойную артиллерию. Но это была уже запоздалая мера.

К 18.00 на захваченный плацдарм переправлен ба-

тальон капитана Н. П. Архипова, а за ним и весь 51-й полк под командованием полковника В. П. Сенкевича, который до этого предпринял неудачную попытку форсировать реку на другом участке.

В последующие сутки гитлеровцы неоднократно пытались ликвидировать наш плацдарм. Только 14 апреля части дивизии отбили одиннадцать (!) вражеских атак.

Преодолевая ожесточенное сопротивление врага, наши подразделения шаг за шагом продвигались вперед. Бои были очень тяжелыми, главным образом потому, что мы находились на прибрежной низине, а противник занимал крутые правобережные высоты, которые приходилось брать штурмом.

Штурмуя одну из высот на подступах к селу Шерпены, бойцы 2-го батальона 266-го полка под командованием капитана М. С. Федулеева взбирались наверх по отвесным скалам. Фашисты забрасывали воинов гранатами, камнями, расстреливали из автоматов. Но смельчаки все же овладели высотой. Так действовали все подразделения дивизии. Дружной атакой полностью освободили село Шерпены. Впоследствии здесь расположился штаб дивизии.

Развивая наступление, выбили врага из села Спея (Северная). Натолкнувшись здесь на заранее организованную оборону противника, которая опиралась на протянувшуюся с севера на юг гряду высот, закрепились в километре западнее Спеи. Левее перешла к обороне 113-я стрелковая дивизия 68-го корпуса, правее — соединения 2-го Украинского фронта. Так во второй половине апреля был создан обширный Шерпенский плацдарм, шириной по фронту до 12 и глубиной 4—6 километров.

Но поскольку на нем находились войска двух фронтов, это создавало определенные неудобства для ведения дальнейших боевых действий. Было принято решение о передаче плацдарма 3-му Украинскому фронту. Сюда была выведена 8-я гвардейская армия В. И. Чуйкова.

И надо же, такое совпадение: как раз в этот момент гитлеровцы перегруппировали силы и предприняли еще одну попытку овладеть плацдармом. В ту ночь мы передавали свою полосу обороны 35-й гвардейской стрелковой дивизии. Правда, говорить о полосе обороны в

данном случае можно было лишь условно. Дело в том, что дивизия из-за недостатка личного состава располагала только двумя полками, из них 51-й имел в первой линии четыре стрелковые роты (по две от каждого батальона) и во второй — две. 266-й полк располагался во втором эшелоне.

Было за полночь, когда три роты из четырех, находившихся в первой траншее, уже сдали гвардейцам свои позиции и сосредоточились в селе Спея. С минуты на минуту ожидалась смена и 4-й роты, которой командовал старший лейтенант Шонин. Но вдруг ближе к рассвету раздались залпы вражеской артиллерии. Перед позициями наших войск появились танки и бронетранспортеры противника.

Рота Шонина вступила в мужественную и неравную схватку с врагом. В этих условиях командир дивизии приказал вернуть 51-й полк на прежние боевые позиции. Но выполнить этот приказ воины полностью не смогли, так как в окопы первой линии обороны уже ворвались фашисты. Тем не менее полку удалось остановить врага и закрепиться в противотанковом рву западнее Спеи. Для усиления генерал А. Я. Крузе выдвинул из второго эшелона один батальон. Однако этих сил было явно недостаточно, чтобы сдержать превосходящие силы противника.

В трудное время личный состав дивизии показал образцы мужества, храбрости, самопожертвования.

Орудия артиллерийской батареи капитана Хоретлева находились на прямой наводке. Когда гитлеровцам удалось прорваться к позициям артиллеристов, те не дрогнули. Расчет первого орудия сержанта Рогова, которое находилось несколько впереди других, меткими выстрелами встретил врага. Кончились осколочные боеприпасы. Тогда ударили по фашистам бронебойными снарядами. Упал сраженный пулей сержант Рогов, ранены вторые номера Рукимов и Айбашев... Бой продолжали наводчики Фомин и Владимиров.

И батарея удержала свою позицию до подхода стрелкового подразделения. Правда, в этом бою погибли капитан Хоретлев, командир взвода лейтенант Дворников...

Отбивая яростные атаки врага, артиллеристы уничтожили 9 танков, 5 бронетранспортеров и много другой боевой техники, живой силы врага.

11 мая гитлеровцы возобновили наступление. Воспользовавшись слабым прикрытием правого фланга, танковые и механизированные подразделения противника проникли в тыл наших войск и атаковали позиции артполка дивизии. Артиллеристы встретили их выстрелами в упор, шрапнелью, автоматными очередями, гранатами. Несколько боевых машин с черными крестами на боках застыли на месте.

Фашисты так и не смогли отбросить части дивизии за Днестр. После упорных боев наши воины окончательно закрепились на плацдарме.

В Ясско-Кишиневской операции дивизия действовала на главном направлении в составе первого эшелона ударной группировки 68-го корпуса 57-й армии, имея цель прорвать оборону врага в районе села Хаджимус и овладеть высотой 150,0, именуемой «курган Суворова».

Перед наступлением была развернута широкая подготовительная работа в частях и подразделениях, в штабах всех степеней, службах обеспечения. Учитывалось, что предстоит прорыв долговременной обороны, сильно насыщенной огневыми средствами. Задача усложнялась еще и тем, что мы располагались в заболоченной низине и, в силу особенности местности, не могли подойти к оборонительным порядкам противника незамеченными.

Решили действовать в два эшелона. В первый вошли 51-й и 266-й, во второй — 129-й стрелковые полки. Участок прорыва был определен от южной окраины Хаджимуса до изгиба железной дороги.

В ночь на 20 августа вышли на исходные позиции.

Наступление началось в 8 часов. Удары нашей авиации и артиллерии были настолько сильными, что в районе наблюдательного пункта командира дивизии земля дрожала, как при землетрясении. Передний край обороны противника сразу окутался облаком дыма и пыли. Казалось, что после такого огневого шквала ничто живое в стане врага не сохранится. На самом деле оказалось не так.

Наши атакующие подразделения только успели занять первую траншею и южную часть Хаджимуса и тут же вынуждены были залечь под губительным огнем противника.

В полдень командир дивизии ввел в бой второй эшелон — 129-й стрелковый полк подполковника М. Ш. Гадельшина. Вначале его подразделения энергично про-

двигались вперед. Но затем противник предпринял контратаку силою примерно до батальона пехоты с 20 танками. Наступление затормозилось.

Ожесточенные бои развернулись за овладение ключевой позицией обороны гитлеровцев в районе Бендер—курганом Суворова.

Первые схватки произошли у железнодорожной насыпи, вдоль которой проходила траншея противника. Путь нашим стрелковым подразделениям расчистили бойцы взвода противотанковых орудий под командованием лейтенанта И. А. Емельянова, сумевшие подавить вражескую огневую точку.

Чем дальше продвигались наши части, тем сильнее было сопротивление фашистов. Бои носили крайне ожесточенный характер и нередко переходили в рукопашные схватки.

В трудной ситуации оказался батальон 129-го полка: никак не удавалось снять заслон врага. В это время на его позиции прибыл заместитель командира полка майор В. Я. Кулагин. Он помог комбату организовать захват вражеской позиции, сам лично поднял одну из рот в атаку. В результате вражеское сопротивление было сломлено. В этом бою был тяжело ранен В. Я. Кулагин.

Когда рота старшего лейтенанта Вербина ворвалась в траншею противника, ее контратаковали вражеские автоматчики. «Без команды не стрелять!»—приказал командир. А когда гитлеровцы приблизились, Вербин скомандовал: «Огонь!» и первым метнул во вражескую цепь три «лимонки», прошил врагов очередью из автомата. Будучи тяжело раненным, превозмогая боль, продолжал руководить боем, пока враг не был уничтожен.

Части дивизии выполняли поставленную перед ними боевую задачу, штурмовые группы 51-го полка методически, дом за домом, освобождали от врагов село Хаджимус.

129-й полк, введеный в бой в центре боевого порядка дивизии между 51-м и 266-м полками, глубже других вклинился в оборону противника. Мужественно и умело действовали пулеметчики. Рота старшего лейтенанта Л. Б. Дышельмана, тесно взаимодействуя со стрелковыми подразделениями, подавляла огневые точки врага, поражала его живую силу. Сам Дышельман, по отзыву командира полка, «проявил себя в бою храбрым и отважным командиром, своим примером воодушевлял

личный состав роты на боевые подвиги». Отважно громила фашистов минометная батарея капитана В. В. Ильяхинского.

22 августа развернулись решающие бои за овладение высотой. Непосредственно в этом направлении наступал 120-й полк. Справа от него действовал 51-й, а слева — 266-й полки. Многие подразделения стремились первыми достичь господствующей высоты и поднять на ней победный стяг.

Одним из таких подразделений был 1-й батальон 129-го полка под командованием капитана Б. Н. Златогорского. Еще до начала наступления командир батальона передал красный флаг для водружения на высоте 150.0 в первую стрелковую роту, которой командовал старший лейтенант Д. И. Стороженко. Сам Стороженко до высоты не дошел: погиб 20 августа... Командование ротой принял на себя командир взвода младший лейтенант З. И. Насибулин. И бойцы задачу выполнили.

Взятие высоты 150.0 лишило противника основного узла сопротивления в районе Бендер. К утру 23 августа город был полностью очищен от врага.

Для преследования отступающих фашистских частей в дивизии был сформирован подвижной передовой отряд под командованием начальника оперативного отделения штаба дивизии майора Н. И. Колесникова. В его состав вошли: стрелковый батальон под командованием капитана Ермоленко, артиллерийский дивизион капитана И. В. Головина, взвод разведчиков и взвод саперов.

Передовой отряд, посаженный на автомашины, то и дело выходил на пути отхода противника, облегчая нашим частям, следовавшим за ним на некотором удалении, разгром вражеских войск по частям. 23 августа в Кодрах — гористой местности южнее Кишинева — бойцы Колесникова отрезали путь отхода большой группе гитлеровцев. Свыше 600 вражеских солдат и офицеров было взято в плен.

24 августа передовой отряд настиг неприятельскую колонну на подступах к Котовску.

Крупное сражение по уничтожению окруженной в районе Сарата-Галбены большой группировки войск 6-й немецкой армии развернулось 25 и 26 августа. Наряду с другими соединениями 57-й и 37-й армий в этой опе-

рации участвовала и наша 93-я дивизия. Только наши части и подразделения взяли в плен около 1000 вражеских солдат и офицеров противника.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 сентября 1944 года дивизия была награждена орденом Красного Знамени и стала называться 93-й Краснознаменной Миргородской стрелковой дивизией.

После окончания боев на территории Советской Молдавии свыше трехсот наиболее отличившихся солдат, сержантов и офицеров были отмечены боевыми орденами и медалями Советского Союза.

И. Ф. МЕДВЕДЕВ,
полковник в отставке,
бывший командир батальона
595-го стрелкового полка

ОТВАЖНЫЙ РАЗВЕДЧИК

В моей памяти часто оживают дни, пропитанные пороховым дымом. Вспоминаю боевых товарищей, живых и павших. К сожалению, довольно редко доводится видеться с бывшими однополчанами. Но всегда счастлив, когда судьба дарит встречи. Как, например, с сибиряком, бывшим разведчиком Иваном Лоптевым.

...Во время боев на молдавской земле я командовал стрелковым батальоном 595-го полка 188-й стрелковой дивизии. Мы занимали плацдарм южнее Бендер. Это был небольшой клочок земли в виде узкой полосы, отделяющей передний край от реки Днестр. Он постоянно был залит водой, которая просачивалась через стены окопов, как через решето. Солдаты вычерпывали ее котелками, касками, но через некоторое время вода вновь наполняла окопы.

Трудно было. Усталые, промокшие, одну за другой отражали атаки противника. О сне и отдыхе оставалось только мечтать.

Фашисты расположились на восточных скатах приднестровских высот. Они хорошо просматривали наши позиции и методично вели огонь из минометов, пулеметов. Мы же не могли подкатить орудия к переднему краю из-за вязкого, пропитанного водой грунта.

Батальон нес большие потери. Гитлеровцы стремились любой ценой отбить плацдарм, сбросить нас в Днестр и вводили в бой все новые силы. Батальон нес большие потери.

5 мая с утра зарядил дождь. Мы отразили несколько атак противника, но при этом израсходовали запасы патронов и гранат. Посылать днем в тыл за боеприпасами было бессмысленно, потому что гитлеровцы про-

сматривали местность как на ладони. Все запасы мы пополняли только в ночное время.

К исходу дня фашисты начали готовиться к шестой атаке. В мой окоп, наполовину залитый водой, неожиданно прыгнул старший сержант И. Лоптев. За его плечами была радиостанция. Я знал Ивана как храброго артиллерийского разведчика. Под Кривым Рогом он пробрался во вражеский тыл, вызвал огонь артиллерии по скоплению фашистских войск и сам корректировал его.

А здесь, на плацдарме, под градом пуль и осколков сумел пробраться на помощь нашему второму стрелковому батальону. Посмотрев на топографическую карту, развернул радиостанцию и начал передавать команды на огневые позиции артиллерии. Вскоре буквально над нашими головами прошумели снаряды и разорвались в передней траншее противника. Цепь вражеских солдат, устремившихся было к нашим окопам, поредела. А наши артиллеристы, подчиняясь указаниям Ивана, уже перенесли удар в глубину обороны противника.

Плацдарм на западном берегу Днестра мы удержали. В этом была большая заслуга опытного разведчика И. Лоптева.

В августе 1944 года отсюда мы пошли в наступление. Лоптев находился в передних рядах.

Наш батальон получил задачу перерезать дорогу южнее села Каракуй, по которой вражеские войска отходили к Пруту.

С наступлением темноты пробрались к безымянной высоте. Разведчики доложили, что приближается конная вражеская пехота. Мы развернулись в боевой порядок и залегли в 30—40 метрах от дороги. Фашисты шли по размокшему чернозему медленно, в пять-шесть рядов. Я решил пропустить колонну перед фронтом всего батальона и одновременно ударить по ней из ручных пулеметов, автоматов, винтовок. Когда удобный момент настал, вверх взвилась красная ракета — сигнал для открытия огня. Не многим гитлеровцам удалось спастись.

Дорогу мы перекрыли. Не теряя времени, начали опоясывать скаты высоты окопами для прочной обороны.

К вечеру фашисты подтянули танки и бронетранспортеры с пехотой. Всю ночь мы внимательно наблюдали

за их действиями, готовили связки гранат. Понимали: бой будет ожесточенный. У противника был большой перевес в силах. Решили стоять насмерть, но не пропустить врага.

Я обходил стрелковые подразделения и как-то потерял из вида Лоптева. А он, оказывается, успел собрать разведданные и связаться с артиллеристами.

А когда перед рассветом гитлеровцы двинули против нас восемь танков и десять бронетранспортеров, сразу ударила наша дальнобойная артиллерия. В стане противника началась паника.

Около трех суток второй стрелковый батальон удерживал высоту и не выпустил ни одного фашиста из железного кольца окружения.

Вот о каких эпизодах напомнила встреча с Лоптевым. Узнал от него, что отважный разведчик воевал до Победы, после войны возвратился к мирному труду, а сейчас находится на заслуженном отдыхе. А я рассказал фронтовому другу о том, что довелось побывать у той безымянной высоты, где в августе 44-го мы вели бой у дороги. Там теперь раскинулись вишневые сады колхоза «Красный садовод».

И. С. АНОШИН,
генерал-лейтенант в отставке,
бывший начальник политуправления
3-го Украинского фронта

ЖАРКИЙ АВГУСТ

Освобождение Молдавии от немецко-фашистских захватчиков проходило в два этапа, тесно связанных между собой. Первый этап по времени приходится на весну 1944 года.

Трудное, но вместе с тем славное было время. Сломив сопротивление противника на Правобережье Днепра в южной Украине, войска 2-го и 3-го Украинских фронтов, несмотря на весеннюю распутицу и упорное сопротивление противника, стремительно продвигались к границам Молдавии.

Форсировали Днестр, освободили часть территории Молдавии и перешли границу Румынии.

Линия обоих фронтов стабилизировалась на достигнутых рубежах. Вскоре была получена директива Ставки Верховного Главнокомандования, в которой по ряду стратегических соображений предлагалось перейти к временной обороне, имея в виду последующие наступательные действия.

Второй этап освобождения Молдавии связан с Ясско-Кишиневской операцией—одной из наиболее выдающихся операций времен Великой Отечественной войны. В результате ее советские войска полностью разгромили крупнейшую фашистскую армейскую группировку, являвшуюся опорой правого фланга стратегического фронта гитлеровцев, полностью освободили территорию Молдавской Советской Социалистической Республики и Измаильской области УССР, вывели из строя союзника фашистской Германии — королевскую Румынию, создали условия для скорейшего освобождения от фашистского ига народов юго-восточной Европы.

Операция была проведена по замыслу и под непосредственным руководством Ставки Верховного Главно-

командования силами двух фронтов: 2-го Украинского фронта (командующий генерал армии Р. Я. Малиновский, член военного совета генерал-лейтенант И. З. Сусайков) и 3-го Украинского фронта (командующий генерал армии Ф. И. Толбухин, член военного совета генерал-лейтенант А. С. Желтов). В ней принимали также участие Черноморский флот и Дунайская флотилия.

Гитлеровское командование придавало южному участку фронта особо важное значение, что обусловилось рядом стратегических, экономических и политических соображений. Этот участок прикрывал основной путь на Балканы. Здесь находилось большинство участниц гитлеровского блока — Румыния, Болгария, Венгрия.

Войска противника, оборонявшегося на юге, были объединены в группу армий под названием «Южная Украина». В нее входили четыре армии: две немецкие, две румынские и отдельный немецкий корпус. Всего в составе группы насчитывалось около 50 дивизий, из них 25 немецких.

Фашисты решили создать здесь неприступную линию и тем самым сковать силы наших войск. Мощные оборонительные сооружения были возведены по берегам Днестра, Прута, Серета. Кроме того, узлы дорог и ряд населенных пунктов были превращены в опорные пункты, которых всего насчитывалось свыше 400.

Командование 2-го и 3-го Украинских фронтов отлично понимало всю сложность задач, которые предстояло решить. Подготовка к наступательным действиям велась самым тщательным образом. Были изучены системы обороны противника, противостоящие силы, их расположение. Войска тренировались на преодолении укреплений, блокировке дотов и дзотов, в стремительных маршах на пересеченной местности. Инженерные части строили дороги, переправы, маскировочные сооружения.

Интересам предстоящих наступательных действий была подчинена также вся партийно-политическая работа, проводимая командирами, политорганами и партийно-комсомольскими организациями.

В основу лег первомайский приказ Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина. В этом документе были подведены итоги успехов, достигнутых Советской Армией в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками во время зимней кампании 1943—1944 гг., и определены дальнейшие задачи.

Первомайский приказ Верховного Главнокомандующего вызвал в войсках огромный политический подъем. Каждый воин горел желанием поскорее разгромить ненавистного врага.

В ходе подготовки к наступлению в числе других вопросов большое внимание уделялось морально-политической и волевой закалке поступившего пополнения. В частности, среди молодых бойцов немало было уроженцев освобожденных областей Украины, ряда районов Молдавии. Требовалось в короткий срок выработать у них необходимые для солдата качества, психологически подготовить к предстоящим боям. В этой работе кроме офицеров и политработников участвовали бывалые воины, которые заботливо передавали новичкам накопленный боевой опыт.

2 августа была получена директива Ставки Верховного Главнокомандования о подготовке и проведении наступления. Основной замысел операции сводился к тому, чтобы охватывающими ударами фронтов окружить и уничтожить противника в районе Кишинев — Яссы, не дать ему возможности уйти из-под удара и тем самым освободить юго-запад страны от захватчиков.

С получением директивы вопрос о подготовке войск к переходу в наступление получил конкретный характер во всех звеньях. Во всех соединениях и частях были проведены партийные собрания первичных организаций, на которых обсуждались задачи коммунистов в предстоящих наступательных боях.

20 августа началась знаменитая Ясско-Кишиневская битва. Характерная ее особенность — стремительность. Большая по размаху и выдающаяся по своим результатам, эта операция в основном закончилась за 10 дней. Она была проведена в полном соответствии с директивой Ставки от 2 августа 1944 года.

В период Ясско-Кишиневской операции были разбиты, окружены и ликвидированы 6-я и 8-я немецкие, 3-я и 4-я румынские армии. Всего фашисты потеряли 49 пехотных дивизий и бригад. По данным Совинформбюро от 12 сентября 1944 года, их потери по главным видам техники и живой силы составили: самолетов — 338, танков и самоходных орудий — 830, орудий разных калибров — 3500, автомашин — 33 000. Убито и взято в плен 256 600 вражеских солдат и офицеров, больше полутора десятка генералов.

Результаты Ясско-Кишиневской операции говорят о высоком уровне и мастерстве, с каким она была проведена. Характерно, что наши войска не имели решающего численного превосходства над противником. Победа была достигнута благодаря правильной стратегии и тактике советского командования, смелости, отваге и массовому героизму личного состава частей и соединений.

Наступательная операция была тщательно подготовлена. Даже тогда, когда она началась, противник не смог разгадать, каковы замысел советского командования, направления ударов.

Радостно было наблюдать слаженную работу всех родов войск. Артиллеристы и летчики мощными огневыми налетами и бомбовыми ударами с воздуха подавляли и разрушали огневые точки и укрепления врага, саперы разминировали участки и прокладывали путь пехоте, танкам, облегчали их атаки и общее продвижение. Когда сильно укрепленная полоса обороны была прорвана, в бой вступили подвижные соединения. Выбивая фашистов из укрепленных пунктов, танкисты и мотопехота продвигались за день на 30 и более километров.

В период наступления бойцы, генералы и офицеры проявили невиданный массовый героизм. Только в августе 1944 года за мужество и отвагу было отмечено боевыми орденами и медалями более 18 тысяч солдат и офицеров. Особо отличившимся в боях на молдавской земле 130 воинам присвоено звание Героя Советского Союза, 73 части и соединения награждены орденами, 28 удостоены почетных наименований, в том числе 26 — Кишиневских.

Героический подвиг совершил старший сержант 59-го гвардейского стрелкового полка Петр Банников. Рота в которой он служил, наступала на самом ответственном участке. Огонь вражеского дзота преградил бойцам путь, они залегли. Банников вызвался подавить дзот. Вместе со своим отделением подполз к огневой точке. В трех метрах от нее был тяжело ранен. Собрав последние силы, бросился на огневую точку и телом прикрыл ее. Сержант Банников, повторив бессмертный подвиг Александра Матросова, ценой своей жизни обеспечил дальнейшее развитие атаки. Отважный воин посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени.

Отважно дрался с врагом комсорг одной из рот 266-го стрелкового полка 93-й стрелковой дивизии сержант В. Хорошев. Во время прорыва обороны противника он поддерживал огнем наступающие подразделения. Вражеская пуля ранила его, но воин остался в боевых рядах, продолжал разить врага. И только когда наши бойцы ворвались во вражеские траншеи, сержант Хорошев согласился на отправку в госпиталь.

Хочется рассказать и о трех братьях Павленковых— Леониде, Иване и Александре. Были они командирами пулеметных расчетов второй пулеметной роты 129-го стрелкового полка. Их пулеметы всегда работали четко.

Вот что писала о самоотверженности братьев Павленковых листовка-«молния» от 22 августа: «Наша часть хорошо и активно участвовала в прорыве обороны врага. Его сопротивление сломлено. Но враг огрызается. Берите пример с трех братьев Павленковых, славных сынов Советской Украины. Они героически участвовали в отражении шести контратак врага. Все три брата представлены к правительственной награде. Вперед, за Родину!»

Факты героических подвигов бойцов широко использовались командирами и политорганами в воспитательной работе с личными составами войск.

С лучшей стороны зарекомендовали себя в ходе Ясско-Кишиневской операции военные журналисты.

20 августа 1944 года, в день наступления, все газеты: фронтовые, армейские и дивизионные — вышли с яркими призывами к личному составу разгромить врага. Перечислю некоторые из заголовков: «Приказ командира— приказ Родины», «Быстрота и натиск — душа победы», «Сражаться умело и отважно».

Были также опубликованы советы, как лучше бить фашистов. Суть их состояла в популяризации уставных положений бойцу в наступлении — «равняться по передовым», «в атаке не задерживай», «не забывай о главном — наступай, стреляй», «взаимодействуй с соседом» и т. д.

В дальнейшем, по мере развертывания наступательных действий, призывы, исходя из обстановки, менялись.

В номерах от 21 августа было уже сказано, что оборона противника прорвана. Газеты призывали: «Сокрушим дрогнувшего врага!», «Решительно и безостановочно продвигаться вперед!»

Большое внимание уделила фронтовая печать летчикам, успешно штурмовавшим врага, которые, кстати, в день наступления отмечали традиционный праздник.

В номерах газет за 22 августа так же, как и в последующих, основной упор был сделан на развитии наступательного порыва. «Не давать противнику закрепиться на промежуточных рубежах», «Враг бежит! Преследовать его днем и ночью».

Начиная с 23 августа печать призывала уже к окружению противника: «Отрезать противнику пути отхода, окружить и уничтожить его живую силу и технику».

Полное окружение противника юго-западнее Кишинева было осуществлено к исходу 24 августа, когда войска 2-го и 3-го Украинских фронтов, наступая в направлении Хуши—Леово, соединились и тем самым замкнули кольцо окружения 22 немецких, не считая румынских, дивизий и ряда отдельных частей.

Величайшей мобилизующей силой для личного состава частей и подразделений были благодарственные приказы Верховного Главнокомандования и сводки Советского информбюро. Значение этих документов трудно переоценить. Они вселяли в войска дух уверенности, звали на новые подвиги во славу Родины.

25 августа был опубликован приказ Верховного Главнокомандования в связи с освобождением столицы Молдавской Советской Социалистической Республики — Кишинева. Главный удар с фронта на Кишиневском направлении наносила 5-я ударная армия под командованием генерала Н. Э. Берзарина.

Противник создал мощные оборонительные сооружения на подступах к городу, а сам Кишинев приспособил к долговременной обороне. Глубокий фланговый маневр, предпринятый нашими войсками в направлении Хуши—Леово, лишил противника возможности воспользоваться этим преимуществом. 24 августа соединения и части 5-й ударной армии штурмом овладели молдавской столицей, развивая дальнейшее наступление, заняли с боями более 250 населенных пунктов.

Ликвидация окруженной группировки противника проходила в быстром темпе. Уже 28 августа Советское информбюро сообщило, что с попавшими в кольцо вражескими войсками юго-западнее Кишинева покончено.

Говоря об освобождении Молдавии, нельзя не упомянуть о том большом вкладе, который внесли в борь-

бу с немецко-фашистскими захватчиками жители республики. Только в летних боях 1944 года в составе 2-го Украинского фронта участвовало до 10 тысяч сынов молдавского народа. Не меньше их было в рядах частей и соединений 3-го Украинского фронта.

Вскоре после освобождения Кишинева в городе состоялся многолюдный митинг, на котором было принято Обращение.

«Велика наша радость и безгранична благодарность всем доблестным воинам Красной Армии,— говорилось в нем,—вернувшим нам нашу свободу. Мы снова обрели счастье жить и творить в великой и единой семье народов Советского Союза. В этот торжественный и незабываемый для нас день мы клянемся всю безграничную любовь к Советской Родине и неугасимую ненависть к врагу воплотить в конкретные боевые дела — в творческий труд по быстрейшему восстановлению всего народного хозяйства Молдавии, родного города Кишинева, восстановлению его разрушенных предприятий, школ, больниц, научных и культурных учреждений».

8 Заказ № 359

В. Ф. ТОЛУБКО,
Герой Социалистического Труда,
главный маршал артиллерии,
бывший начальник оперативного отдела
штаба 4-го гвардейского мехкорпуса

КОРПУС В ПРОРЫВЕ

Накануне наступления

Весной и летом 1944 года в связи с победами советских войск антифашистская борьба в странах юго-восточной Европы достигла большого накала. Усилились движения сопротивления в оккупированных странах. Неустойчивым было положение и в Румынии, являвшейся сателлитом фашистской Германи. Более трех лет румынская армия воевала за чужие интересы. За это время экономика страны расстроилась. Недовольство войной росло из года в год. Солдаты покидали окопы, уходили в леса и горы, объединялись в партизанские отряды, ставившие своей целью борьбу с немецко-фашистскими оккупантами. В журнале боевых действий группы армий «Южная Украина» за 19 дней до начала Ясско-Кишиневской операции была сделана следующая запись: «Боевой дух румын падает все больше и больше... Румынский народ устал от войны и будет использовать любую возможность выйти из войны...»*

С каждым днем положение становилось все более напряженным. Румыния стояла на пороге глубокого политического кризиса. Нелегальный печатный орган румынских патриотов «Ромыния Либерэ» писал: «Наступил решающий момент... Нельзя больше ждать. Румынский народ должен взять свою судьбу в собственные руки и бороться за выход из войны».

Коммунистическая партия Румынии призывала к развертыванию движения за выход страны из войны, активизировала работу по подготовке вооруженного восстания и объединению всех прогрессивных сил нации в антифашистской борьбе. Под ее руководством весной 1944

---

* Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история. М., 1970, с. 392.

года был создан «Единый рабочий фронт», вокруг которого объединились все патриотические силы страны.

1 мая руководство фронта опубликовало манифест, призывавший трудовой народ страны к борьбе за свержение диктаторского режима Антонеску и формирование нового правительства из антифашистских сил и организаций, изгнание немецко-фашистских захватчиков из пределов страны, оказание содействия Красной Армии в борьбе за свободную демократическую и независимую Румынию.

Накануне наступления советских войск немецко-фашистское командование имело в Румынии и Молдавии сильную группу армий «Южная Украина». В ее состав входили: 8-я и 6-я немецкие, 4-я и 3-я румынские армии и 17-й отдельный корпус немцев — всего 47 дивизий (из них 3 танковые и 1 моторизованная) и 5 бригад.

Вражеские войска насчитывали 640 тысяч человек, 760 орудий и минометов калибра 75-мм и выше, 400 танков и штурмовых орудий. Группу армий поддерживали 810 самолетов 4-го воздушного флота и румынского авиакорпуса*.

Командующий группой армий «Южная Украина» генерал Фриснер и его штаб полагали, что удар советских армий может быть нанесен в междуречье Серета и Прута на Кишинев. Поэтому противник создал наибольшую плотность войск в междуречье и в центре, на Кишиневском выступе.

Ставка Верховного Главнокомандования планировала разгромить группу армий «Южная Украина» силами 2-го и 3-го Украинских фронтов. Войска этих фронтов должны были прорвать оборону противника на двух далеко стоявших один от другого участках (северо-западнее Ясс и южнее Тирасполя), затем развивать наступление по сходящимся к району Хуши—Васлуй направлениям, окружить и уничтожить основные вражеские войска, оборонявшиеся в Кишиневском выступе.

На первом этапе операции войска фронтов должны были овладеть рубежом Бакэу—Леово—Тарутино—Молдавка, на втором этапе операции — развить наступление на Фокшаны — Галац — Измаил.

Окружение основных сил группы армий «Южная Ук-

---

* Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история, с. 393.

раина» в районе Ясс и Кишинева лишало противника возможности отвода войск на мощные оборонительные рубежи вдоль рек Прут и Сирет, а выход Красной Армии в центральные районы страны вынуждал Румынию выйти из войны. Кроме того, через территорию Румынии открывались для наших войск кратчайшие пути к границам Венгрии, Югославии, Болгарии.

2-му Украинскому фронту на первом этапе операции ставилась задача нанести удар из района северо-западнее Ясс в южном направлении, овладеть Бакэу, Васлуй, Хуши, захватить переправы через Прут на участке Хуши — Фэлчиу и во взаимодействии с войсками 3-го Украинского фронта разгромить кишиневскую группировку противника, не допуская ее отхода на Бырлад и Фокшаны; на втором этапе войска фронта развивали успех дальше на юг, в общем направлении на Фокшаны.

3-й Украинский фронт на первом этапе операции должен был прорвать оборону противника южнее Тирасполя, нанести удар в западном направлении на Хуши, совместно с войсками 2-го Украинского фронта замкнуть кольцо окружения вокруг кишиневской группировки врага, разгромить и овладеть рубежом Леово—Тарутино — Молдавка; на втором этапе операции войска фронта развивали наступление в южном направлении и выходили к нижнему течению Дуная.

Большая роль в операции отводилась Черноморскому флоту и Дунайской военной флотилии. Им предстояло высадить десанты в Аккермане и на западном побережье Черного моря, нарушить морские коммуникации и уничтожить корабли противника, нанести массированные удары авиацией по базам в Констанце и Сулине, содействовать сухопутным войскам в форсировании Дуная.

Войска 3-го Украинского фронта после освобождения Одессы повсеместно вышли к Днестру и временно перешли к обороне. Почти четыре месяца они вели бои местного значения, ожидая сигнала для наступления в глубь юго-восточной Европы.

К началу операции в составе фронта было четыре общевойсковые и одна воздушная армии, два механизированных корпуса, шесть артиллерийских дивизий, отдельная мотострелковая бригада, укрепленный район и две бригады морской пехоты. В общевойсковых армиях насчитывалось 37 стрелковых дивизий, а в 17-й воздуш-

ной армии — 7 авиационных дивизий. Всего во фронте было 8000 орудий и минометов, около 600 танков и самоходно-артиллерийских установок и до 1000 боевых самолетов*.

Все четыре армии наступали в первом эшелоне. Главный удар планировалось нанести с Кицканского плацдарма южнее Тирасполя силами 37-й армии, левофланговыми соединениями 57-й армии и правофланговыми соединениями 46-й армии.

С этой целью на Кицканском плацдарме и прилегающей к нему полосе шириной в 25 км сосредоточивалось 27 стрелковых дивизий, более 90% артиллерии, все танковые и механизированные соединения и части. На это же направление нацеливалась вся фронтовая авиация. В результате было достигнуто решающее над противником превосходство. По пехоте оно составило 8:1, по артиллерии и танкам — 6:1**.

Из механизированных корпусов создавались две фронтовые подвижные группы. 7-й механизированный корпус вводился в прорыв в полосе 37-й армии и развивал успех в Западном направлении на Хуши с задачей: выйти на р. Прут, соединиться с подвижными соединениями 2-го Украинского фронта, замкнуть кольцо окружения вокруг кишиневской группировки с юга и принять участие в разгроме окруженного врага.

4-й гвардейский механизированный корпус вводился в прорыв в полосе плавофланговых соединений 46-й армии и на первом этапе операции развивал успех в юго-западном направлении на Тарутино. На втором этапе его дальнейшие боевые действия ставились в прямую зависимость от сложившейся обстановки и планировались по двум вариантам.

Первый вариант предусматривал поворот корпуса из района Тарутино на северо-запад, стремительный выход его на рубеж Леово — Хуши — р. Прут и окружение совместно с 7-м механизированным корпусом и подвижными соединениями 2-го Украинского фронта 6-й немецкой армии. Действия по этому варианту предусматривались при условиии стремительного продвижения войск 2-го Украинского фронта в южном направлении.

---

* Военно-исторический журнал. 1964, № 8, с. 87—88.
** П. Г. Кузнецов. Маршал Толбухин. М, 1966. с. 155.

Второй вариант предполагал продолжение развития оперативного успеха в юго-западном направлении на Кагул и Галац, окружение совместно с войсками 46-й армии, Черноморским флотом и Дунайской военной флотилией 3-й румынской армии противника и полный ее разгром в южных районах Бессарабии. По этому варианту корпус действовал в случае задержки продвижения войск 2-го Украинского фронта на юг.

Ввод 4-го гвардейского механизированного корпуса в прорыв планировалось осуществить с рубежа Фештелица—Слободзея, на глубине 10—12 км от переднего края. При обоих вариантах действий общая глубина поставленной задачи, темп продвижения—60—65 км в сутки.

Чтобы сделать создаваемые подвижные группы более сильными, командующий фронтом генерал армии Ф. И. Толбухин усилил их отдельными частями и соединениями различных родов войск. В соответствии с решением командующего фронтом 4-й гвардейский механизированный корпус был усилен: 5-й отдельной мотострелковой бригадой, 22-й зенитной артиллерийской дивизией (1335, 1341, 1347-й и 1358-й зенитные артиллерийские полки), 11-й легкой артиллерийской бригадой (525-й и 870-й легкие артиллерийские полки), 42-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригадой (1961, 1962-й и 1963-й истребительно-противотанковые артиллерийские полки), 124-м гаубичным артиллерийским полком, 58-м гвардейским минометным полком (М-13), 101-м минометным полком, 53-м отдельным батальоном. Боевые действия корпуса поддерживались 136-й штурмовой и 288-й истребительной авиационными дивизиями*.

Такое большое усиление корпус получал впервые за все время ведения боевых действий. Мы почувствовали, что наша промышленность, народное хозяйство и вся страна располагают громадными материальными возможностями и людскими ресурсами.

До полной штатной численности были доведены входившие в состав корпуса соединения, части и отдельные подразделения. Недоставало лишь автомобильного транспорта. К тому времени в его штатном составе находились: 13, 14-я и 15-я гвардейские механизированные бригады

* Архив МО СССР, ф. 4-го МК, оп. 312836, д. 4, лл. 15—17.

(командиры — гвардии полковники Я. И. Троценко, Н. А. Никитин и гвардии полковник М. А. Андрианов), 36-я гвардейская танковая бригада (командир гвардии полковник П. С. Жуков), 352-й гвардейский тяжелый самоходно-артиллерийский полк (командир гвардии полковник И. М. Тиберков), 292-й гвардейский средний самоходно-артиллерийский полк (командир гвардии полков- С. К. Шахметов), 527-й минометный полк (командир подполковник А. И. Григорьев), 1512-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк (командир подполковник М. И. Шишов), 129-й отдельный гвардейский минометный дивизион (командир гвардии майор Я. М. Большаков), 138-й отдельный саперный батальон (командир майор И. И. Андрюхин), 62-й отдельный мотоциклетный батальон (командир майор К. А. Вдовенко), 46-й отдельный гвардейский батальон связи (командир гвардии майор А. Ф. Ермаков), 181-й отдельный ремонтно-восстановительный батальон (командир старший лейтенант И. П. Прокопченко), 555-й отдельный медико-санитарный батальон (командир майор медицинской службы Н. Г. Титов), 549-я полевая танко-ремонтная база (командир капитан И. М. Киселев), 163-й полевой хлебзавод (командир капитан И. М. Башков), отдельное звено самолетов По-2 (командир гвардии капитан И. С. Кожевников)*.

Вместе с приданными частями и соединениями механизированный корпус в своем составе насчитывал 237 танков и самоходно-артиллерийских установок, 531 орудие и миномет, 26 725 человек личного состава**.

Это была довольно мощная подвижная группа, включавшая в себя пять бригад и отдельный мотоциклетный полк, пять танковых и самоходно-артиллерийских полков, пять минометных и артиллерийских полков, четыре истребительно-противотанковых артиллерийских полка, полк ракетной артиллерии М-13, шесть полков штурмовой и истребительной авиации, а всего 27 полков и 4 отдельных батальона различных родов войск. На усиление каждой бригады в среднем приходилось по 5,4 полка.

Боевую задачу командир корпуса получил 9 августа, за 11 дней до начала операции. Времени на подготовку

---

* Архив МО СССР, ф. 4-го гв. мк, оп. 382836, д. 4, л. 15.
** Там же, л. 11, 51, 52.

для ее выполнения было достаточно. Это позволило детально изучить противостоящего противника и местность в полосе наступления, а штаб имел необходимое время для разработки обоснованных предложений, обработки планирующих документов и своевременного доведения их до исполнителей.

Ввод подвижной группы в прорыв с рубежа Фештелица — Слободзея и развитие оперативного успеха на первом этапе операции в направлении Тарутино генерал В. И. Жданов решил осуществить по трем маршрутам, имея боевое построение корпуса в два эшелона с наличием мощного артиллерийского резерва. В первом эшелоне наступали три механизированные бригады.

13-я гвардейская механизированная бригада с 1961-м истребительно-противотанковым артиллерийским и 1341-м зенитным артиллерийским полками, 2-м дивизионом 58-го гвардейского минометного полка и 1-й ротой 138-го отдельного саперного батальона выполняла поставленную боевую задачу на правом фланге и наносила удар в направлении Фештелица — Березино.

14-я гвардейская механизированная бригада с 1512-м истребительно-противотанковым артиллерийским и 1341-м зенитным артиллерийским полками, 2-м дивизионом 525-го легкого артиллерийского полка и 3-й ротой 138-го отдельного саперного батальона развивала успех в центре боевого построения корпуса непосредственно на Тарутино.

15-я гвардейская механизированная бригада с 1962-м истребительно-противотанковым артиллерийским, 1335-м зенитным и 870-м легким артиллерийскими полками, 129-м отдельным гвардейским минометным дивизионом (М-13) и 1-й ротой 218-го отдельного инженерно-саперного батальона наносила удар на левом фланге в направлении Слободзея—Красное.

Во втором эшелоне до рубежа Березино — Тарутино следовали 36-я гвардейская танковая и 5-я отдельная мотострелковая бригады с 53-м отдельным мотоциклетным полком.

36-я гвардейская танковая бригада с 352-м гвардейским тяжелым самоходно-артиллерийским полком и 2-й ротой 218-го отдельного инженерно-саперного батальона продвигалась за 13-й гвардейской механизированной бригадой в готовности в любой момент к отражению контратак на правом фланге 13-й танковой дивизии про-

тивника и развитию успеха механизированных бригад первого эшелона.

5-я отдельная мотострелковая бригада под командованием полковника М. И. Завьялова со 101-м минометным и 1358-м зенитным артиллерийским полками продвигалась за артиллерийским резервом по среднему маршруту. С выходом первого эшелона в район Тарутино бригада оставалась на достигнутом рубеже до подхода общевойсковых соединений 46-й армии, занимала населенные пункты Березино, Тарутино, Красное и не допускала прорыва отходящего противника в западном направлении на тылы подвижной группы.

53-й отдельный мотоциклетный полк под командованием подполковника А. Ф. Шевкина с 1-м дивизионом 525-го легкого артиллерийского полка и 3-й ротой 218-го инженерно-саперного батальона продвигался за 15-й гвардейской механизированной бригадой и прикрывал сосредоточение главных сил подвижной группы в районе Тарутино с юга.

В состав артиллерийского резерва входили: 292-й артиллерийский средний самоходно-артиллерийский полк, 124-й гаубичный, 527-й минометный и 740-й зенитный артиллерийские полки, 1-й дивизион 58-го гвардейского минометного полка (М-13), 3-я и 4-я роты 138-го отдельного саперного батальона. Артиллерийский резерв продвигался непосредственно за 14-й гвардейской механизированной бригадой.

Выход подвижной группы на рубеж ввода в прорыв планировалось осуществить в два этапа. Первоначально соединения и части выходили в исходный район. Затем они переправлялись на правый берег Днестра и продвигались за общевойсковыми соединениями в бригадных колоннах до рубежа Фештелица—Слободзея.

Исходный район находился в 50 км от района сосредоточения корпуса (Карманово) в крупном населенном пункте Русская Слободзея и прилегающих к ней фруктовых садах, на левом берегу Днестра против Кицканского плацдарма.

Марш в исходный район командир корпуса решил осуществить по трем отдельным маршрутам в течение двух ночей. В ночь на 19 августа марш совершали: 1512-й истребительно-противотанковый, 740-й зенитный артиллерийский и 527-й минометный полки, 129-й отдельный гвардейский минометный дивизион, 53-й отдель-

ный мотоциклетный полк и части боевого и материально-технического обеспечения. В ночь на 20 августа переходили в исходный район механизированные мотострелковая и танковая бригады с самоходно-артиллерийскими полками*.

В исходном районе подвижная группа должна была находиться до наступления темноты. После этого соединения и части должны были переправиться по трем наведенным мостам через Днестр на плацдарм, принять в свой состав приданные на усиление артиллерийские, минометные и зенитные полки и вместе с ними к утру 21 августа выйти за боевыми порядками 31-го гвардейского (командир гвардии генерал-майор С. А. Бобрук) и 37-го стрелковых корпусов (командир генерал-майор Ф. С. Колчук) на рубеж ввода в прорыв Фештелица—Слободзея.

Управление штатными приданными на усиление частями и соединениями планировалось осуществить с подвижного наблюдательного, подвижного командного и тылового пунктов управления.

Подвижной наблюдательный пункт возглавлял командир корпуса. В его состав вошли: командующий артиллерией гвардии подполковник С. Ю. Махлин с двумя помощниками начальника штаба артиллерии гвардии майорами А. У. Недоступом и С. А. Кобызеевым, начальник политического отдела корпуса гвардии полковник А. М. Костылев, корпусной инженер гвардии полковник Г. Б. Куров, начальник разведки гвардии подполковник В. Н. Ефремов с переводчиком, начальник оперативного отдела штаба корпуса гвардии подполковник В. Ф. Толубко со своим заместителем гвардии майором Н. И. Барышевым, офицеры связи гвардии капитаны Г. П. Митичан и В. И. Лобанов, помощник начальника связи гвардии майор Т. Д. Полуляк, представитель 17-й воздушной армии полковник П. Г. Попов с радиостанцией для вызова и наведения поддерживающей авиацией.

Подвижной наблюдательный пункт был очень маневренным, имел в своем составе два танка командования, строго ограниченное число транспортных и специальных машин и следовал в колонне 14-й гвардейской механизированной бригады.

---

* Архив МО СССР, ф. 4-го гв. мк, оп. 382836, д. 4, л. 10—12.

Подвижной командный пункт возглавлял начальник штаба корпуса гвардии полковник В. Ф. Чиж. В его состав входили: заместитель командира корпуса по технической части инженер гвардии подполковник Г. Р. Прагин со своим отделом, начальник химической службы корпуса гвардии подполковник М. И. Ковернего, начальник связи гвардии подполковник М. В. Кобасо со своим отделом, помощники начальника оперативного отдела гвардии майоры Д. Н. Усик и Е. Г. Кугатов, офицеры связи гвардии старшие лейтенанты В. М. Козловский, В. Д. Васильев и В. М. Савельев, начальник топографической службы гвардии майор В. Я. Федюкин, офицеры политического отдела во главе с заместителем начальника отдела гвардии полковником Е. И. Смолевым, начальник штаба артиллерии гвардии подполковник А. И. Прокуда с офицерами штаба, начальник строевого отделения гвардии майор И. Г. Ткачук с подчиненными, офицеры шифровального отделения и ряд других офицеров.

Подвижной командный пункт, как и подвижной наблюдательный пункт, включавший в свой состав также строго ограниченное число машин и три танка, следовал в голове колонны 5-й отдельной мотострелковой бригады по среднему маршруту. Связь с подвижным наблюдательным и тыловым командным пунктами поддерживалась с помощью специально выделенной для этой цели маломощной радиостанции. Тыловой пункт управления возглавлял заместитель командира корпуса по тылу гвардии полковник М. И. Торопко. В его составе были представлены все службы материально-технического обеспечения корпуса, а также личный состав других средств и служб, не вошедших в состав подвижных пунктов управления. До выхода подвижной группы в район Тарутино тыловой пункт управления оставался в Русской Слободзее, а в дальнейшем перемещался из одного района в другой за общевойсковыми соединениями 46-й армии.

Все пункты управления имели в своем распоряжении достаточное количество средств связи. Среди них были радио и проводные средства, самолеты По-2 и офицеры связи на бронеавтомобилях. Однако основным средством связи была радиосвязь. Только она могла обеспечить в подвижных формах боя непрерывное и устойчивое управление подчиненными войсками. Все осталь-

ные средства были менее эффективны и выполняли второстепенную, дублирующую роль.

Командир 46-го отдельного гвардейского батальона связи гвардии майор А. Ф. Ермаков имел в подразделениях самые различные типы радиостанций. Недостатка в радиосредствах не было. В частях и соединениях корпуса насчитывалось более 300 радиостанций самых различных классов и назначения. С их помощью была организована непрерывная и устойчивая радиосвязь со штабом фронта, командующим 46-й армией генерал-лейтенантом И. Т. Шлеминым и командиром 7-го механизированного корпуса генерал-майором танковых войск Ф. Г. Катковым.

С механизированными, мотострелковой и танковой бригадами создавались две независимые друг от друга радиосети. Радиосеть командования предназначалась для связи командира подвижной группы с командирами бригад и отдельных частей с подвижного наблюдательного пункта, штабная радиосеть — для связи начальника штаба механизированного корпуса с начальниками штабов частей и подвижного командного пункта. Кроме того, создавались радиосети командующего и начальника штаба артиллерии, радиосеть тыла и радиосеть подразделений разведки. В бригадах, отдельных частях и батальонах соответственно создавались свои радиосети.

В качестве дублирующего канала и доставки командованию различных письменных боевых документов планировалось максимальное использование самолетов По-2 и других подвижных средств связи. С этой целью предусматривался широкий обмен офицерами связи.

В штаб фронта и штабы взаимодействующих объединений направлялись наши офицеры связи, а от них прибывали к нам. Всем командирам механизированных бригад первого эшелона было приказано иметь своих офицеров связи на подвижном наблюдательном пункте, а командирам мотострелковой и танковой бригад второго эшелона — на подвижном командном пункте корпуса.

Для скрытного обмена информацией между пунктами управления по техническим средствам связи офицеры оперативного отдела разрабатывали различные переговорные и радиосигнальные таблицы. Они были пре-

дельно короткими, включали только лишь самые необходимые боевые сигналы (приказы) и ответы на них. На каждый этап операции составлялась своя таблица. Отдельные таблицы были для обмена информацией с взаимодействующими соединениями, для управления подразделениями разведки и тыла.

Наряду с переговорными и радиосигнальными таблицами широко применялись кодированные карты. При этом кодировались не координатные сетки, а населенные пункты, отдельные квадраты, рощи, высоты и др. Это, по нашему мнению, намного повышало оперативность управления, избавляло офицеров от составления бесчисленного количества различного рода кодограмм и давало возможность лучше следить за обстановкой, больше уделять времени выработке обоснованных предложений командиру корпуса.

Поскольку на подготовку частей к предстоящим боевым действиям времени было достаточно, все планирующие документы во всех штабах обрабатывались с особой тщательностью. Хотелось спланировать боевые действия корпуса как можно подробнее и точнее.

В качестве приложения к боевому приказу разрабатывались специальные планы по различным службам, плановые таблицы взаимодействия, план марша из района сосредоточения в исходный, переправы через Днестр и выхода на рубеж ввода.

В плановой таблице взаимодействия особенно тщательно отражались вопросы прохода подвижной группы через боевые порядки 31-го гвардейского и 37-го стрелковых корпусов 46-й армии на рубеже ввода, порядок освобождения предоставленных ей маршрутов, современного ввода на них артиллерийских полков усиления, зенитного и авиационного прикрытия полосы ввода, подготовки ее в инженерном отношении и артиллерийского обеспечения вводимых в прорыв соединений.

Наряду с планированием предстоящего боя в частях и подразделениях продолжалась боевая подготовка на учебных полях в районе населенных пунктов Карманово и Новопетровка. Ни на минуту не стихала стрельба, всюду слышалось раскатистое громкое «ура» атакующих условного противника подразделений и лязг гусеничных цепей танков.

Учились бить врага все — и бывалые и вновь прибывшие в корпус воины. В основе обучения— накоплен-

ный частями боевой опыт, а он был большим. Корпус к этому времени прошел с боями по дорогам войны около 4500 км. Основная масса офицерского состава и большое число младших командиров шла с корпусом от стен Сталинграда. Это были исключительно опытные кадры, они вынесли на своих плечах все тяготы войны, подавляющее большинство из них были награждены боевыми орденами и медалями.

Командир корпуса гвардии генерал-майор танковых войск В. И. Жданов и начальник политического отдела гвардии полковник А. М. Костылев были очень чуткими и внимательными к этим кадрам. Они везде и всюду ставили их в пример и постоянно опирались на них. Это был испытанный боевой актив. На него была возложена почетная задача обучения и воспитания прибывающего пополнения.

Обучение проводилось целеустремленно. При составлении программ боевой подготовки и разработке тематических планов были тщательно учтены все специфические стороны района боевых действий. Впереди была Румыния — чужая, незнакомая страна с многочисленными реками, горами, со своим языком, национальными обычаями и бытом. Все это необходимо было учесть в учебном процессе и воспитании воинов. Мы сознавали, что боевые действия переносились на чужую территорию, и с нетерпением ожидали того радостного дня, когда и на нашем фронте останутся позади пограничные столбы Родины.

Румынская армия в течение трех лет воевала против нас на стороне гитлеровской Германии. От Сталинграда до Днестра наши воины своими глазами видели страшные злодеяния фашистских оккупантов, разрушенные города и села. Естественно, что это вызывало чувство гнева и ненависти к врагу. В ходе партийно-политической работы солдатам и служащим разъяснялось заявление Советского правительства от 2 апреля 1944 года о линии поведения советских войск в Румынии, в котором подчеркивалось, что вступление войск Красной Армии на территорию Румынии диктуется исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением немецко-фашистских армий и союзных с ними румынских войск. Советским наступающим частям был дан приказ преследовать врага вплоть до его разгрома и капитуляции.

В учебных планах отводилось также время на изучение противостоящего противника. В ходе долгих ожесточенных боев соединения и части корпуса сталкивались со многими соединениями 6-й немецкой и 3-й румынской армий. Например, с 4-й румынской горнострелковой дивизией пришлось вести боевые действия еще в период Сталинградской битвы при разгроме котельниковской группировки вражеских войск, а части и подразделения 13-й танковой, 15, 302-й и 306-й пехотных дивизий 6-й немецкой армии наши гвардейцы громили на Миусе и гнали их вплоть до Днестра.

Наши воины хорошо изучили тактику боевых действий этих соединений, знали их слабые и сильные стороны. Все это тщательно учитывалось при обучении. Мы искали новые, неизвестные противнику тактические приемы борьбы. При подготовке частей и подразделений особое внимание уделялось обучению их стремительным и дерзким лобовым атакам при прорыве поспешно организованной обороны, совершению глубоких обходных маневров укрепленных узлов обороны и ведению огня из танков на максимально дальних действиях. Экипажи танков, вооруженных 85-мм танковыми пушками, обучались ведению огня с коротких остановок по танкам противника на дальность 2500 м, а вооруженных 76-мм пушками — 1500 м. По тому времени это были очень большие дальности.

Командир 13-й немецкой танковой дивизии генерал-лейтенант Трегер, видимо, и не подозревал, что наши танкисты каждый день готовятся поражать его танки с таких больших расстояний.

Командование корпуса уделяло большое внимание вопросам соблюдения бдительности, организации и осуществления маскировки. Командующий фронтом генерал Толбухин требовал тщательно замаскировать корпус от вражеской разведки. И эта задача была решена с большим эффектом. Когда началась переброска ряда соединений в Белоруссию, вместе с ними сменил свое место дислокации и наш механизированный корпус. В одну из ночей он перешел из занимаемого района сосредоточения в новый, расположенный в 40—50 км от старого, и тщательно замаскировался. Танкисты сняли танковые шлемы, комбинезоны и куртки, спрятали свои пистолеты и вооружились автоматами и карабинами. На головах офицеров, сержантов и солдат появились пи-

лотки, а на погонах вместо танковых эмблем — общевойсковые. В результате солдаты механизированного корпуса стали похожи на стрелков и автоматчиков выведенной из состава фронта 8-й гвардейской армии.

Чтобы скрыть от противника принадлежность техники к механизированному корпусу, были сменены на ней все опознавательные знаки. На танках, автомашинах и орудиях вместо квадратов с цифровыми обозначениями появились силуэты различных зверей, домашних животных и птиц. Танковая бригада, например, имела силуэт идущего на задних лапах белого медведя, 14-я гвардейская механизированная бригада—лошади, 13-я—оленя и т. д. Всего было более 20 различных опознавательных знаков. Их силуэты наносились на башни танков, кабины машин, щиты орудий и т. п.

Была усилена и охрана расположения частей, установлен строгий контроль за телефонными разговорами. Начальник связи корпуса гвардии подполковник И. В. Коба и его ближайшие помощники майоры А. М. Гусельников и Т. Д. Полулях предприняли все зависящие от них меры. Была даже временно освобождена от работы на радиостанции, поддерживавшей связь со штабом фронта, радистка Нина Бугримова. Единственной причиной этого явился ее своеобразный голос, значительно отличавшийся от голосов остальных девушек-радисток. Немецкая разведка незамедлила этим воспользоваться. Как только Нина выходила в эфир, так немедленно засекалась радиостанция. Противник постоянно следил за ее работой и по голосу узнавал принадлежность работающей радиостанции.

Командованию корпуса стало известно об этом факте еще в марте от захваченных в плен в Новом Буге радистов штаба 6-й армии противника. Но командир корпуса решил не предпринимать временно никаких мер. Он знал, что это обстоятельство можно использовать в определенной обстановке для введения противника в заблуждение. И этот момент настал.

В один из июньских дней вдруг замолчал в эфире голос Нины Бугримовой. Это натолкнуло вражескую разведку на мысль, что корпус вместе с другими войсками убыл из пределов 3-го Украинского фронта на север. Так удалось целому корпусу «ускользнуть» из-под наблюдения вражеской разведки. Противник был убежден, что он ушел на белорусское направление. Но за-

А. С. Осипенко

В. Ф. Толубко

М. И. Белов

П. Ф. Чуйко

С. С. Сидоров

И. И. Щербина

Л. И. Дряпа

В. И. Зенов

А. А. Кошляк

И. С. Аношин

Е. И. Новиков

Н. П. Батурин

В. Д. Андреянов

Л. Н. Лозанович

С. П. Пилютин

К. И. Чебуняев

Х. М. Джелаухов

А. Я. Крузе

З. И. Насибулин

Ф. В. Гусев

Н. М. Курило

И. И. Алисимчик

В. Ф. Михайлик

В. С. Харламов

Б. Ш. Смагоринский

Б. Д. Челышев

И. Ф. Лоптев

В. А. Лесных

Н. П. Клесов

А. А. Панов

Н. С. Соловьев

И. З. Роговой

И. Ф. Пономаренко

В. Н. Орлов

М. Л. Буниц

Н. Н. Скребнев

И. Я. Ярушин, В. С. Пятков, В. И. Рудов

Слева направо: С. Березин, Потапов, М. Кононенко, Г. Бразда, Мацюта, И. Лобов, М. Поляков

Справа налево: П. В. Николаев, К. Ф. Загораева, Е. И. Новиков, во втором ряду — С. И. Фетисов, И. А. Барабашов, А. Н. Гордневский, С. М. Важдалов, В. Е. Жуков

После завершения разгрома окруженной во время Ясско-Кишиневской операции группировки противника. На переднем плане (слева направо): генерал В. И. Жданов, инженер-подполковник Г. Р. Прагин, полковник А. М. Костылев. 29 августа 1944 года (с. Томай)

В центре сидят командиры 68-го СК Н. Н. Шкодунович, Х. М. Джелаухов среди Героев Советского Союза трех дивизий: 93-й, 113-й и 223-й. Август 1944 г.

Гвардии полковники И. А. Подпоринов, В. Ф. Чиж, В. Ф. Толубко на рекогносцировке. Март 1944 г.

Группа офицеров 5-го механизированного корпуса, участвовавшего в боях за Молдавию.

На Кицканском плацдарме. Слева направо: первый ряд — П. Н. Крамчаников, Н. Н. Шкодунович, Д. С. Рыжиков, второй ряд — П. А. Медведков, К. И. Чебуняев, Н. Л. Раев, М. П. Шабалин, С. С. Епаничников, Ф. Ф. Лысенко, Ф. И. Кохов. Август 1944 г.

А. А. Морозов

А. Г. Карманов

К. Е. Селиверстов

В. И. Радионов

Н. Н. Третьяков

М. П. Галкин

Разминирование берега р. Днестр в районе Кицканского плацдарма. 1944 год

Командование корпуса после получения боевой задачи на ввод частей в прорыв

Ф. Ф. Зеря

И. Ф. Медведев

И. С. Неврев

Слева направо: С. В. Стальниченко, Я. П. Калиниченко, В. В. Линьков.

кончилась Белорусская операция, а 4-й гвардейский механизированный корпус так и не был обнаружен.

Вражеская разведка искала корпус на всех фронтах, но нигде не находила. Потерянный из виду корпус не был обнаружен даже перед вводом в прорыв, когда шла перегруппировка и выход войск фронта в исходные районы для наступления.

Все мероприятия по подготовке к боевым действиям проводились с величайшей осторожностью и осмотрительностью. Чтобы не привлекать внимания немецкой разведки, запрещалось до определенного времени движение машин днем. Боевая задача доводилась до офицерского состава в строго установленные сроки. К разработке тех или иных вопросов привлекалось только ограниченное число исполнителей. Были запрещены всякие телефонные разговоры. Рекогносцировка маршрутов вывода частей в исходный район, исходного района и переправ через Днестр велась в несколько этапов и небольшими группами. Соблюдались все меры маскировки при подготовке исходного района в инженерном отношении.

Соединения и части корпуса совершали марш в исходный район только с потушенными фарами машин и танков перед самым началом наступления общевойсковых соединений. Чтобы еще больше ввести противника в заблуждение, передвижение механизированных и танковой бригад осуществлялось одновременно с частями 7-го механизированного корпуса.

Благодаря четко организованной комендантской службе и высокой дисциплине личного состава на всем 50-километровом участке от района сосредоточения до исходного не произошло ни одной аварии и катастрофы, ни одного нарушения требований светомаскировки. Корпус опять остался незамеченным.

Вопросам маскировки войск и скрытности подготовки к операции уделялось большое внимание во всех частях, соединениях и объединениях 3-го Украинского фронта. В результате противник не мог обнаружить сосредоточение ударной группировки на Кицканском плацдарме до перехода ее в наступление. Как свидетельствуют записи в журнале боевых действий 6-й немецкой армии, их разведка 19 августа заметила лишь необычную загрузку самолетами аэродрома в районе Раздельной, оживленное движение железнодорожных эшелонов на

участке Одесса—Тирасполь и сосредоточение на плацдарме в районе Чобручи 3-й зенитной артиллерийской дивизии.

Таким образом, противнику не удалось обнаружить перегруппировку наших войск и сосредоточение 27 стрелковых дивизий, огромного количества артиллерии и двух механизированных корпусов на Кицканском плацдарме площадью 170 кв. км. Это случилось потому, что командующий группой армии «Южная Украина» генерал Фриснер, командующие 6-й немецкой и 3-й румынской армиями генералы Фреттер-Пико и Думитреску не ожидали нанесения советскими войсками главных ударов на этих направлениях. Они полагали, что войска 3-го Украинского фронта в ближайшее время переходить в наступление не могут, и считали это направление наиболее спокойным. Более того, генерал Фриснер день нашего наступления — прорыв обороны в районе Тирасполя отнес к боям местного значения, предпринятым якобы с целью отвлечения как можно больше сил с северного участка, где вели тяжелые бои войска 2-го Украинского фронта. Это, безусловно, было большой победой нашего советского оперативного искусства и показало высокое мастерство командования всех степеней.

Ввод в прорыв

Ровно в 8 часов утра 20 августа воздух над Днестром потряс могучий артиллерийский залп. Более 3,5 тыс. орудий и минометов по единому сигналу одновременно открыли по врагу уничтожающий огонь. На каждый километр фронта обороны обрушился огонь более 200 орудий и минометов. Вся первая полоса вражеской обороны заволоклась дымом, гарью и разрывами снарядов. Артиллерийская подготовка продолжалась 1 час 45 минут. Одновременно с артиллерийской подготовкой в воздух поднялась авиация 17-й воздушной армии. Штурмовики и бомбардировщики наносили бомбовые удары по опорным пунктам, узлам сопротивления и ближайшим резервам немецко-фашистских и румынских войск.

После артиллерийской подготовки началась артиллерийская поддержка атаки. Пехота дружно поднялась, вышла из окопов и с раскатистыми криками «ура» стремительно бросилась в атаку. Наступление развивалось успешно: 31-й гвардейский и 37-й стрелковый корпусы

46-й армии к исходу дня на направлении главного удара взломали вражескую оборону на всю глубину. Были захвачены ключевые позиции противника — Талмаз, Чобручи и Раскаецы, созданы благоприятные условия для развития успеха и выхода подвижной группы на рубеж ввода, которая в это время находилась в исходном районе — Русская Слободзея. После совершенного накануне марша личный состав частей приводил в порядок материальную часть, командиры частей и подразделений ставили подчиненным боевые задачи, политработники организовали и проводили короткие митинги и партийные собрания, вводили воинов в курс последних событий в Румынии, разъясняли поставленные боевые задачи.

Выдвижение частей началось с наступлением темноты. Под гул артиллерийских орудий и треск пулеметных очередей они переправились на западный берег Днестра и с потушенными фарами в темноте начали выходить на рубеж ввода. Движение проходило крайне медленно. Все дороги на плацдарме были забиты войсками. На пути находилось много заболоченных участков, а местность вне дорог для автомобильного транспорта оказалась непроходимой. В результате войска были полностью прикованы к двум проселочным дорогам с искусственно возведенными в некоторых местах насыпями и мостами низкой грузоподъемности.

Танки и машины, построившиеся в два ряда, впритык друг к другу, шли на самых низких передачах. Их средняя скорость не превышала 1,5—2 км в час. 18-километровый путь от Днестра до Фештелицы они преодолевали всю ночь, и только к 9 часам 21 августа вышли на рубеж ввода в прорыв. К этому времени он был уже освобожден, а противостоящая 4-я румынская горнострелковая дивизия полностью разгромлена. В обороне противника между населенными пунктами Фештелица и Слободзея шириной около 15 км образовалась брешь.

Условия для ввода в прорыв назрели. Медлить нельзя было ни одной минуты. Противник пришел в себя, понял, что нависла катастрофа, и к участку прорыва начал стягивать все, что было возможно снять с неатакованных направлений. На правом фланге на рубеже Кырнацены—Ермоклия, всего в 4—5 км от рубежа ввода, развернулась его 13-я танковая дивизия и с ходу

контратаковала соединения 31-го гвардейского стрелкового корпуса.

Одновременно на рубеж ввода в район Фештелицы выходили части 384-й пехотной немецкой дивизии, а в район Волонтировки — 153-й учебно-полевой дивизион. Необходимо было во что бы то ни стало упредить их выход.

Ровно в 9 часов с наблюдательного пункта командира корпуса в воздух взвилась ракета, а в наушниках радистов частей и подразделений корпуса несколько раз подряд четко и отрывисто прозвучал условный сигнал: «Ласточка». Его подавал лично командир корпуса. А находившийся рядом гвардии полковник А. М. Костылев в шутку произнес:

— А вы, Владимир Иванович, как я вижу, не только хороший боевой командир, но и превосходный радист, Думаю, что ваш голос узнали не только прильнувшие к наушникам командиры и начальники штабов подчиненных частей, но и подслушивающие радиостанции противника. Вы, наверное, как и Нина Бугримова, находитесь у немцев на особом учете.

— Что поделаешь! Пусть подслушивают, теперь неопасно. Что нужно было сделать — сделано. Наши части опередили врага и находятся в более выгодном положении, чем они. Сейчас они всей своей массой ринутся вперед... Смотрите, справа пошла 13-я, левее — 14-я, а еще левее — 15-я гвардейские механизированные бригады.

Вздымая клубы пыли, части и подразделения подвижной группы мощной лавиной двинулись в юго-западном направлении на выполнение поставленной боевой задачи.

Наши штурмовики и бомбардировщики непрерывно бомбили и штурмовали части 13-й танковой дивизии, а также колонны 384-й пехотной и 153-й учебно-полевой дивизий немецко-фашистских войск, которые выходили на направление ввода в прорыв подвижной группы. В воздухе было полное превосходство нашей авиации.

Вскоре механизированные бригады прошли боевые порядки стрелковых соединений и вошли в непосредственное соприкосновение с противником. Румынских частей на пути корпуса не было, появились только свежие немецкие подразделения. В районе населенных пунктов Ермоклия и Фештелица 13-я гвардейская механизиро-

ванная бригада завязала бой с правофланговыми подразделениями 13-й немецкой танковой дивизии. Командир бригады гвардии полковник Я. И. Проценко, выполняя требование командира корпуса не ввязываться в затяжные бои с противником, прикрыл свой правый фланг в районе Ермоклии 38-м гвардейским танковым полком подполковника П. Ф. Тулова, а главные силы направил на Александровку (Александрень), Бородино и Тарутино.

В районе Симонешты (в 4 км юго-западнее Фештелицы) бригада завязала встречный бой с полковой группой Драббе 384-й немецкой пехотной дивизии, выходившей в этот район по тревоге. Главные силы этой дивизии были задержаны и рассеяны нашей авиацией. Тем не менее отдельные ее части и подразделения пытались выйти на выгодные рубежи, закрепиться на них и остановить продвижение наших войск. Такую же задачу имела и полковая группа Драббе.

Командир бригады с ходу развернул два мотострелковых батальона. К этому времени занял огневые позиции минометный батальон бригады.

Командир батальона капитан В. И. Носков с группой управления огнем смело выдвинулся вперед для разведки огневых средств противника. Он обнаружил 10 самоходных установок врага и открыл по ним огонь. После первых выстрелов две самоходки загорелись, а остальные поспешили повернуть назад. Вслед за ними начала поспешно отходить и пехота. Враг не принял боя и отошел. На его плечах наша мотопехота ворвалась в Симонешты, а затем в Александровку.

Первым в Александровку ворвался капитан Н. К. Котов с ротой автоматчиков на бронетранспортерах. Сея панику среди ошеломленного врага, рота помогала главным силам бригады сравнительно легче овладеть этим крупным населенным пунктом и развить стремительное преследование противника в направлении Николаевки и Гофнунгстали. Наступление бригады было настолько стремительным, что ее передовые подразделения застигли противника в Гофнунгстали за ужином. Увидев русских, солдаты 384-й пехотной дивизии пришли в крайнее недоумение, повскакивали и как вкопанные смотрели на развертывавшиеся для атаки мотострелковые батальоны. А когда противник опомнился и пришел в себя, было уже поздно. Бригада с ходу атаковала врага и в скоротечном бою выбила его из населенного пункта. В

20 часов командир 13-й гвардейской механизированной бригады донес в штаб корпуса, что находится в Гофнунгстали.

Донесение об овладении Гофнунгсталью нас очень обрадовало. Этот населенный пункт находился от рубежа ввода в прорыв на расстоянии 40 км.

До Тарутина оставалось всего около 25 км. Бригада далеко оторвалась от 13-й танковой дивизии противника и имела перед собой незначительные силы 384-й пехотной дивизии.

Успешно действовала и 14-я гвардейская механизированная бригада, наступавшая левее 13-й гвардейской механизированной бригады. Она все время шла вровень со своим правым соседом, и в 20 часов 30 минут командир бригады гвардии полковник Н. А. Никитин донес, что форсировал р. Чагу и овладел крупным населенным пунктом Кластиц (Веселая Долина).

Несколько медленнее продвигалась 15-я гвардейская механизированная бригада, наступавшая на левом фланге корпуса. В этот день она далеко отстала от своих соседей. К исходу 21 августа главные силы подвижной группы достигли рубежа р. Чаги и находились на подступах к Бородино и Березино, вышли на тылы 13-й танковой дивизии и создали реальную угрозу выхода в глубокий тыл всей 3-й румынской армии. Фронт обороны противника был расколот. В стык 6-й немецкой и 3-й румынской армий был вбит мощный танковый клин, а командование 6-й немецкой армии не имело об этом никакого понятия. В журнале боевых действий армии так и записано: «...К вечеру 21 августа было еще совершенно неясно, какими силами располагают прорвавшиеся неприятельские соединения».

Противник продолжал оставаться в неведении относительно наших сил и возможностей даже во второй день грандиозного наступления.

Развитие оперативного успеха ни на одну минуту не прекращалось и ночью. 4-й гвардейский механизированный корпус продолжал преследовать отходящего противника. 13-я бригада с ходу овладела крупным населенным пунктом Бородино и важным узлом шоссейных и железной дорог на восточном берегу р. Когильник — Березино.

В эту же ночь соединения подвижной группы преодолели р. Когильник и утром стремительным ударом с

севера, востока и юга овладели еще одним узлом дорог— Тарутино.

Всего несколько часов назад в этом населенном пункте находился штаб 6-й немецкой армии. Опять он, как и в Новом Буге, попал под удар нашего механизированного корпуса.

К исходу 21 августа соединения и части механизированного корпуса продвинулись до 50 км. С выходом в район Тарутино боевая задача первого этапа подвижной группы была выполнена.

Враг в стальном кольце

В первые два дня наступления войска 2-го и 3-го Украинских фронтов прорвали систему организованной обороны противника. На обоих фронтах были введены в бой крупные подвижные соединения, которые стремительно развивали наступление. Резервы немецко-фашистского командования на этом направлении оказались почти исчерпанными. Обстановка для противника крайне осложнилась. В первом часу ночи следующего дня командующий группой армий «Южная Украина» генерал Фриснер получил разрешение Гитлера на отвод войск на р. Прут.

Отвод войск планировалось осуществить постепенно, начиная с вечера 22 августа. Как свидетельствуют записи в журнале боевых действий 6-й немецкой армии, решение на отвод вполне соответствовало сложившемуся тяжелому положению войск противника. Но оно было слишком запоздалым.

Предвидя такой ход событий, Ставка Верховного Главнокомандования еще вечером 21 августа поставила войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов задачу быстрее замкнуть кольцо окружения противника в районе Хуши, после чего, сужая это кольцо, уничтожить и пленить кишиневскую группировку противника.

«Успешное решение задачи разгрома кишиневской группировки противника,— отмечалось в директиве Ставки,— откроет нам дорогу к основным экономическим и политическим центрам Румынии»*.

В соответствии с директивой Ставки командующий

---

* Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история, с. 396—397.

2-м Украинским фронтом генерал армии Р. Я. Малиновский утром 22 августа ввел в сражение 18-й танковый корпус под командованием генерал-майора танковых войск В. И. Полозкова с задачей стремительного наступления в общем направлении на Хуши и соединения с войсками 3-го Украинского фронта. Командующий 3-м Украинским фронтом генерал армии Ф. И. Толбухин отдал приказ генералу В. И. Жданову повернуть подвижную группу в северо-западном направлении также на Хуши, где соединиться с 18-м танковым корпусом и замкнуть кольцо окружения вокруг 6-й немецкой армии. Кроме того, часть сил подвижной группы выделялась для нанесения удара на Измаил. Таким образом, из района Тарутина подвижная группа развивала дальнейшее наступление в северо-западном и южном направлениях.

Для выполнения поставленной задачи потребовалась немедленная перегруппировка всех ее сил и постановка частям новых боевых задач. С этой целью войскам был отдан по радио приказ закрепиться материальными средствами и ожидать получения новой боевой задачи. Офицеры оперативного отдела штаба корпуса приступили к выработке предложений, соответствовавших сложившейся обстановке и поставленной задаче. Необходимо было в самые короткие сроки развернувшегося сражения принять, по существу, новое решение, определить каждой части боевые задачи, нацелить их на северо-западное направление и обеспечить всем необходимым для успешного ведения боя.

Офицеры оперативного отдела под руководством начальника штаба гвардии полковника В. Ф. Чижа производили необходимые расчеты, намечали по оперативной карте наиболее короткие и удобные маршруты движения бригад, формулировали боевые задачи и разрабатывали боевые распоряжения.

В это же время один из помощников начальника оперативного отдела гвардии майор Е. Г. Кугатов находился на радиостанции и уточнял местонахождение бригад, гвардии майор Д. Н. Усик собирал офицеров связи и заботился о своевременной доставке в части боевых распоряжений.

Вносили соответствующие коррективы в свои планы и ранее отданные распоряжения командующий артиллерией корпуса гвардии полковник С. Ю. Махлин, за-

меститель командира корпуса по технической части инженер гвардии подполковник Г. Р. Прагин, заместитель комадира корпуса по тылу гвардии полковник М. И. Торопко, корпусный инженер гвардии полковник Г. Б. Куров и другие начальники служб. Начальник разведки гвардии подполковник В. Н. Ефремов подготавливал предложения по использованию разведывательных подразделений на новом направлении и уточнял последние данные о противнике.

На выработку нового решения и разработку самых необходимых боевых документов нам потребовалось около 2 часов. При докладе наших расчетов и предложений командир корпуса гвардии генерал-майор В. И. Жданов не внес ни одного существенного изменения.

В определении замысла, точности формулировок боевых задач частям и маршрутов их движения он не нашел ни одной ошибки. Предложенный проект решения командир корпуса утвердил полностью.

Было решено и дальше выполнять поставленную боевую задачу в двухэшелонном построении. По-прежнему в первом эшелоне продолжали наступать 13-я и 15-я гвардейские механизированные бригады, 14-я гвардейская механизированная бригада выводилась во второй эшелон, а 36-я гвардейская танковая бригада переходила из второго эшелона в первый и составляла передовой отряд корпуса. Для развития дальнейшего наступления в южном направлении в сторону Измаила и Галаца выделялись 5-я отдельная мотострелковая бригада и 53-й отдельный мотоциклетный полк.

Боевая задача войскам подразделялась на ближайшую и последующую. Ближайшей задачей корпуса являлся выход в район крупного населенного пункта и важного узла шоссейных дорог г. Комрат.

В последующем корпус выходил на восточный берег Прута, на участке Леушены—Фэлчиу, общей протяженностью около 60 км, захватывая переправы, устанавливал связь с действующим на западном берегу 18-м танковым корпусом 2-го Украинского фронта, замыкал кольцо окружения вокруг 6-й немецкой армии и переходил к обороне. Общая глубина задачи от Тарутина составляла 100—120 км. На ее выполнение отводились всего одни сутки.

Как только были отпечатаны боевые распоряжения, офицеры связи капитан В. И. Лобанов, старшие лейте-

нанты В. М. Козловский, В. М. Савельев, В. Д. Васильев и другие развезли их в войска и вручили командирам частей и соединений.

Для перенацеливания 13-й гвардейской механизированной бригады на новое направление в ее боевые порядки командир корпуса выслал своего заместителя генерал-майора танковых войск С. К. Потехина. Но не суждено было ему в нее прибыть. В районе населенного пункта Твардица машину генерала атаковали два немецких истребителя. Савва Константинович был тяжело ранен и через 30 минут скончался.

Не стало заслуженного боевого генерала, коммуниста, участника гражданской войны, отдавшего всю свою сознательную жизнь строительству Вооруженных Сил нашей страны. Весть о гибели Саввы Константиновича молнией облетела личный состав частей и соединений корпуса. Для всех нас смерть прославленного генерала была тяжелой потерей.

Бригаду пришлось догонять одному старшему офицеру связи капитану Г. П. Митичану.

К моменту его прибытия на командный пункт к начальнику штаба гвардии подполковнику Г. И. Обатурову ее подразделения громили противника уже на удалении более 40 км от главных сил корпуса. Приказ о прекращении дальнейшего наступления из-за плохой слышимости радистами бригады был передан неверно. Слово «прекратить» они приняли как «продолжать». Получилось, что бригаде и дальше ставилась задача продолжать наступление в юго-западном направлении.

Читая полученную радиограмму, командир бригады гвардии подполковник Я. И. Троценко, начальник штаба гвардии подполковник Г. И. Обатуров не имели оснований сомневаться в ней. Ее содержание соответствовало ранее поставленной задаче, все было логично.

Бригаде противостояли мелкие подразделения 153-й учебно-полевой немецкой дивизии, и она на максимальных скоростях продолжала преследовать отходящего противника в юго-западном направлении — на Кагул. Командованию бригады и в голову не приходило, что надо остановиться. Пришлось срочно поворачивать части бригады строго на север и выводить их на новое направление.

Несколько раньше других на выполнение поставленной задачи выступила 36-я гвардейская танковая бри-

гада. Командир бригады гвардии полковник П. С. Жуков спешил. Танкистам его бригады была поставлена ответственная задача — до наступления сумерек с ходу захватить г. Комрат и удержать его до подхода главных сил корпуса. Расстояние в 50 км предстояло пройти с боями за считанные часы.

В этой обстановке полковник Жуков принял решение поставить в голове колонны лучший свой танковый батальон во главе с храбрым командиром, коммунистом гвардии капитаном К. З. Махмутовым. Десантом на танки была посажена рота автоматчиков капитана В. И. Палладина.

Выполняя приказ, танки повернули на северо-запад и на максимальных скоростях ринулись на Комрат. Удар был исключительно стремительным и дерзким. Попадавшийся на пути противник не мог выдержать напора сталинградской гвардии и разбегался по полям и кустарникам. На полном ходу танкисты вели ураганный огонь и захватывали один населенный пункт за другим.

К исходу дня перед глазами предстал небольшой провинциальный молдавский городок, который имел для обеих сторон важное значение. Из него во все стороны тянулись шоссейные дороги, и несколько севернее проходила единственная железная дорога. Через этот город командир 30-го армейского немецкого корпуса генерал-лейтенант Постель планировал отвод своих дивизий за р. Прут.

При подходе к городу танкисты не знали, что в нем находились части 1-й кавалерийской дивизии румын и бежавший из Тарутина штаб 6-й немецкой армии с дивизионом самоходных орудий. Второй раз этот штаб в течение дня попадал под удар наших танкистов.

Для командующего армией генерала артиллерии Фреттера-Пико этот день, видимо, был самым черным в его жизни и разбойничьих походах по странам Европы. Он и подчиненные ему генералы, наверное, подумали, что мы специально гоняемся за штабом, и с испугу бросили управление войсками, быстро сели в машины и поспешили убраться прямо за Прут, подальше от своих войск и поближе к непосредственному начальнику Гансу Фриснеру.

6-я немецкая армия осталась без управления. Ее руководство, спасая свою собственную шкуру, кинуло на произвол судьбы подчиненные корпуса и дивизии.

Первыми в Комрат ворвались танки отдельного разведывательного дозора во главе с лейтенантом К. Д. Свенским, а вслед за ними вступили и все остальные подразделения бригады.

Ураганная артиллерийская и пулеметная стрельба, рев танковых моторов и грохот гусениц посеяли в стане врага панику. Кавалерийская дивизия совсем не могла сопротивляться, ее солдаты в беспорядке метались по улицам. Стреляли лишь «фердинанды», прикрывавшие очередной побег штаба 6-й немецкой армии.

Танки бригады рвались на западную окраину Комрата, чтобы перекрыть пути отхода противнику на запад, к переправам через Прут. Несколько вперед вырвался танк младшего лейтенанта Н. Н. Третьякова. Экипаж раньше других выскочил по узким улицам и переулкам на западную окраину, отрезал пути отхода противнику к переправам и начал расстреливать бегущего из города врага.

Метким огнем экипаж танка поджег два вражеских самоходных орудия и до трех десятков автомашин, была подавлена батарея тяжелых полевых орудий и уничтожено большое число мечущихся в панике вражеских солдат.

На пути отступления врага образовалась огромная «пробка», и движение застопорилось. Но немецкие самоходки, определив, откуда ведет огонь танк Третьякова, открыли по нему ответный огонь. Завязалась огневая дуэль. Вскоре танк был подбит и загорелся, а все члены его экипажа тяжело ранены. Но к месту боя подоспели другие экипажи, которые обратили в бегство врага и спасли боевых товарищей от неминуемой смерти. Н. Н. Третьякова вытащили из горящего танка в бессознательном состоянии.

За этот подвиг, сыгравший важную роль в разгроме превосходящих сил врага, Н. Н. Третьякову было присвоено звание Героя Советского Союза, а все остальные члены мужественного экипажа награждены орденами.

В 22 часа командир бригады полковник П. С. Жуков донес в штаб корпуса, что Комрат взят. Эту радостную весть мы без промедления донесли в штаб фронта, проинформировали по радио командиров механизированных бригад и потребовали ускорить вывод подчиненных частей и подразделений в этот район. К утру 23 августа весь корпус находился в Комрате. Здесь он задер-

жался ненадолго. Уже в середине дня его бригады приступили к выполнению последующей задачи и устремились к переправам через Прут.

Туда же спешили и части 7-го механизированного корпуса, а с севера выходили танкисты 18-го танкового корпуса 2-го Украинского фронта. Центр тяжести боевых действий перемещался на р. Прут, в район сжимаемого вокруг вражеских войск кольца окружения.

15-я и 13-я гвардейские механизированные бригады наступали в северном направлении и к исходу дня вышли на рубеж Минжир—Сарата—Резешь, прикрыв с востока все переправы через Прут.

36-я гвардейская танковая и 14-я гвардейская механизированная бригады продвигались в северо-западном направлении и к исходу дня вышли на рубеж Сарата — Резешь—Леово, 62-й отдельный мотоциклетный батальон, продвигаясь в западном направлении, вышел к переправе в районе Фэлчиу.

К этому же времени вышли к реке несколько севернее нашего механизированного корпуса главные силы 7-го механизированного корпуса и захватили в районе Леушен очень важную переправу.

С противоположного берега к переправам вышли части 18-го танкового корпуса 2-го Украинского фронта. Вечером 24 августа на переправе в районе Леово произошла встреча танкистов 110-й танковой бригады под командованием полковника И. Ф. Решетникова с мотострелками 14-й гвардейской механизированной бригады.

Кольцо окружения вокруг 18 вражеских дивизий было замкнуто. На пути их отступления по обе стороны Прута стеной встали два механизированных и один танковый корпус. 6-я немецкая армия была захвачена в стальные клещи двух советских фронтов. И ей пришлось разделить судьбу своей предшественницы.

Шестым фашистским армиям не повезло. Их постигла одна и та же участь окружения и уничтожения: одной — на Волге, другой — на полях Молдавии, между Днестром и Прутом.

З. И. НАСИБУЛИН,
подполковник в отставке,
бывший командир роты
129-го стрелкового полка,
почетный гражданин села Хаджимус

НА КУРГАНЕ СУВОРОВА

Незадолго до начала Ясско-Кишиневской операции я был назначен командиром взвода. В его составе были воины разных национальностей, в том числе молдаване М. Трещенко, А. Каралаш, И. Дикусар.

Подобрался хороший сержантский состав. Командиром первого отделения был сержант Василий Яковлев, участник обороны Москвы, вторым командовал сержант Жосан Кулахметов — казах по национальности, награжденный орденом Красной Звезды, командиром третьего отделения был младший сержант Иван Ищенко, украинец. Благодаря веселому общительному характеру он легко сходился с людьми. Моим помощником стал старший сержант Федор Гусев, участвовавший в обороне Одессы, Севастополя, Керчи. Он обладал большим военным опытом, в совершенстве владел всеми видами стрелкового оружия.

Весь июнь и первая половина июля прошли в боевой учебе. По 14—15 часов в сутки на тактических занятиях обучали солдат рыть окопы и траншеи, отрабатывали действия одиночного бойца в составе отделения и взвода. Большое внимание уделялось огневой подготовке, изучению материальной части стрелкового оружия, выполнению стрелковых упражнений. Редко проходили ночи без боевых тревог и марш-бросков. Вся учеба проводилась под лозунгами: «Тяжело в учении, легко в бою», «Добьем фашистского зверя в собственной его берлоге».

Целенаправленно велась и партийно-политическая работа. Проходили партийные и комсомольские собрания. В ротах регулярно проводились политзанятия. С большим интересом слушали бойцы известия об открытии второго фронта, о боевых действиях союзников.

Упорная, почти двухмесячная учеба дала свои положительные результаты. На инспекторской проверке 129-й стрелковый полк получил хорошую оценку. Нам даже выпала честь провести учение по плану штаба 3-го Украинского фронта на тему: «Многоэшелонированное наступление по прорыву сильно укрепленного рубежа противника».

После окончания учений и проведения строевых смотров полк сменил 223-ю стрелковую дивизию, занимавшую оборону по левому берегу реки Днестр у села Спея-южная, Токмазея и Красная Горка, а затем был переброшен во второй эшелон на опушку Меренештского леса, напротив села Хаджимус. Перед нашей позицией была ровная, заболоченная, заросшая камышом местность. Расстояние от нас до переднего края противника составляло около трех километров.

Последующие дни прошли в хлопотах, связанных с получением для личного состава боеприпаса, сухого пайка на два дня, проверкой состояния оружия, укладкой патронов и гранат.

19 августа 1944 года командиры батальона и рот получили боевую задачу на наступление. Во второй половине дня состоялось открытое партийное собрание, куда были приглашены все офицеры и комсомольцы батальона. Выступающие доложили о готовности идти в бой и заверили, что своим личным примером будут обеспечивать выполнение поставленной боевой задачи. Некоторые молодые офицеры и комсомольцы обратились с просьбой принять их в ряды партии. Написал заявление и я.

В полосе предстоящего наступления нашей дивизии противник создал четыре оборонительных рубежа до пяти километров глубиной. Первый тянулся по железнодорожной линии Киркаешты — Бендеры до северной окраины села Хаджимус, затем поворачивал на восток, проходил в двух-трех километрах от южной окраины города Бендеры и заканчивался у крутого берега Днестра. Здесь были оборудованы траншеи полного профиля, насыщенные пулеметными точками, снайперскими гнездами.

Вторая линия обороны противника проходила в 400—500 метрах от первой, по склону холма, а потом

непосредственно по южной окраине Бендер, до берега Днестра.

Сильным узлом сопротивления противника было село Хаджимус, расположенное на склонах холма. Дома там были приспособлены к круговой обороне.

Фашисты модернизировали и бендерскую крепость, проделали в стенах дополнительные амбразуры, установили крупнокалиберные орудия и пулеметы и тем самым держали под постоянным прицельным обстрелом русло Днестра.

Прочной была и третья линия обороны. Особенно важное значение имела высота 150,0 (курган Суворова). Она возвышалась у дороги Бендеры—Каушаны, на северо-восточной части Каушанской горы, которая между Гыска и Хаджимус делает дугообразный выступ в сторону Бендер.

Отсюда просматривалась вся местность до 15—20 километров в сторону Варницы, Паркан, Тирасполя, Кицканского плацдарма. Захват его позволял держать под обстрелом пути отхода противника и дороги, идущие из Бендер на Каушаны, Гыску и Кишинев, и одновременно обеспечивал выгодное положение для штурма города и крепости Бендеры с юго-западной стороны.

Ночь с 19 на 20 августа наш батальон провел на опушке Меренештского леса в ожидании сигнала выхода на исходный рубеж для атаки. В пять часов утра позавтракали, наполнили водой свои фляги. Начало рассвета. По команде «общий сбор» все роты выстроились на лесной поляне возле КП батальона. Приняв доклады командиров рот, комбат Б. Н. Златогорский подал команду:

— Батальон, смирно!

Взволнованным голосом он прочитал приказ командующего Третьим Украинским фронтом Ф. И. Толбухина о переходе в наступление. Затем комбат объявил, что 129-й стрелковый полк будет находиться во втором эшелоне, вводится в бой после прорыва 51-м и 266-м стрелковыми полками первой линии обороны противника. После этого предоставил слово своему заместителю по политчасти капитану Н. В. Седловцу. Его выступление было ярким и вдохновляющим. Он говорил, что молдавский народ с нетерпением ждет прихода Красной Армии, призвал солдат, сержантов и офицеров с честью выполнить свой долг перед Родиной, не

жалеть силы, а если понадобится, и жизни ради достижения победы над врагом.

После него выступили комсомольцы, коммунисты. Каждое выступление было как клятва Родине. В конце митинга комбат встал на бугорок, подняв над головой развернутый красный флаг, объявил:

— Почетное право водрузить красный флаг на кургане Суворова предоставляется первой роте, парторгу роты мл. сержанту В. Киселеву. Слова комбата были встречены криком «ура!». Принимая красный флаг, мл. сержант В. Киселев от имени личного состава заверил, что наша рота с честью выполнит боевой приказ и оправдает доверие.

В восемь часов утра 20 августа 1944 года тишину в Меренештском лесу нарушили залпы «катюш». Тут же открыла огонь артиллерия. Со стороны Кицкан и из-за Днестра летели огненные кометы, ураганный смерч обрушился на позиции врага. Через несколько минут вся линия его обороны обволоклась черным густым дымом. Нанесла удар и наша авиация.

Затем все стихло. Сразу же взвились в небо десятки ракет: сигнал атаки. С тревогой и волнением смотрели мы в сторону переднего края. Все понимали: предстоит жестокая схватка с сильным и опытным врагом.

Стали поступать раненые. От них узнали: атака первого эшелона захлебнулась. Настал наш черед.

Мы начали марш к южной окраине села Хаджимус. Пот заливал глаза. Рукавами и пилотками солдаты вытирали лица. Тяжело дышать, расстегнуты воротники. В двух шагах левее меня бежит парторг роты Киселев. Время от времени он поднимает красный флажок над головой и охрипшим голосом кричит:

— Вперед, товарищи! Вперед!

— Товарищ младший лейтенант! Товарищ командир первого взвода!

Не сразу доходит до сознания, что меня зовут. Оборачиваюсь. Вижу связного командира роты. Заметив меня, он замахал рукой, делая знак, чтобы я остановился.

— Командир роты убит, тяжело ранены командир третьего взвода и несколько солдат, их одним снарядом накрыло, — выпаливает он.

Решаю принять командование на себя.

Впереди самый сложный участок пути — преодоле-

ние проволочного заграждения. На ходу отцепляю от ремня «лимонку», выдергиваю кольцо предохранителя.

— Рота, развернуться в цепь! Гранаты к бою!

Из домиков, находящихся по нашу сторону от железнодорожной насыпи, выскакивают, убегая, несколько зеленых фигур. По ним открывает огонь отделение, возглавляемое сержантом Кулахметовым. Лишь двое-трое успевают проскочить через насыпь, остальные падают, не добежав до железнодорожного полотна.

Уже хорошо видна линия траншей второго рубежа, проходящая по склону холма, на расстоянии пятисот-шестисот метров от железнодорожной линии. С вершины горы слышны орудийные выстрелы. (Как выяснилось впоследствии, это вели огонь замаскированные вражеские самоходки и «тигры».) К счастью, наша рота в «мертвой зоне», в недосягаемой ложбине. Еще несколько минут стремительного движения вперед — и воины с криком «ура» врываются в траншеи противника. В яростной рукопашной схватке было уничтожено более двух десятков гитлеровцев. У нас почти нет потерь.

Но после почти четырехкилометрового стремительного броска сил осталось мало. Конечно, людям надо было дать передышку хотя бы на 15—20 минут, но время не терпит.

— Приготовиться к отражению контратаки, оборудовать ячейки, огневые позиции.

Фашисты двинули на нас до двух рот пехоты. Идут уверенно, в полный рост.

Из своего НП неотрывно наблюдаю за приближающейся вражеской пехотой, всматриваюсь в вершину холма. Замечаю, что следом выползли шесть бронированных машин: самоходных орудий и «тигров». Они остановились на гребне холма и навели стволы орудий на нашу позицию.

Прошло еще несколько секунд. До цепей гитлеровцев осталось около ста пятидесяти метров. Видны лица фрицев. Все в касках. Размахивая руками, они что-то орут. Из наших траншей раздалось несколько одиночных выстрелов. Сердце колотится от напряжения, во рту становится сухо. Пора! Оглядываясь в сторону связных взводов и пулеметчика Я. Синько, во весь голос подаю команду:

— По фашистам, огонь!

Шедшие в первых рядах упали как подкошенные.

Другие, пробежав несколько метров, залегли, открыли огонь из автоматов и бросили несколько гранат, но они разорвались далеко от нас. Основная же масса гитлеровцев повернула назад.

С бровки рва спрыгнул к нам связной: «Комбата Златогорского контузило!» И передал указание от его заместителя лейтенанта Сухого: «Ни в коем случае не отходить».

Не прошло и 30 минут, как начался артналет на позиции нашего и второго батальона. Снаряды и мины взрывались во рву и траншеях, строчили пулеметы. Потом опять появились танки. На ходу ведя огонь, они выстроились веером. К окопам нашей роты двинулись «тигры» и два самоходных орудия, остальные пошли на левый фланг. За танками шла густая цепь пехоты.

Наши воины притаились, истребители танков с гранатами в руках приготовились к схватке.

И когда «тигр» приблизился, рядовой из второго взвода Константин Кондратенко выскочил из рва и пополз навстречу. Расстояние сократилось до пятнадцати метров. Тогда он приподнялся и бросил гранату прямо под гусеницу танка. И тут его сразила автоматная очередь. Смертью храбрых пал наш товарищ, 19-летний воин с кировоградщины, пролил кровь за освобождение молдавской земли.

Танк по инерции прошел несколько метров и закрутился на месте, сделав почти полный оборот, затем накренился на бок.

Члены экипажа пытались выскочить из машины, но наши стрелки были наготове. Парторг роты Киселев подобрал двух солдат, метко бросающих гранаты, и с ними вместе метнул в ту сторону несколько «лимонок». Так было покончено с гитлеровцами, притаившимися возле танка.

Жаркий бой развернулся на других участках. «Тигры» и самоходки вплотную подошли к траншеям и начали «утюжить» их гусеницами.

Взвод младшего лейтенанта Насырова из третьей роты нашего батальона оказался зажатым с двух сторон. Воины сражались стойко, до последнего. Когда фашисты приблизились к Насырову, он бросил под ноги последнюю противотанковую гранату. Были убиты сразу семь человек.

Запылала вражеская самоходка на участке второго

батальона. Оставив несколько десятков убитых и раненых, гитлеровцы отошли.

Всего враг потерял три бронеединицы, около сотни солдат, однако не отказался от своих намерений. Вражеские танки, отойдя в лес, пополнили свои боекомплекты, вышли к опушке и снова открыли огонь из своих орудий. До наступления ночи гитлеровцы еще два раза пытались сбить нас с вершины Каушанской горы, но, понеся потери в живой силе, откатывались назад.

Вечер 20 августа. От усталости люди еле держатся на ногах. Принесли ужин и обед вместе, но бойцы мало реагируют даже на запах пищи, уткнувшись в свои ячейки, засыпают.

Южнее полосы наступления нашего 68-го стрелкового корпуса всю ночь был слышен гул моторов. Оказалось, что на участке наступления 37-й армии в образовавшийся прорыв пошли части 7-го механизированного корпуса. Узнав об этом, воины обрадовались: все были уверены, что и мы начнем преследовать противника. Однако прогнозы не оправдались. На этом участке наша 93-я стрелковая дивизия вела ожесточенные бои еще двое суток. Только к утру 23 августа был разгромлен вражеский гарнизон, засевший в крепости и в Бендерах.

В одном из боев мой ординарец Григорий Шиндрик закрыл меня от вражеских пуль. На гранитной плите воинского мемориала в Бендерах теперь высечено его имя. Выполняя последнюю просьбу моего друга, я написал письмо его жене — Марии Трофимовне и рассказал о его последних днях.

Мы продолжали штурмовать курган Суворова, когда получили сообщение, что с фланга, из-за бугра, выходит на нас рота фашистов.

— Первому взводу вперед к балке!—скомандовал я.

Со старшим сержантом Ф. Гусевым выскочили из траншеи. Чем ближе приближались к балке, тем яснее становился звук выстрелов.

На вершине показалась вторая группа вражеской пехоты, спешившей на помощь своим. Но открыли огонь наши пулеметчики, заставив фрицев лечь. Преодолев бугорок, наша цепь вышла к балке, где уже завязалась рукопашная схватка.

Внезапный удар ошеломляюще подействовал на фашистов. Те, кто попытался убежать из балки, попа-

ли под огонь станкового пулемета младшего лейтенанта Осьмакова. Наступила тишина. Только наверху, на бугорке, частыми короткими очередями стреляли наши пулеметы, ведя огонь по отступающим фашистам.

Здесь сражались с врагом воины 5-го отдельного штурмового батальона. Ко мне подошел боец:

— Ну, младшой, спасибо, выручил.

— Не знаю, кто кого должен благодарить,—ответил я,— если бы не вы, нам тоже пришлось бы туго, ведь гитлеровцы намеревались по этой балке выйти к нам в тыл.

Остатки штурмовой группы (до взвода) объединились с нашей ротой.

Решили атаковать курган Суворова без подготовки. Метров за 150 до вражеских позиций залегли под огнем замаскированного дзота. Уничтожить его вызвался комсорг роты Николай Курило. Он пробрался к огневой точке и бросил гранату, которая разорвалась рядом с амбразурой. Николай был ранен. Собрав последние силы, пробежал несколько метров и швырнул вторую гранату. В тот же миг, сраженный, упал на амбразуру. Внутри дзота разорвалась граната. Рота поднялась и с криками «ура!» бросилась в рукопашную схватку. Курган Суворова был взят. После боя похоронили Николая на склоне Каушанской горы, возле дороги, идущей в Бендеры. В 1950 году его останки, вместе с прахом других воинов, перенесли в братскую могилу города Бендеры. В годовщину его гибели заступают здесь в почетный караул пионеры села Широкое. Они приезжают почтить память своего земляка. В этом селе есть улица Николая Курило. Его именем названа пионерская дружина средней школы, где он учился.

Курган взяли. Теперь нужно было его удержать. Стали окапываться.

Прошло немного времени, и появились вражеские танки и машины с пехотой. Они шли из Бендер в Хаджимус. Видимо, в подкрепление.

Наша позиция была выгодной. Я отдал команду приготовиться к круговой обороне. Вот из леса вышли три самоходных орудия и один танк «тигр». Стреляя на ходу, они двинулись на позицию нашей роты. За бронемашинами — пехота численностью до двух рот.

Недалеко от меня находился расчет пулемета «мак-

сим». За наводчика пулемета стал командир взвода младший лейтенант П. Потапов. Увидев меня, он сделал знак: «Все в порядке», затем крикнул:

— Подпустим фрицев поближе.

— Смотри, будь осторожен, чаще меняй позицию,— посоветовал я.

С тревогой смотрю на бронированные машины. Если истребители танков их не остановят, прорвутся к нашим окопам. Как жаль, что связи с батальоном нет и нельзя рассчитывать на помощь нашей артиллерии.

Гитлеровцы построились в боевой порядок: в центре «тигр», на флангах самоходки. Стреляют прямой наводкой по кургану и нашим траншеям. Некоторые снаряды, шипя, пролетают над головами, разрываясь где-то за курганом. Особенно интенсивно бьют пулеметы, установленные на самоходках и «тигре».

Наверное, пора!

«Огонь! По фашистской пехоте, огонь!»

Прижавшись к брустверу, смотрю на бегущую цепь гитлеровцев, ясно видны их лица. Заработал «максим», его дружно поддержали ручные пулеметы. Вовремя открыла огонь вся рота. С левого фланга застрочил станковый пулемет П. Осьмакова. Его расчет находился на возвышенности и чуть позади левого фланга второго взвода, что позволило посылать очереди через головы бойцов.

Прицельный массированный огонь наших стрелков оказался весьма результативным. Первые ряды гитлеровцев упали, прошитые пулями наших воинов, остальные вынуждены были залечь. Некоторые пытались спрятаться за броню машин, но попадали под меткий огонь наших снайперов.

Самоходки тоже усилили огонь, но они уменьшили скорость, не хотят оторваться от своей роты. А «тигр» вдруг пошел прямо на расчет ПТР И. Мухина. Солдаты-бронебойщики успели укрыться в траншеях. Танк с ходу проскочил через траншею, затем дал задний ход, чтобы «отутюжить» ее. В это время двое воинов поднялись и метнули противотанковые гранаты. Гусеница «тигра» была перебита. Пройдя несколько метров, танк на месте сделал полукруг, но ведущие и вспомогательные колеса провалились в траншею, и он застрял там. В наших окопах раздались радостные крики «ура!».

Самоходки не решились пойти на выручку, прибли-

зиться к нашим окопам. Они остановились на расстоянии, недосягаемом для гранат, и с места продолжали вести огонь прямой наводкой. Затих наш «максим». В чем дело? Оказывается, Потапов устанавливал пулемет на дне траншеи. Предусмотрительность оказалась не лишней. Метрах в двух от площадки разорвался вражеский снаряд, комья земли полетели на пулеметчиков. На левом фланге с перебоями стрелял станковый пулемет Осьмакова.

Самоходки усиливают огонь, маневрируют, потом отходят назад, к прижатым к земле цепям пехоты. Намерение противника ясно — хочет повторить контратаку.

— Выкатывай свой пулемет,— передаю по цепочке Потапову.

И на этот раз гитлеровцам не удалось прорваться к нашим траншеям. Понеся большие потери, они отошли назад. Снова самоходки остановились на таком расстоянии, что гранатами не достанешь, а из ПТР вести огонь по их лобовой части бесполезно. Так продолжаться долго не может. Надо уничтожить самоходки. Но как? Единственный выход — вступить в схватку своими силами.

В этот тяжелый для нашей роты момент отвагу и героизм проявили бойцы штурмового батальона. Один из них, быстро выскочив из траншеи, петляя, сделал стремительный бросок. Несмотря на то что свистели пули, приподнялся, бросил противотанковую гранату. Она не долетела до самоходки, та успела сделать задний ход. Второй истребитель сумел подобраться гораздо ближе, его бросок был удачным. Противник отошел. Стрельба прекратилась.

Надо обойти участок обороны, выяснить обстановку в каждом взводе. Иду по траншее к подбитому «тигру». Усталые, закопченные, все в пыли, сидят на дне траншеи солдаты второго взвода. Многие из них ранены, но бодрости не теряют, обмениваются впечатлениями. Недалеко от подбитого танка неподвижно лежит командир расчетов ПТР старший лейтенант Мухин. Горестно сжимается сердце: какого офицера потеряли! Чуть дальше — командир второго взвода В. Яковлев, у него раздроблена правая рука. Дышит он неровно, видимо, ранен и в грудь. Отнесли его к подножию кургана Суворова.

Обращаюсь к солдатам:

— Пройдите по траншеям, может, кто из бойцов нуждается в помощи.

Я отправил комбату донесение о тяжелом положении роты, нехватке боеприпасов и невозможности эвакуировать раненых.

Прошло два часа затишья. Люди немного отдохнули, привели в порядок оружие.

В эти дни полное господство в воздухе было на стороне наших летчиков. Поэтому не сразу обратили внимание на пятерку самолетов, которые, сделав круг, пошли в пике на Кицканский плацдарм и село Хаджимус. Только после того как посыпались бомбы, прозвучали команды:

— Воздух! Все в укрытия!

Зайдя по второму кругу, фашистские стервятники спикировали на нашу позицию, обстреляли из пулеметов и сбросили несколько бомб. Это был первый воздушный налет врага на участке наступления нашей дивизии.

Еще не скрылись фашистские самолеты, как начали рваться снаряды. Артогонь длился минут пятнадцать. И тут вновь показались вражеские бронемашины. Подошли почти на шестьдесят-семьдесят метров и одновременно остановились. Залп. Над нашей траншеей поднялись столбы дыма. Из-за танков и самоходных орудий выскочили фашистские солдаты, бросились к нашим окопам.

В моем диске кончились патроны, отбрасываю его ординарцу. Срываю из-за пояса и одну за другой кидаю в группу гитлеровцев две «лимонки». Все. Осталась только одна противотанковая граната. Критический момент.

В это время со стороны Каушанской горы длинными очередями застрочил пулемет. По звуку похож на немецкий. Неужели фашисты пробрались по балке со стороны Хаджимуса и ударили по левому флангу? Выходит, зажали нас с двух сторон...

Но в цепи гитлеровцев творилось что-то невероятное, они падали, срезаемые огнем этого пулемета. Позже выяснилось: командир первого взвода Гусев открыл огонь из трофейного пулемета. Гитлеровцы в беспорядке отошли назад.

Назначаю группу разведчиков, которая уходит осмо-

треть местность. Выставил боевое охранение. Когда же подойдут основные силы?

Не заметил как заснул. Проснулся от сильного толчка ординарца Терещенко. С трудом улавливаю: танки идут. Мометально вскакиваю, отряхиваюсь, разгоняю сон. Прислушиваюсь. Со стороны Бендер доносится гул моторов. Дали две ракеты. Длинная колонна автомашин и танков видна как на ладони. Сразу открывает огонь расчет ПТР, заработал и пулемет Гусева из бывшего вражеского дзота, находящегося чуть ниже от нас, раздались винтовочные выстрелы. Ракеты погасли, стало темно.

— Дай еще одну ракету!—кричу я.

Ее пустили по крутой траектории, и она светила более длительное время, давая возможность нашим воинам вести прицельный огонь.

В колонне вспыхнула ярким пламенем одна автомашина. Очевидно, зажигательная пуля попала в бензобак. В свете бушующего пламени ясно видна почти вся колонна. Загорелось еще несколько автомашин. Началась паника, но противник ведет огонь наугад. Возле головного танка разорвалась граната, брошенная солдатом из группы Гусева. Танк сразу развернулся и стал отходить.

— Ну еще раз посвети,—обратился я к Осьмакову.

Было видно, как колонна разворачивается в обратную сторону.

Посланные в разведку бойцы-штурмовики принесли трофеи: продукты, оружие. Автомашины в основном были нагружены различной техникой, а также военным снаряжением и имуществом, награбленным фашистами. Конечно, продукты были очень кстати.

Через некоторое время из темноты бесшумно вынырнул наш связной, посланный к комбату. Подойдя ко мне, отрапортовал:

— Ваше приказание выполнено!—и протянул лист бумаги.

Там было написано всего три слова: «Держись! Идем. Сухой».

Вернулись разведчики. Они провели к нам часть второй роты. Появился и старшина роты Н. Сазонов с термосом за спиной, увешанный флягами и вещмешками. Вскоре пришла и третья рота.

22 августа началось освобождение Бендер. Цепи наших воинов двигались под прикрытием дымовой завесы, что помогло 93-й и 223-й стрелковым дивизиям без промедления форсировать Днестр.

Через сутки город и крепость были окружены со всех сторон.

Наш первый батальон наступал по двум параллельным улицам, выходящим севернее железнодорожного переезда, которые простреливались противником. Штурмовые группы продвигались через дворы и проходы между домами.

Преследуя отходящего врага, наша рота вышла к перекрестку. Из чердака дома, находящегося на противоположной стороне улицы, застрочил вражеский пулемет. Продвижение вперед приостановилось.

— Разрешите подавить,— обратился ко мне рядовой Горешута.

— Только будь осторожен.

Полусогнувшись, он дошел до канавы, перескочил через дорогу и укрылся у забора. Оттуда метнул гранату в сторону огневой точки. Пулемет замолк.

— Вперед, за мной!—крикнул П. Горешута и побежал по тротуару. Но в следующую же секунду упал, скошенный автоматной очередью.

Родом из села Бутор Григориопольского района, он погиб в двух шагах от родного дома, до конца выполнив воинский долг.

...За проявленное мужество и героизм при прорыве обороны гитлеровцев и участие в освобождении Бендер 93-я Миргородская стрелковая дивизия была удостоена ордена Красного Знамени. Более трехсот воинов получили боевые награды, а я был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени.

...Быстро летит время. 1969 год. В Бендеры и село Хаджимус приехало 270 ветеранов нашей дивизии. Были теплые встречи с местными жителями. Бесконечно радовало то внимание, которым окружили нас. Бывшему начальнику штаба дивизии полковнику запаса Иосифу Ивановичу Алисимчуку было присвоено звание почетного гражданина Бендер, а меня назвали почетным гражданином села Хаджимус.

Е. И. НОВИКОВ,
капитан в отставке,
бывший заместитель редактора газеты
«На врага» 188-й стрелковой дивизии

ОТ КИЦКАН ДО ПРУТА

Более четырех месяцев продолжались бои на Кицканском плацдарме, то затихая, то разгораясь с новой силой. Вместе с другими частями и соединениями высокое мужество и героизм проявили воины нашей 188-й Краснознаменной Нижнеднепровской стрелковой дивизии.

Когда перелистываю сохранившиеся у меня номера дивизионной газеты «На врага», вспоминаю боевые эпизоды тех дней, своих однополчан. Запомнилась наша медсестра Вера Михайлова, стройная, красивая девушка. И отважная. При отражении очередной вражеской контратаки Вера выносила с поля боя раненых бойцов. Доставляла на медицинский пункт одного и сразу же отправлялась за другим. Одного из раненых она уже перевязала, когда заметила невдалеке более десятка гитлеровцев, двигавшихся прямо на нее. По всей видимости, фашисты намеревались прорваться в наш тыл.

«Полежи, миленький, я сейчас»,—сказала раненому. Взяла его винтовку и открыла огонь по врагу.

Несколько гитлеровцев остались лежать на земле, остальные продолжали ползти вперед. Тогда девушка метнула в них ручную гранату. Когда рассеялся дым, увидела спины убегавших.

Через несколько дней Вера вновь отличилась в схватке с фашистами. Вместе с Дусей Пятковой и командиром роты старшим лейтенантом П. Г. Жарковым она находилась в только что захваченной у врага траншее, куда был перенесен ротный командный пункт. Гитлеровцы, пытаясь вернуть утраченную позицию, предприняли контратаку. Когда был смертельно ранен пулеметчик, Жарков сам лег за ручной пулемет и начал

косить очередями вражеские цепи. До полусотни гитлеровских вояк ничего не смогли сделать против трех храбрецов. Вскоре отважной тройке подоспело подкрепление, и фашисты окончательно были отброшены.

Позже, в одном из боев, медсестра В. Михайлова погибла. Мы навсегда сохранили память о ней.

Можно привести немало других примеров отважных действий стрелков, пулеметчиков, снайперов, разведчиков, минометчиков и артиллеристов.

На плацдарме дивизия находилась вплоть до начала Ясско-Кишиневской операции. Выходила лишь на несколько дней в район Карагаша и Слободзеи для приема пополнения и его обучения.

И вот началась Ясско-Кишиневская операция. Основные силы дивизии, как и весь 82-й стрелковый корпус, в состав которого она входила, следовали во втором эшелоне 37-й армии с задачей развить успех наступления.

В августовскую жару мы совершили форсированный марш от Леонтины через Ермоклию, Токуз, Троицкое к Чимишлии. Двигались на помощь механизированным соединениям, которые сдерживали натиск гитлеровцев, пытавшихся прорваться к Пруту. Для этого нам был придан 1891-й легкий самоходный артполк.

Первая встреча с фашистами произошла 23 августа во второй половине дня. Передовой отряд под командованием начальника дивизионной разведки подполковника А. А. Нетунаева на автомашинах выдвинулся к Чимишлии. Здесь уже вели бой с противником, вырывавшимся из кольца окружения, тыловые подразделения 7-го мехкорпуса. Бойцы Нетунаева внезапно атаковали врага и сумели подбить его самоходную установку. Гитлеровцы продолжали упорно сопротивляться. Но тут подоспели основные силы дивизии.

В течение 24—26 августа шли ожесточенные бои на всей линии от Гура-Галбеней до Каракуя. Только в первый день войны дивизии отбили семь вражеских контратак. Я в то время находился в расположении первого батальона 523-го стрелкового полка. Подчиненные капитана А. Д. Джантемирова занимали позиции на гребне высоты восточнее Фетицы. Комбат распорядился было накормить бойцов завтраком, но тут наблюдатели доложили, что со стороны Котовска движется колонна гитлеровцев. Наши воины подпустили

их поближе и открыли огонь. Оказалось, это передовой отряд противника, пытавшегося вырваться из окружения. Бой продолжался около часа. Фашисты оставили на дороге десятки трупов.

Позднее стрелковые роты батальона спустились по обрывистому тогда скату высоты и вышли на окраину Гура-Галбеней. Вскоре там начался жаркий бой, но мне не пришлось участвовать в нем — я поспешил в редакцию нашей газеты, чтобы подготовить в номер оперативный материал.

Подробности того боя узнал позднее. Первый батальон нанес тогда врагу большой урон. Имелись и у нас потери. С тяжелой раной был отправлен в госпиталь капитан Абиль Джантемиров.

Нелегко приходилось и воинам третьего батальона этого полка, которым командовал капитан А. С. Фадеев. Фашисты бросали против них танки, артиллерию. Высота 222,2 несколько раз переходила из рук в руки. Во время боя на западной части Фетицы мужественно сражались воины 8-й стрелковой роты во главе со старшим лейтенантом А. С. Сухих. Когда фашисты ворвались на ее боевые позиции, офицер, заменив убитого пулеметчика, стал расстреливать их в упор. Потом завязалась рукопашная схватка. В решающий момент на помощь роте подоспел с подкреплением комбат Фадеев. Но старшего лейтенанта Сухих уже не оказалось в живых: его сразил осколок вражеской мины. Фадеев был ранен, но остался в строю и огнем из автомата уничтожил свыше десятка вражеских солдат. Личную отвагу проявил и его заместитель капитан А. А. Счастливый. В июне 1945 г. ему было предоставлено почетное право участвовать в Параде Победы на Красной площади в Москве.

Исключительную храбрость показал также командир 9-й роты старший лейтенант Н. Н. Лисиченков, павший смертью героя. Мужественно действовали бойцы пулеметной роты, которой командовал старший лейтенант А. И. Журба.

А в роте противотанковых ружей отличился рядовой И. Т. Богатый, подбивший две вражеские автомашины и бронетранспортер. Когда патроны кончились, воин вскочил с двумя противотанковыми гранатами на проходивший мимо фашистский танк и стал стучать по его башне. Люк открылся, и оттуда высунулась голова тан-

киста в шлеме. Богатый ударил фашиста гранатой, а потом бросил ее внутрь танка.

Очнулся уже в госпитале. Залечил раны и вскоре возвратился в родную роту.

Необычный случай произошел с помощником командира взвода первого батальона старшим сержантом Н. И. Леоновичем. Когда командир погиб, он принял командование на себя, поднял бойцов в атаку. Им удалось разгромить боевое охранение противника. Чуть позже Леонович был тяжело ранен: осколки гранаты впились ему в голову, грудь, руку и ногу. Товарищи посчитали его мертвым, родителям пришло извещение о гибели сына. На самом же деле Леонович потерял сознание. Когда бой утих, его подобрал мальчик из близлежащего молдавского села, отвез на телеге в госпиталь. В январе 1945 года Леонович возвратился на фронт. В составе противотанкового артиллерийского полка закончил войну в Австрии. В мирное время он жил и работал учителем в поселке Голышманово Тюменской области.

На участке 595-го стрелкового полка (селение Каракуй) в особо трудной обстановке сражался 2-й батальон капитана И. Ф. Медведева. Находясь, по существу, в окружении, наши войска отражали одну атаку за другой. Враг наседал при поддержке танков. Орудийный расчет сержанта Павловского сумел подбить головную машину, продвижения пехоты умело отсекал пулеметным огнем сержант Умаров. Ему помогли автоматчики сержанта Иловатского, истребившие 55 фашистов.

Против взвода младшего лейтенанта А. Г. Ханина двинулся батальон пехоты с орудиями. Подпустив гитлеровцев метров на 150, бойцы открыли огонь, потом пошли в рукопашную. Фашисты стали пятиться: около двух десятков вражеских солдат забрались в кузов автомашины, а водитель лихорадочно заводил мотор, но далеко не уехали. Сержант Пидбуртный метнул в машину гранату и дал следом длинную очередь из автомата...

Пять часов продолжалась ожесточенная схватка с превосходящими силами противника. Подчиненные младшего лейтенанта А. Г. Ханина сумели отстоять свои позиции.

Отважно сражались с врагом и снайпер В. И. Кун-

друков, пулеметчик А. С. Биктасов, автоматчики П. Ф. Федоренко и И. В. Лодиков, рядовой Н. Э. Гапонов. Умело руководил стрелковыми подразделениями капитан И. Ф. Медведев, который был трижды ранен, но не покинул поле боя.

Хочется сказать несколько слов и о воинах 234-го артполка, которые располагались вблизи Мерен. На одном участке противнику удалось вклиниться в линию нашей обороны. Вражеские цепи вышли к огневым позициям третьего дивизиона, которым командовал капитан Е. С. Шмеркин (сейчас живет в Кривом Роге). Вести огонь можно было уже только из автоматов и винтовок, а потом дело дошло и до рукопашной. Дрались все, кто мог и чем мог: штыками, прикладами, саперными лопатками. Подоспевшее подразделение из резерва командира дивизии помогло артиллеристам разделаться с врагом.

Около Гыртопа в трудную обстановку попал и медицинский пункт 523-го стрелкового полка. На него напал просочившийся в наши тылы крупный отряд гитлеровцев. Медсестры Л. Соломонова (Алипова), Л. Заручейникова, О. Сорокина (Мажуга), Н. Горяинова, военфельдшер Г. Петрова, возглавляемые врачами капитаном медслужбы И. Ф. Фащуком и старшим лейтенантом медслужбы Л. В. Попковичем, вместе с несколькими ранеными, способными стрелять, встретили врага плотным огнем и вынудили его отойти. Медработники спасли от гибели около 100 бойцов и командиров.

26 августа части и подразделения дивизии завершили разгром врага на своих участках. Было уничтожено несколько тысяч солдат и офицеров. Нашли свой бесславный конец командир 302-й немецкой пехотной дивизии генерал-майор фон Боген, командир артполка Блюмле, более двух с половиной тысяч гитлеровцев взято в плен. Также было захвачено множество трофеев, поле боя густо усеяла искореженная боевая техника врага.

За проявленные в те дни мужество, доблесть и отвагу свыше 1200 солдат, сержантов и офицеров дивизии были отмечены боевыми наградами. Среди них и командиры наиболее отличившихся батальонов: А. С. Фадеев, награжденный орденом Красного Знамени, И. Ф. Медведев, отмеченный орденом Суворова III сте-

пени. В 1970 году жители Фетицы избрали Фадеева почетным гражданином села. С обоими офицерами не раз доводилось видеться после войны. Иван Федорович жил в Одессе, был заместителем областного военкома, умер в 1981 году. А Александр Семенович Фадеев, подполковник в отставке, живет и работает в Целинограде.

Б. Ш. СМАГОРИНСКИЙ,
подполковник в отставке,
бывший редактор газеты «За Родину»
266-й стрелковой дивизии

ЗА ГАЗЕТНОЙ СТРОКОЙ

Вспоминаю небольшое село Незавертайловку. Сюда со штабом 266-й дивизии перебралась и наша редакция. После длительных боев на Украине, холодов, расквашенных талыми снегами дорог мы смогли наконец оглядеться. Аккуратные домишки, притаившиеся в садах, уже тронутых листвой. Звонкая песня скворца. Резвящаяся на улице детвора. Война только отступила от села, и оно спешило вернуть свой мирный облик.

Комендант штаба Владимир Ситник, с которым мы дружили, присмотрел для нас дом. Со своим взводом он помог разгрузить наше увесистое имущество. Лишившись специальной машины после одной бомбежки, редакция таким образом каждый раз «разворачивала и сворачивала свою матчасть», как говорил командир автороты Иван Сухомлин. Он и сейчас пришел узнать, каково нам было на его грузовике. Заявились на новоселье, а заодно и послушать последние известия и политотдельцы, наши постоянные авторы Павел Гриднев и Александр Никитин.

Саша Дидоренко, наш радист, настраивает приемник и начинает записывать передаваемую для газет сводку Совинформбюро. В последние дни на фронтах особых изменений не происходило, у нас тоже. Обойдя Кучарганский лиман, дивизия 17 апреля захватила плацдарм за Днестром и сейчас вела бои за его расширение.

Гитлеровцы на западном берегу Днестра имели хорошо подготовленные позиции. После панического бегства с Украины они рассчитывали здесь отсидеться. Появление наших войск, с ходу форсировавших реку, было для них полной неожиданностью. Растерявшись поначалу, они на другой день подтянули силы из глубины. По получаемым в штабе сведениям, контратаки сле-

довали одна за другой. Обстановка усложнялась еще и весенним паводком. Плацдарм от Незавертайловки, откуда снабжались полки, отделяла водная гладь в 8 километров.

Боям за днестровский плацдарм мы посвящали очередной номер своей газеты «За Родину». Переправлявшийся вместе с батальоном капитана Бабкина литсотрудник Василий Рудась уже успел вернуться и, сдав написанный материал, пошел «просушиваться», заодно и вздремнуть. Во время форсирования Днестра его обдало волной от разорвавшегося снаряда у самого плота, на котором он устроился. «Хорошо, успел лечь, а то бы осколков нахватался»,—сказал Василий. На плацдарме где ему было искать теплое местечко? Собрал материал — и в редакцию. Про то, что собирать этот материал приходилось под огнем, а то и самому отстреливаться, Рудась умолчал. Несколько военкоровских заметок обработал секретарь редакции Михаил Жуков.

После моей правки эти материалы вместе с принятой по радио сводкой Совинформбюро, макетом номера передаются нашему метранпажу и начальнику типографии Ивану Черкасову. На хозяйстве остается Михаил Жуков. Я отправляюсь к начальнику политотдела.

Подполковник Сорокин, выслушав, как устроилась редакция, посочувствовал нашей маяте. В накинутой на плечи шинели поежился, хотя в комнате жарко натоплено, прошелся по комнате, устало произнес:

— Совсем расхворался. А о редакции думали с комдивом. Есть одна зацепка поставить вас на колеса.

Умолчав, в чем эта «зацепка», расспросил, что даем в газету. Узнав, что собираюсь на плацдарм, Петр Иванович одобрил мое намерение:

— Туда и Макеев направился. Вместе и разберетесь, что и как там, на плацдарме,— закончил он, отпуская меня.

С помощником начальника политотдела по комсомолу Александром Макеевым у меня приятельские отношения. Установились после первой встречи за Днепром. С неисчезающей смешинкой в золотистых зрачках он, протянув руку, сказал:

— Если что надо для газеты, запросто обращайся к Макееву. Он, то бишь я, все знает.

Макеев действительно обладал исключительной памятью на фамилии и имена. Мы этим пользовались, уточняя торопливо написанные заметки наших военкоров.

На следующий день, сразу после завтрака, мы отправились. Хотя, по заверению Макеева, дорога проторена, я настоял на выезде с запасом времени. Путь предстоял неблизкий и колготной: через затопленные плавни, затем лесом по острову на КП дивизии, отсюда через Днестр. К тому же река простреливается противником.

Маршрут этот мы оба хорошо уяснили в оперативном отделе штаба, но когда сели в плоскодонку и углубились в камыши, поняли, что без нашего перевозчика вряд ли сумели бы здесь сориентироваться. Столь извилистый путь, как нам разъяснили, был определен в целях маскировки для светлого времени. Ночью переправа шла по открытой воде напрямую. В общем, пока петляли в плавнях, солнце перевалило за полдень. Выскочили на берег, от которого тропа вела на КП дивизии.

— Отдыхай, дядя Паша!—махнул рукой перевозчику Макеев.

Александр пришел в армию с началом войны. Службу усвоил, но «гражданская закваска» еще сидела в его «кровях», о чем при случае всегда упоминал. Комсомольцев называл «комсомолятами», солдат и сержантов постарше, с которыми был в приятельских отношениях, «дядями». Нашего перевозчика «дядю Пашу»— сапера Павла Ивановича Гришина — знал еще с дней формирования дивизии в Сызрани. Офицеров, которых Макеев выделял, величал «стариками». И никто за это на него не сетовал. К нему тоже обращались подчас запросто: «комсомол».

Пока шли по лесу, развлекал меня случаями из своей фронтовой жизни.

За «байками», которые Макеев умел преподнести, не заметили, как потеряли тропу, которая должна была нас вывести на КП дивизии.

— Что делать будем?— встревожился я.

— Айн момент,— нисколько не смутившись, отвечает Макеев. Достает трофейный компас и определяет:— Шагаем на зюйд-вест.

Проходит час-другой, в лесу стало темнеть, пошел дождь. Макеев спрятал компас и признал, что «малость

заблукали». На счастье, я споткнулся и, очутившись на четвереньках, обнаружил телефонный кабель, который и вывел нас к узлу связи, откуда перешли на КП.

Заходим в блиндаж командира дивизии. Представляюсь сидящему у стола, сколоченного из досок, полковнику Фомиченко. С ним я уже виделся, но на бегу. Разговориться не пришлось. Савва Максимович прошел чуть ли не все ступеньки — от взводного до комдива. Хорошо знал военное дело. Был смел в решениях. Если надо, дойдет до переднего края в обороне, сам возьмет лопатку, покажет, каким должен быть окоп, проверит систему заграждений и огня. В наступлении появится на направлении главного удара.

— Спросит по всей строгости, но справедливо, без придирок,—отозвался о нем Макеев.—Для комдива главное, чтобы ты службу знал и в бою не дрейфил. Комсомолят поддерживает во всем.

Мне тоже сразу понравился Савва Максимович. Простое, я бы сказал, крестьянское лицо, какие встречаются часто в Белоруссии, откуда он родом, вместе с тем запоминающееся. И сегодня, обращаясь к фронтовому блокноту, я словно снова вижу его внимательные изучающие глаза и поощряющую к разговору улыбку. Угадывая мои мысли, Савва Максимович сразу «взял быка за рога».

— Машину мы тебе, редактор, добыли. Крытую, с салоном. Фашисты в ней с комфортом раскатывали. И, видать, не малого ранга. Киреев хотел для штаба взять... Но ничего, перетерпит. Редакции нужнее и сподручнее будет за полками поспевать. Еще вопросы есть?

«Значит, вот на какую «зацепку» намекал начальник политотдела,—вспомнил я разговор с Сорокиным.

— Есть вопрос,—говорю.—Когда в наступление?

— Значит, и редактор, хотя и не меняет огневых позиций, а интересуется тем же, что и ты,— поворачивается Фомиченко к командующему артиллерией дивизии подполковнику Куницкому, с которым, судя по лежащей на столе карте, уточнял схему артогня. Несколько помолчав, добавил:—Хотя такими дотошными и должны быть газетчики. Секрета, впрочем, тут нет. Наступать будем.

— А срок?— вставляет Макеев.

— Вот этого и я не знаю,— развел руками Фомиченко.— Не посвящал меня Верховный.

Вместе с Саввой Максимовичем и мы улыбаемся.

— Придет время — команду получим,— добавляет Куницкий.— Вам-то что, взял ноги в руки — и шагай. А артиллеристам каково по такой воде таскаться?

— Не волнуйся, Константин Владимирович, денек-другой, еще недельку, а то и больше побудем на занятых позициях,— говорит Фомиченко не столько для Куницкого, сколько для нас.—Надо удержать и расширить поначалу плацдарм. Это—главное. А там нашим солдатам туго приходится, особенно батальонам Бабкина и Алексеева.

При этих словах я выкладываю на стол газету и разворачиваю ее перед комдивом.

— Материалы из этих батальонов,— говорю.

— Вижу знакомые фамилии,— пробежав взглядом страницу, произносит Фомиченко.— Парторг Усенбеков. Добрый вояка. На Дону и Днепре отличился. Два ордена сам ему вручал. Рядовой Лепехин. Видать, тот, который на инспекторской дальше всех метнул гранату. Я ему благодарность тогда объявил. Наука впрок пошла бойцу. Уничтожил пулемет противника, обеспечил успех атаки взвода. Вполне теперь награду заслужил. Запиши, комсомол,— предложил комдив Макееву.— Скажешь Бабкину. А вот заметка весьма поучительная: струсил солдат — и поплатился жизнью от вражеской пули, храбрецы же выстояли, отбили фашистов и целы остались. Молодец ваш военкор Терпилко. Сам четырех гитлеровцев сразил и других своим пером бить врага учит, дает понять: смелого пуля не берет. Побольше таких заметок с плацдарма!

— Затем и собрались,— говорю.

— Тогда спать вам не доведется,— замечает Куницкий.

Это мы поняли, знакомясь с обстановкой еще в штабе. Днем гитлеровцы держат переправу под артиллерийским и минометным огнем. Охотно принимаем предложение Куницкого присоединиться к офицеру связи, который отправляется в батальон капитана Алексеева.

На плацдарм добрались без особых забот. Лодка нас ждала, вел человек, знающий обстановку. Даже под вспыхивавшие над рекой немецкие ракеты не попали. Алексеева нашли в его блиндаже. Командир батальона

принял нас весьма радушно, раздобыл, чем накормить. Коротко познакомил с обстановкой. Предоставил нам свои «апартаменты».

— Отдохните здесь, завтра сами разберетесь. А я у себя дома, найду, где приложить голову,— успокоил он нас.

— С зорькой двинемся в роту,— укладываясь, пробормотал Макеев. И тут же заснул.

Мне же совсем не спалось, лежу с открытыми глазами, думаю об утренней атаке, которую, по предположению Алексеева, фашисты обязательно предпримут, чтобы отбить занятую первой ротой высоту, вклинивающую в их оборону. И еще о том, какие подготовить материалы в газету.

Задремал я лишь под утро. Но тут тишину раскололи артиллерийские взрывы. Сквозь их грохот слышу голос Алексеева, выкрикивающего в телефонную трубку:

— Говоришь, бьют из «ишаков»? Перейдут в атаку — прижми пулеметным огнем к лощине. Предупреди бронебойщиков, пусть держат ухо востро...

— Что вам говорил,— положив трубку, обращается к нам Алексеев.— Нож острый эта высотка для фрицев, даже свой распорядок нарушили. На час раньше обычного открыли пальбу. Ну, я на свой НП.

Мы тоже накинули шинели, подпоясались и вслед за Алексеевым побежали на наблюдательный пункт. Отсюда видны окопы первой роты на высотке, которую она отбила накануне у фашистов, рядом пролегающая лощина, ведущая в тыл батальона, в которую Алексеев намеревался завлечь противника и накрыть артиллерийским огнем. Гитлеровцы по-прежнему бьют из орудий и «ишаков», как солдаты называют шестиствольные немецкие минометы. Взрывы от первой роты начинают перемещаться к батальонному НП. Земля от взрывов оседает уже на наших шинелях. Комбат поворачивает к нам свое сухое, несколько скуластое лицо с заострившимся подбородком, произносит:

— Все идет по плану.

С Модестом Алексеевым я познакомился в резерве фронта. Вместе пришли в дивизию. Ему двадцать восемь лет, и за плечами семь лет армейской службы на Дальнем Востоке. Прошел действительную и сверхсрочную. Закончил офицерские курсы. Воевал с японцами

у озера Хасан. На фронт отпросился после пятого рапорта. В батальоне сразу почувствовали в нем кадрового офицера, знающего уставной порядок, на плацдарме увидели и расчетливого, смелого командира. Нового комбата Макеев сразу зачислил в «старики».

Вместе с Алексеевым наблюдаем, как к высоте из леска выползают два немецких танка, за ними в кустарнике перебегает пехота. Алексеев берет трубку телефона, приказывает командиру первой роты лейтенанту Процикову:

— Танки пропускай, отсеки пехоту!

Проходит минут десять-пятнадцать, и Алексеев, откладывая бинокль, произносит:

— Теперь порядок!—Мне и Макееву поясняет:—Втянутся фашисты в лощину — накроем артиллерией.

Беру у комбата бинокль, разглядываю подступы к позициям первой роты, прикидываю: наступает более двух рот немецкой пехоты.

Алексеев выжидает еще какое-то время. Когда вражеская пехота приближается вплотную к танкам, говорит находящемуся рядом с ним артиллеристу:

— Передай на огневую!

Вслед за короткой командой снаряды, посланные из-за Днестра, накрывают лощину. Подключаются батальонные минометы. Видно, как задымил один танк, второй вместе с пехотой поворачивает обратно. Пытаясь уйти от артиллерийского огня, он попадает под пулеметные очереди. Из окопов первой роты выскакивают наши бойцы. В помощь им Алексеев бросает в контратаку свой второй эшелон — третью роту, отсекая выдвинувшееся из-за леска фашистское подкрепление. Весь батальон уже в атаке.

— Нам тоже пора,— бросает Макеев.

Перебегаем в траншею первой роты и, выскочив из нее, догоняем ее бойцов, закрепляющихся на новом рубеже. Третья рота отрезает пути отхода гитлеровцам.

Присоединяемся к пулеметчикам, которые поливают длинными очередями убегающих фашистов. К нам подходит парторг батальона старший лейтенант Усенбеков. Он не намного моложе Алексеева, однако к «старикам» его никак не отнесешь. Смуглое лицо дышит свежестью, черные глаза широко открыты. «Вчерашний десятиклассник»,—мелькает мысль.

— Пришибли фрицев,— говорит командир Усенбеков.

Бой совсем затихает. Поднявшееся к зениту солнце приятно пригревает, легкий ветерок шелестит в зазеленевшем кустарнике. В небе пролетает журавлиная пара, по брустверу скачут притихшие было вездесущие воробьи. Выбираем место на обратных к противнику скатах. Немцам не до нас сейчас, но на передовой свои правила. Сворачиваем самокрутки. Довольствуемся «филичевым» табачком, который поставляет нам интендантство. Курить его можно даже некурящим. Солдаты о нем побаску сочинили: «Табачок-филичок, только проку что дымок».

Завожу разговор с Усенбековым — нашим постоянным корреспондентом, о котором столь лестно отозвался комдив. О нем не раз писала дивизионная газета. Только в последних боях у Днепра отважный парторг дважды в критическую минуту первым поднимался в атаку и увлекал за собой бойцов. Когда из строя выбыл комбат, принял командование на себя.

В нашей дивизии Калинур со дня ее формирования. Начинал рядовым в минометной роте, окончил фронтовые курсы младших политруков. Вернулся в свой полк. Вскоре был избран парторгом батальона.

— Говорят, везучий вы, в стольких боях побывали — и ни разу не ранены,—произношу я.

— А раны сердца?— с болью в голосе произносит Усенбеков.— Троих комбатов потерял. О майоре Евсееве, моем боевом крестнике, как в России говорят, всю жизнь печалиться буду.

Пока беседуем с Усенбековым, заявляется Макеев, успевший уже заглянуть в соседний батальон. Приводит с собой комсорга Константина Громова. Подходит заместитель командира батальона по политчасти старший лейтенант Петр Зубков, отлучавшийся в тылы проталкивать на передовую боеприпасы и продукты. Узнав от Алексеева о нашем прибытии, поспешил увидеться. Разговор наш переключается на боевые тревоги и заботы. Я усердно пополняю записную книжку именами тех, кто особенно отличился. Вот несколько строк из тех записей: «Младший сержант Сульдин богатырской силы, как-то на спор поднял десять раз две двухпудовые гири. В этом бою схватился с шестью гитлеровцами. Двух заколол штыком, остальных прикончил при-

кладом. На рядового Ивана Нечипоренко навалилось пять фашистов. Двух он пристрелил, одного свалил ударом приклада. Еще двоих, пустившихся бежать, догнал пулями.

К нам подходит Алексеев. Прошу его получше сориентировать меня в обстановке после этого боя.

— Можно,— достает свою рабочую карту Модест.

На ней четко обозначено положение наших войск и противника красным и синим карандашами. Алексеев уже успел уточнить в штабе обстановку в районе обороны всего полка. Село Короткое. Отсюда до высоты 179,9 проходит граница нашей и соседней 353-й дивизии. 1608-й полк наступает у этой границы, на правом фланге дивизии, а батальон Алексеева на правом фланге полка. Высота 179,9 — главный узел сопротивления противника. Форсировав Днестр, полк с ходу вышел на дорогу, которая идет от Раскаец на Пуркары.

— Сегодня, отразив контратаку фашистов, мы продвинулись дальше,— поясняет Алексеев,— и находимся на подступах к высоте 179,9. За нее, однако, придется еще повоевать всерьез.

Переношу на свою карту обстановку. Для себя в блокноте помечаю: «Силен Алексеев, вместе с ним Усенбеков и Громов». В моих фронтовых записях их фамилии чаще других встречаются. С днестровского плацдарма не упускал случая, чтобы к ним не завернуть. За бои на Одере и в Берлине все трое были удостоены звания Героя Советского Союза.

Побеседовал еще с командиром первой роты лейтенантом Проциковым, уточнил действия взводов и направился к минометчикам. Их командир старший лейтенант Евгений Терехов пишет стихи. С ямбом и хореем он не совсем в ладу, но зато «сочиняет от души и про своих бойцов». Знакомлюсь, и сразу у нас устанавливаются дружеские отношения, тем более, что запросто убеждаю его не пренебрегать прозой.

К вечеру прощаюсь с Алексеевым и Усенбековым, Макеев остается провести комсомольское собрание.

Без всяких происшествий, можно сказать даже с комфортом, на катере саперного батальона причаливаю у самой Незавертайловки.

— Дал прикурить фрицам Алексеев,— говорит сидящий рядом со мной офицер, привозивший на плацдарм боеприпасы.—Совсем приумолкла их артиллерия.

На плацдарм я, Рудась и Жуков пробирались поочередно. Нередко прихватывали с собой нашего радиста Дидоренко, а вскоре перешли за Днестр всей редакцией. Фашисты были оттеснены уже настолько, что переправа через Днестр ими не простреливалась. Свой опорный пункт устроили неподалеку от штаба полка. Нас это вполне устраивало. «Кухня рядом, а что служивому еще надобно!»—шутил Василий Рудась.

Как-то недалеко от нашей редакции застаю известного в дивизии снайпера младшего лейтенанта Николая Истигичева за необычным, по моим представлениям, для него занятием. Сидит с бойцом у реки и наигрывает на трофейной губной гармошке. Бойца Истигичев представляет мне как «первостатейного музыканта».

— В самодеятельность ударились?— спрашиваю.

— Вместе с одним фрицем,—отвечает Истигичев.

Заметив мое недоумение, приглашает через денек заглянуть к нему, чтобы посмотреть, что из этой «самодеятельности» получится.

От заинтриговавшего меня визита не могу отказаться и на другой день отправляюсь на позицию, которую указал Истигичев. Застаю его в окопе прильнувшим к оптическому прицелу.

— Тихо,— останавливает он меня рукой.

И тут я слышу ту самую руладу, которую выводил «первостатейный музыкант». К сожалению, фамилию его тогда записал на отдельной бумаге, а позже ее затерял, теперь не припомню. Заслушавшись, не заметил, как Истигичев нажал на спусковой крючок.

— Ну как?— приползает из-за кустов «первостатейный музыкант».

— Отправил играть к праотцам,—опускает винтовку Истигичев. Для меня поясняет:— Больно настырный фриц попался. Днем ловко маскировался. Одного нашего бойца ранил. Ночью пиликает на гармошке. Вот и подумал ему подыграть. Клюнул на приманку. Теперь не запиликает.

О сибиряках отце и сыне Морозовых рассказал Василий Рудаев. Было это на переправе. Молодых бойцов после некоторой подготовки в тылу отправляли на передовую. Новобранцы в необычной для себя обстановке стояли тесной кучкой, молчали, тревожно поглядывая на противоположный берег. Вместе с ними устро-

ились возвращавшиеся из госпиталя сержант и старшина, присели на вещмешки, попыхивали самокрутками, переговаривались. И вдруг один из новобранцев подходит к сержанту:

— Батя!

— Ты, Иван?— вскакивает сержант, и оба бросаются друг к другу в объятия.

Оказалось, встретился сержант Михаил Степанович Морозов со своим сыном Иваном.

— Вначале даже не поверил своим глазам,—рассказывал Михаил Степанович.— Третий год воюю. Иван оставался мальцом на хозяйстве. Жена, правда, писала, что стал для нее добрым помощником, всякое мужицкое дело делает. Но в памяти каким был Иван, таким и представлялся. А тут солдат по всей форме. Иван первый опознал меня. Я каким был, таким и остался...

По просьбе Михаила Степановича, его сына зачислили в один с ним взвод, под отцовский надзор. На плацдарме Иван вскоре доказал, что идет отцовской дорожкой. При отражении контратаки гитлеровцев в рукопашной схватке прикончил штыком фашиста, еще одного пристрелил.

— Вижу, воюешь как надо!— первым поздравил его отец.

— Мы же сибиряки!—произнес Иван, вызвав дружные, хотя и не предусмотренные уставом, аплодисменты у всего взвода.

Как-то заявляется к нам переводчик политотдела капитан Михаил Юлдашев.

— Записал некоторые высказывания пленных,—говорит.— Любопытно. Можно и в газету дать.

Читаю тетрадку с записями Юлдашева и невольно улыбаюсь.

«Русская пехота,—жаловался пленный из 8-й роты 178-го пехотного полка,— выросла как стена. Из-за реки переправила орудия. Наши надежды на помощь не оправдались». Вся его рота бежала, а он ноги стер, не мог бежать, со страху упал, подняв руки перед русскими.

«Основным бичем немецкой армии,— жаловался санитар 4-й роты 178-го пехотного полка, бывший ксендз Шухахт,— является натертость ног, вызывающаяся непрерывным нашим отступлением. Это общее явление».

По словам Шухахта, фашисты надеялись подлечить-

ся за Днестром. Но и здесь им стало не до лечения. «Русские ворвались в наши траншеи, я сдался в плен.»

Из этих записей мы подготовили фельетон «Фриц от бега ноги стер». Читая его, бойцы посмеивались: «Запомнится фрицам «драп нах остен» с нашей земли. Ноги стерли и головы сотрут».

К концу апреля полки дивизии вышли на рубеж: высота 179,9— Пуркары. Свою задачу дивизия выполнила. Передав плацдрам другому соединению, была отведена в резерв фронта. После недолгого отдыха, пополнив поредевшие в боях подразделения, дивизия вошла в состав 5-й ударной армии и вскоре заняла оборону у Дубоссар и Григориополя. Мы снова были на передовой.

Предбоевое время, к которому ветераны дивизии зачисляли не только пребывание в резерве, но и на новом рубеже обороны, использовали для подготовки к настоящим боям. Оборудовали траншеи и окопы. Осваивали с пополнением опыт предыдущих сражений, приобщались к фронтовой жизни. Особое внимание уделялось политико-воспитательной работе.

В газете опубликовали беседу Фомиченко с молодыми бойцами о боевых традициях соединения. Страницу отвели встрече, которую провели, по совету комдива, с отделением сержанта Танаева.

— Может служить примером для всей дивизии,— сказал он.— Отличилось в боях за плацдарм. Танаев и все его бойцы награждены орденами. Многие представлены к присвоению сержантских званий и будут назначены командирами отделений.

Сержант Танаев, бойцы его отделения рассказали о том, как действовали, чему научились в боях на Буге, Днепре, Днестре, и это обсудили во всех ротах.

Через газету своим опытом поделились снайперы: младший лейтенант Истигичев и старший сержант Матвеев. Оба на своем боевом счету имели свыше ста уничтоженных гитлеровцев. Об обязанностях комсомольцев в бою рассказал Макеев. Ввели раздел «Из боевого опыта», в котором опубликовали выступления командиров рот, взводов, отделений, расчетов. Много внимания уделяли работе партийных и комсомольских организаций. На эти темы выступали довольно часто инструкторы политотдела Гриднев и Никитин, комсорг артполка Сосновский, с интересом читали бойцы очерки и репорта-

жи моих коллег Михаила Жукова и Василия Рудася.

Материалы газеты находили живой отклик в частях. Как-то попал на совещание политработников 1006-го полка. Замполит полка майор Кайков посвятил его использованию в агитационной работе печати. Особо указал на дивизионную газету, которая «пишет о наших бойцах и командирах, нам ближе всех». И еще один эпизод. В роте старшего лейтенанта Левичева у меня состоялся разговор с бойцами о том, как и что они читают в нашей газете. Из этой беседы запомнилось выступление сержанта Кострова. В его отделении кто-то оторвал на курево кусок газеты, и как раз из статьи про героев боев. А он такие материалы собирает: после войны — лучшая память. Попытался Костров найти эту газету в других отделениях, даже в других ротах. Только безрезультатно. Любителей припрятать газету на память нашлось немало. Я, конечно, пообещал Кострову восполнить его потерю.

В первых числах августа мы отмечали вторую годовщину боевого пути дивизии, удостоенной к тому времени наименования Артемовской за бои в Донбассе, орденов Красного Знамени и Суворова II степени за форсирование Днепра, освобождение Никополя и Запорожья. Состоялось торжественное собрание. И хотя проводилось оно под голубым небом, все было, как в настоящем клубе. Сцена. Стол, накрытый кумачом, для президиума. У боевых знамен почетный караул. Портрет Сталина. Духовой оркестр. Схема боевого пути дивизии от Дона до Днестра. Доклад командира дивизии полковника Фомиченко, выступления ветеранов дивизии. Особо радует приветствие командующего 5-й ударной армии генерала Берзарина и его слова, что от Григориополя прямая ведет к Кишиневу. И пусть не сказал командующий, когда пойдем вперед, всем ясно: надолго здесь не задержимся.

Десятого августа захожу к комдиву с отпечатанной газетой. Хочется узнать его мнение по поводу опубликованных материалов. Савва Максимович, как обычно, внимательно просматривает все полосы, на некоторых статьях останавливается.

— Призыв правильный — «К новым походам, новым боям и победам»,— говорит.— Ко времени и эта статья «О творческой инициативе». В общем, газета отразила настроение бойцов: не терпится в наступление.

Фомиченко достает свою топографическую карту из ящика стола, раскладывает. Нанесенная на ней оборона была мне известна по карте, которая велась в штабе. Но красных стрел, прорезавших позиции противника за Днестром, которые увидел у комдива, там еще не было.

— Не для печати, конечно,— замечает Савва Максимович.— Для себя запомни, чтобы правильно ориентироваться.

В следующем номере по совету Саввы Максимовича помещаем статью лейтенанта Кашпурга о наступлении стрелкового взвода и различных способах форсирования рек, рассказ младшего сержанта Попова о том, как его отделение организовало поиск. В передовой призвали осваивать опыт наступательных боев.

Но на войне, тем более в обороне, жизнь в подразделениях не ограничивается одними боевыми заботами. Рассказываем о солдатском досуге, художественной самодеятельности, публикуем стихи и рассказы наших авторов на своей литературной странице.

Однажды заглядываю в блиндаж командира минометной роты Евгения Терехова, отношения с которым у нас установились самые приятельские. Смотрю, с каким-то солдатом разучивает песню на стихи сержанта Ивана Кондаурова, опубликованные в нашей газете.

— Талантливый парень,—представляет мне бойца Евгений,— Павел Толстобров, из нового пополнения. Композитор, и поет подходяще. На вечере самодеятельности всех побьем. Покажи, Павлуша, свое искусство.

Толстобров склоняется над баяном — у него приятный баритон — и исполняет песню с подкупающей искренностью:

Когда солнце на запад уходит
И над речкой клубится туман,
Свою бодрую песню заводит
Боевой наш товарищ баян.
С нежной грустью когда вспоминаю
Наши первые встречи, любовь,
И на крыльях мечты улетаю
Я к тебе, чтобы встретиться вновь.

— Лирики многовато,— прерывает песню боец и уточняет:— Для боевой поры.

— Лирика, друг мой молодой, сердце греет и на

подвиг ведет,— наставляет его Терехов. И сам продолжает:

Как звезда путеводная в жизни,
Что горит в высоте надо мной,
Ты зовешь на борьбу за Отчизну,
Вдохновляешь на подвиг святой.

— Вот так,— говорит Евгений, которому при всем его старшинстве где-то едва за двадцать лет.

Песню эту мне так и не довелось услышать. На Днестре стало не до самодеятельности. Поступил приказ на наступление. А позже композитора ранило.

В дивизии жизнь потекла тревожней и собранней. В редакции мы определили, кто с каким полком поддерживает связь. Я оставил себе 1008-й. Хотелось снова увидеть в бою тех, с кем познакомился на молдавской земле. Начало наступления назначено было на 22 августа, и я заранее перебрался в свой полк. Чтобы точнее сориентироваться в обстановке, захожу к командиру полка подполковнику Мухаметдинову. Застаю у него заместителя по политчасти подполковника Зубарева, агитатора капитана Журавлева.

— Теперь и газета с нами,— говорит Михаил Никитович Зубарев.—Полное политическое обеспечение.

— Газета потом о нас напишет, а до того редактору надо увидеть полк в деле, — улыбается Орассах Мухаметдинович.— Что сказано в приказе по дивизии?— И, достав его, зачитывает:—«1008-й и 1010-й с первого эшелона форсировать Днестр на участке Дороцкое—Григориополь, прорвать оборону и наступать в направлении старые Дубоссары, Коржево. К исходу дня во взаимодействии с левым соседом 60-й сд разгромить группировку частей 335-й п. д. немцев в дубоссарско-делакеуской излучине Днестра... В дальнейшем дивизии наступать на Крузешти, Тогатино, к юго-восточной окраине Кишинева».

— Надо довести до всего личного состава: наступать стремительно, не давать противнику опомниться при бое в траншеях. И самим быть в ротах до Кишинева. Итак, до встречи в столице Молдавии,— заканчивает Мухаметдинов.

Вместе с Иваном Ивановичем Журавлевым направляюсь в батальон Алексеева.

Идем вдоль траншеи. Сразу видно: полк готовится к броску вперед. Лодки, подручные плавсредства под-

тягиваются и устанавливаются так, чтобы их без лишних хлопот спустить на воду. Солдаты собирают свое нехитрое имущество. За время обороны у каждого оно прибавилось, и его совсем не просто втиснуть в вещмешок вместе с полученным сухим пайком. Еще раз проверяют оружие. Когда все уложено, подготовлено, проверено, люди рассаживаются подымить, потолковать на досуге. И разговор ведется совсем не о предстоящем бое. Здесь все ясно из поставленной задачи. Солдаты отводят душу кто воспоминаниями о родных местах, о семье, кто помоложе — о девчатах, кто просто «травит» фронтовые байки.

В блиндаже Калинура Усенбекова застаем Петра Зубкова, Костю Громова, Петра Згаму — командира полковых разведчиков, Евгения Терехова — командира минометной роты.

Усенбеков показывает только что выпущенный в первой роте боевой листок, на котором художник изобразил, как за Днестром русский штык пригвоздил орущего фашиста.

— Боевая задача здесь определена ясно и понятна без всяких слов,— говорит Зубков.

— Тогда по сему случаю подымим перед боем моего молдавского табачку,— достает Костя свой кисет.

— Никак у Федора Лукича разжился?— спрашивает Терехов, хотя всем в полку это ведомо из слов самого Громова.

— А дочка Федора Лукича, черноглазая Клава, кисет, про между прочим, нам обоим дарила,— отсыпает табачку Згама.— А Костя, видали, себе прикарманил. К Лукичу вместе с собой не приглашает больше.

— Нашел о чем распространяться,— недовольно отзывается Громов.— Лучше свою разведсхему покажи. Газету это больше интересует.

— Можно и схему,— уступает Згама, хитро прищурившись в сторону улыбающегося Терехова.— Хотя девушки тоже не последняя спица в нашей колеснице.

Схема старшего сержанта Петра Згамы действительно оказывается весьма интересной, более того, составленной ко времени. На ней довольно подробно отображена противостоящая полку оборона противника на значительную глубину. Обозначены его пулеметные и орудийные огневые точки, проволочные заграждения,

начертания траншей. В глубине отмечены опорные пункты, штабы.

— С его схемы командиры рот уже перерисовали «своего противника»,— добавляет Усенбеков.

Рассматривая схему Петра Згамы, вспомнил недавний разговор с начальником штаба дивизии подполковником Киреевым:

— Наша главная задача,— сказал он,— с самого начала наступления подавить опорные пункты и огневые точки противника. В этом основа успеха.

На штабной карте все они были четко обозначены. Но, как подчеркнул Киреев, важно, чтобы каждый командир и боец знали подробно противостоящего противника. Сейчас я убедился, что в батальоне Алексеева это твердо усвоили.

Солнце клонится к закату, и мы расходимся. У каждого есть свое место перед броском вперед. С Усенбековым направляемся к комбату. В окопах одни наблюдатели, остальные отдыхают. Мое внимание привлекает прикорнувший на вещмешке пожилой усач.

— Сразу видно бывалого солдата, задает храпака.— И хотя я это говорю Усенбекову вполголоса, усач подымает голову, быстро встает и отвечает:

— Так точно, товарищ капитан. Ото сна еще никто не умер.

Я узнаю того самого дядю Пашу, который перевозил меня и Макеева на КП дивизии.

— Что делаем, как живем?— протягиваю ему руку.

— Саперы завсегда там, где переправа,—отвечает Павел Иванович.— Плоты собрали, мост на понтонах подготовили. Танк выдержит. Вперед пойдет пехота — опять мы, саперы, сгодимся.

На КП батальона приходим одновременно с полученным распоряжением быть готовыми к форсированию реки. Начало — с переносом артогня. Сигнал будет указан дополнительно. Алексеев информирует об этом командиров рот. Боевая задача известна, приказ отдан.

И вот в ночной тишине раздались орудийные залпы. Сполохи разрывов озаряют противоположный берег. Усенбеков засекает время. Проходит минут тридцать, и разрывы начинают удаляться. С серией прочертивших высоту зеленых ракет река оживает. Отчаливают десятки лодок, плотов. Фашисты пытаются оказать сопротивление. Их уцелевшие после нашей артподготовки

орудия, минометы открывают огонь. Над водой проносятся трассы пулеметных очередей. Но особого вреда нам не наносят. Роты захватывают первую траншею противника, бой переносится в ходы сообщения. Замолкают пулеметы, слышны только выстрелы, автоматные очереди. Из глубины еще ведут огонь орудия. Но их снаряды безрезультатно пенят воду в реке.

Не давая фашистам опомниться, стрелковые подразделения захватили первую траншею и завязали бой в глубине обороны противника. Когда огонь стал утихать, догоняю лейтенанта Владимира Левичева. Его взвод среди первых форсировал Днестр. Он коротко рассказывает о захвате второй траншеи, находчивости и смелых действиях групп прочесывания, прикрытия и закрепления, которыми командовали старшина Агапов, сержант Кузнецов и младший сержант Дуюн. Бой проходил, по его словам, в обычном порядке: бросок гранаты за изгиб хода сообщения, автоматная очередь и вперед, в рукопашную тоже приходилось вступать. Дуюн наткнулся на двух фашистов, одного пристрелил, другого прикончил ударом лопаты.

Отделение Кузнецова под пулеметным огнем из дзота вынуждено было приостановиться, укрыться за изгибом траншеи. Ближе всех к пулемету оказался молодой боец Галин. Он метнул гранату, пулемет на минуту умолк. Этим воспользовалось отделение, ворвалось в дзот и перебило фашистов.

Подходит Усенбеков. Из его рассказа пополняю свои заметки. Для очередного номера газеты достаточно. Надо еще найти редакцию. Теперь в своем автосалоне можем следовать по следам наступающих.

Редакционную машину нахожу уже переправившейся через Днестр. Сменяю Михаила Жукова, который пересаживается на попутный транспорт в догонку наступающим. Пишу «досыл» в номер. Иван Черкасов набирает с готовой страницы. К утру 24 августа выпускаем газету. Открываем приказом Верховного Главнокомандующего. Рассказываем о наступлении наших частей, стремительном продвижении к Кишиневу.

Свои части вместе со штабом дивизии догоняем в Кишиневе. Останавливаемся в городском предместье. Впереди еще слышны орудийные залпы. Наступление развивается настолько стремительно, что на нашей небольшой газетной площади никак не вмещается захле-

стывающая нас информация. Только раздали газету о прорыве обороны противника на Днестре, а наши войска уже в Кишиневе. Саша Дидоренко включает приемник. Его приходится вынести к самой двери. Народу набралось много, и в редакционном салоне всех не вместить. Затаив дыхание, слушаем и записываем Приказ Верховного Главнокомандующего: «Войска 3-го Украинского фронта при решительном содействии войск 2-го Украинского фронта в результате умелого обходного маневра и атаки с фронта сегодня, 24 августа, штурмом овладели столицей Молдавской ССР — городом Кишиневом — важным узлом коммуникаций и мощным опорным пунктом обороны противника». Поздравляем друг друга... Среди отличившихся войск названа 5-я ударная армия генерал-лейтенанта Берзарина, ее соединения, в том числе и наша дивизия.

Оперативно выпускаем двухполоску. Передовая призывает: «Вперед, к Пруту!»

Заявляются прямо из боя Жуков и Рудась. Рассказывают об упорных боях на подступах к столице Молдавии.

В эти последние августовские дни мы выпускали газету укороченного формата ежедневно. Но как в ней отразить стремительно развивающееся наступление?! Из принятых сообщений по радио давали самое необходимое, обязательное. Из своих материалов отбирали основную информацию о ходе боев. И все же когда Жуков поведал о трогательной встрече наших войск, вступивших в Кишинев, отвели его репортажу целый «подвал». Нас всех взволновал рассказ Жукова о жительнице Кишинева Наталье Георгиевне Сивухиной. Пожилая женщина выбежала навстречу роте с букетом цветов, протянув его шагавшему впереди офицеру, произнесла: «Дай обниму тебя, сынок! Низкий поклон всем вам, сынки, от нас, кишиневцев!» Достав советский паспорт и утерев набежавшие слезы, сказала: «Более трех лет прятала, верила, что вы придете».

Пока она говорила, перед ротой собрались жители со всей улицы. Угощают бойцов виноградом, яблоками, сливами. Командир роты даже растерялся, не зная, как уйти, чтобы людей не обидеть. Выручил Жуков.

— Я журналист, пишу в газету,— пояснил он.—Останусь с вами. А роте надо вперед, бить фашистов. Мне все и расскажете.

Передав снова редакцию на пепечение Жукова, отправился искать, на чем пробраться к наступающим. Только поднял руку навстречу показавшейся «легковушке», гляжу, а в ней заместитель начальника политотдела майор Петров.

— Я к тебе,— говорит он.— Хорошо, встретил, а то ищи редакцию. Чем порадуешь?

Вместе подъезжаем к нашей машине. Убедившись, что редакция жива-здорова и на ходу, Иван Тимофеевич подбирает меня, и мы уезжаем вслед за войсками.

— До встречи у Прута, друзья!— пожимает он руку Жукову, наборщикам, шоферу.—Там и победу отметим.

Узнав, что я хочу догнать батальон Алексеева, предложил:

— Лады, подброшу, хотя мне с тобой не по пути. По дороге расскажешь, что на фронтах и белом свете делается. Два дня только нашей газетой и просвещаюсь. А вы-то радио в полном объеме слушаете.

— С удовольствием,— отвечаю.— Тем более, начальство просит...

Мой пересказ последних известий занял немного времени. Проинформировал о том, где сам был, о своих впечатлениях. Постарался покороче. Хотелось послушать Ивана Тимофеевича. Сорокина болезнь окончательно подкосила, и он выбыл в тыловой госпиталь. Узнаю от Петрова много интересного. Более ясной становится обстановка, развитие боевых действий в полосе наступления дивизии.

Гитлеровцы свои основные силы сосредоточили против нашей 5-й ударной армии, ожидая, что отсюда последует главный удар. И чуть ли не до последних дней держались у Днестра. А началось победное наступление с прорыва у Ясс и Бендер, под основание кишиневского выступа вражеских войск. Фашисты бросились отступать. Но не тут-то было. Наши дивизии гонят их, не дают сосредоточиться.

Рассчитываем догнать свои части у Стольничен. Но застаем здесь лишь тыловые подразделения. От случайно задержавшегося офицера штаба дивизии узнаем, что наше соединение передано в непосредственное подчинение 26-му гвардейскому стрелковому корпусу и получена задача выйти в район Чоары—Поганешты, чтобы вместе с частями 89-й гвардейской стрелковой дивизии

не допустить прорыв окруженной группировки через Прут.

Хотя и не совсем в полосе наступления нашей дивизии, выбираем более удобную дорогу. Едем и все более убеждаемся в силе уничтожающего удара наших войск. Сколько хватает глаз следы поспешного, панического бегства противника: брошенная, часто вполне исправная боевая техника. Валяются ранцы, шинели, награбленные у местного населения вещи. Не до них теперь гитлеровцам.

Дорога выводит нас к селу Балцата. Останавливаемся пообедать прихваченными продуктами. Присаживаемся на скамейке под развесистым деревом у небольшого ухоженного домика. На крыльце из открывшейся двери появляется хозяин и неожиданно для нас произносит по-русски:

— Здравия желаю! Будьте гостями в моем доме.

Перед нами человек уже на склоне лет, но все еще бравый, с закрученными седыми усами.

— Старый русский солдат Холмско-Туркестанского полка Бужор Федор Прохорович,— прикладывает он ладонь к своей полинявшей фуражке с кокардой.— Знаю походную жизнь. Отдохнете, закусите у меня чем бог послал, господа офицеры.

— Какие там господа,—улыбается Петров.—Еще в революцию их вывели. Мы все товарищи, Федор Прохорович.

— Прошу прощения,—смущенно произносит Бужор.— Старая привычка, будь она неладна.

За столом в хозяйской горнице завязывается непринужденный разговор. Бужор вспоминает, как нес службу, шагал в строю, бил немцев в первую мировую, когда Брусилов наступал, подтянул даже куплет из суворовской песни «Солдатушки, бравы ребятушки...»

— Двадцать лет старались нас отучить думать, что жили в советском государстве,— с горечью произносит он.— Но наш молдавский народ хранил самые лучшие воспоминания о тех временах. О нас, старых солдатах, я уже не говорю, мы твердо знали: испробуют изверги граненого русского штыка — пригвоздил у Сталинграда гитлеровских вояк с армией Антонеску, прикончит в Берлине.

— А как себя фашисты чувствовали, когда мы их

за Днестр опрокинули?— спрашиваем у Федора Прохоровича.

— Совсем не те стали, присмирели «рус гейт»— русские идут, «унзере — вэк, вэк»— уходить собираются. Но фашист — это подлая душа. Один рябой эсэсовец у меня обретался, нас на кухню выгнал. Убегает, а мне кулак показывает: «Мы еще придем, старик, ты еще подохнуть не успеешь». Этих гадов надо под корень уничтожать,— ударяет по столу Бужор.

Прощаемся с гостеприимным хозяином. К вечеру добираемся до Котовска. Здесь встречаю нашего Рудася и решаю заночевать на родине легендарного полководца времен гражданской войны, тем более, что сам служил в кавалерийской дивизии его имени. У Рудася полон блокнот материалов о боях за Кишинев, преследовании противника. В основном из 1006-го полка. Просматриваю его заметки. Определяем, что дать в ближайшие номера газеты. В основном все это опубликуем: и об опыте боев, и о героях сражения. Война еще не кончается. Рудась усаживается писать оперативные материалы в газету. Я выхожу поискать старожилов, людей, которые, возможно, помнят Котовского. И мне повезло. У большого дома, в котором сложено разное имущество, вижу, стоит с берданкой сторож. Знакомлюсь. Оказывается, собрали это имущество партизаны. Сторож, тоже партизан,— Ефим Захарович Батор. Как самого старого его и оставили караулить. Отряд ушел с Красной Армией добивать гитлеровцев.

Спрашиваю: помнят ли в селе Котовского?

— Как не помнить!— отвечает Батор,— мы все гордимся своим Григорием Ивановичем. Про его жизнь и подвиги знаем не только мы, старики, но каждый мальчишка и девчонка. Пройдете вдоль улицы—увидите дом, где Котовский родился, а за мостом в парке — дом помещика, у которого он работал.

Утром продолжаю разговор о Котовском уже с группой жителей. Узнаю, в какую опалу они попали. Имя Котовского нельзя было произносить. За это румынские жандармы хватали и отправляли в Кишиневскую тюрьму. Само село переименовали в Ганчешти. Фашисты хотели перед уходом сжечь все село, но не успели, удирая от русских танков.

К Пруту добираемся 27 августа. Узнаем, что штаб дивизии и вместе с ним редакционная машина находят-

ся в Чоаре. Рудась отправляется туда, чтобы сдать подготовленные в набор материалы и вернуться. Я отправляюсь в Поганешты, где занял боевые позиции 1008-й полк. От замполита, подполковника Зубарева, узнаю, что в лесах между Поганештами и Минжиром наши разведчики установили большое скопление гитлеровских войск. Движутся на машинах, охраняемые танками и самоходными орудиями. Так что предстоит жаркий бой. Нельзя дать фашистам ускользнуть за Прут.

В полку и штабе дивизии уже побывали член военного совета армии генерал Ф. Е. Боков и командир нашего 26-го корпуса генерал П. А. Фирсов. Задача заключается в том, чтобы расчленить группировку противника и разгромить.

28 августа полки дивизии, захватив переправу через Прут, оттесняют противника к болотам. Гитлеровцы пытаются отбиваться, но им это слабо удается. Заключительный бой разгорелся 30 августа. Об этом бое, которым закончилось изгнание гитлеровцев из Молдавии, видимо, лучше не скажешь, чем в статье, написанной еще под залпы орудий. Отрывок из нее повторю.

«Прутское побоище». Так называют бойцы место боя на берегу реки Прут. И это действительно так. Дорога, ведущая к реке, завалена автомашинами, повозками, сожженными танками, трупами коней, гитлеровских солдат и офицеров. Поле боя — лучшее доказательство полного разгрома последней группировки немцев у Прута. Здесь, на берегу реки, гитлеровцы еще раз испытали силу и мощь советского оружия.

...Остатки разбитых немецких дивизий поспешно отступали к Пруту. Фашисты пытались форсировать реку и уйти в свою берлогу. Но наши воины, по пятам преследуя отступающего противника, прижали его к реке.

Начался бой на уничтожение. Заговорила наша артиллерия. Заиграли гвардейские минометы. Тонны раскаленного металла обрушились на врага. Гитлеровцы заметались в огневом кольце. Но не было спасения.

Окруженная группировка немцев была разгромлена. Но еще значительные группы немцев продолжали оказывать сопротивление. Тогда в атаку пошли пехотинцы.

Только бойцы роты Афоносова за время боев взяли в плен 800 гитлеровцев... Окруженная группировка немцев была полностью уничтожена».

О роли нашей 266-й стрелковой дивизии в тех за-

вершающих боях по уничтожению немецко-фашистской группировки «Южная Украина» член военного совета 5-й ударной армии генерал-лейтенант Ф. Е. Боков в своей книге «Весна победы» позже напишет:

«Особенно отличилась 266-я стрелковая дивизия. Достаточно сказать, что за период с 22 августа по 5 сентября личный состав соединения уничтожил до 2000 гитлеровцев и пленил более 10 300 солдат, офицеров и семь генералов. В ходе боев на берегах Прута воины 266-й стрелковой разгромили остатки 294-й немецкой пехотной дивизии — своего давнего противника, с которым сражались еще под Астаховом. Уже после боев, прочесывая леса, красноармейцы обнаружили в кустарнике труп ее командира генерала Эйхштадта»*.

Лично генерал Ф. Е. Боков в ходе боев от имени военного совета армии объявил личному составу нашей дивизии благодарность за активные боевые действия, проявленные храбрость и мужество по разгрому фашистских войск у Прута. А вскоре отличившиеся в этих боях солдаты, сержанты и офицеры — более 650 человек — были награждены орденами и медалями Советского Союза.

У Прута я встретил тех, с кем начал эти бои у Днестра. Как сейчас помню поляну у лесной рощи. Окрест раскиданные немецкие орудия, машины. Бредет колонна пленных фашистов. Конвоирует их старший сержант Згама с тремя разведчиками.

Обнимаемся на радостях.

— Даже «хенде хох» не успел крикнуть, как они сами выползли из леса с белым флагом,— объяснил Згама, указывая на пленных.— Капитуляцию этих молодчиков принимал вместе с Громовым.

Капитана Алексеева, старшего лейтенанта Усенбекова, старшего сержанта Громова нахожу на лесной поляне. Бои закончились, и батальоны расположились на отдых в ожидании дальнейших указаний. Невдалеке по дороге проносятся «тридцатьчетверки», грузовики с солдатами. Уходят к местам сосредоточения. Мы знаем, что тоже задержимся здесь ненадолго. Нас ждут новые бои. И тем приятнее греет нас ласковое сентябрьское солнце над мирной, теперь навсегда советской Молдавией.

---

* Боков Ф. Е. Весна Победы. М., 1979, с. 23.

Б. Д. ЧЕЛЫШЕВ,
бывший аэрофотограмметрист-дешифровщик

ПАМЯТНЫЙ СЛУЧАЙ

Стремительное наступление на 3-м Украинском фронте после освобождения Одессы продолжалось. Перед нами был Днестр. Форсировали его с ходу, заняли несколько плацдармов на правом берегу, удерживали их.

Напряженное время было у разведчиков. Истребители летали на фотографирование дорог, мостов, железнодорожных станций. Просматривали и основные магистрали, и грунтовые дороги: противник мог сосредоточиться на наших флангах и нанести внезапный удар.

В преддверии Ясско-Кишиневской операции наша эскадрилья базировалась в Малом Тростенце, что невдалеке от села Великоплоское. С утра до позднего вечера шла непрерывная боевая работа. Истребители и штурмовики улетели на задание; возвращались, садились, чтоб дозаправиться горючим и боеприпасами. И вновь поднимались в воздух. Так из часа в час, изо дня в день.

В фотоотделении только что проявили широкую, в несколько метров длины фотопленку — результат воздушного фотографирования. Ее подвесили на туго натянутой веревке, закрепили прищепками, словно белье для просушки.

— Когда я посмотрел на пленку, мой взгляд задержался на одном из кадров. Знакомая извилина дороги на Киркаешты, мосток через речку, проселочная дорога. А это что за пятнышки? Бракованная пленка, что ли? Или пыль осела?

Не раз предупреждал командир эскадрильи Якубовский, отправляя пару или две «лавочкиных» на задание: просматривайте, ребята, боковые отходы от дорог. А то фрицы что-то лесопосадки и овраги полюбили! И вот, пожалуйста!

...По грунтовой дороге, не маскируясь, двигалась колонна машин. Одна, две... пять... шестнадцать! А вот четыре полевых кухни с опущенными трубами подцеплены к грузовикам! Когда-то под Сталинградом я, молодой разведчик, летя однажды на корректировку, принял было их сверху за орудия! Но теперь уже знал, что это такое. А вот еще две спецмашины и... обрез кадра! Как жаль, что не на месте прекратил работу аппарат! Нет бы еще два-три километра!

Майор А. К. Голяк собрался в штаб корпуса с готовыми аэрофотосхемами. Я окликнул его:

— Товарищ майор, ЧП! На фотопленке в квадрате Г-6 колонна немцев на марше. Надо срочно...

Тот внимательно посмотрел на меня. Нахмурился. Подошел к пленке. Долго вглядывался.

— Эй, старшина, оторвись на минуту!

Дешифровщик Миночкин, оставив свою фотосхему, подошел к нам. Я указал на кадр и протянул ему лупу.

— Просмотри дорогу.

Но он уже и невооруженным глазом увидел, что делается на проселочной дороге. Шевелил губами, подсчитывая машины.

— Товарищ майор, он прав. Это — колонна на марше. Движется на северо-восток, в сторону лесопосадки.

— Передай Косушко, пусть немедленно печатает этот кадр и два примыкающих к нему. Как это мы пропустили?

— Дальше срез,—подсказал я,—нужно бы еще захватить юго-западнее Каушан. Там Троицкое и Тараклия.

Майор стоял задумавшись. Но я как будто угадал, о чем были его мысли. Сообразил и Миночкин. Он первым высказался:

— В штабе корпуса о колонне не знают, товарищ майор. Если только наземная разведка данных не представила, то и не узнают. Сообщить им сейчас — нам первым и влетит. Прозевали, скажут. К тому же мы и не знаем данных о колонне до конца — дальше срез.

— Идемте к карте.

Когда мы, разложив топографическую карту района, установили движение колонны, майор взял телефонную трубку:

— Соедините с КП. Якубовский? Только что проявили фильм и обнаружили колонну на марше. Направление в сторону Кайнары. Как это «не может быть»?!

Сейчас посылаю к тебе Челышева со снимками. Что? Хозяину пока передавать не будем. Хорошо. Жди.

«Хозяином» мы называли командира 9-го авиакорпуса генерала О. Д. Толстикова.

Старшина Косушко тут же отпечатал три кадра. Окунул на секунду фотоотпечатки в спирт, чтоб быстрее высохли. Передал мне. А за окном сигналила подошедшая полуторка. Я сунул снимки в планшет и залез в кузов — удобнее наблюдать за воздухом.

Пыльная дорога через село. Озерцо. Пустующее здание школы. Прямой путь к нашему аэродрому. А через несколько минут мы уже возле самолетов, у командного пункта.

Тут все в движении. Прилетевшие с задания летчики что-то уточняют на карте, другие шумно спорят, разбирая полет. Поминутно верещит телефон. В углу девушка-радистка поднесла ко рту микрофон и настойчиво взывает: «Ласточка, я—Елена! Я — Елена! Ласточка, возвращайся домой! Приказ возвратиться домой!»

Командир эскадрильи Якубовский с лейтенантом Новиковым собрались было на «свободную охоту», но, предупрежденные майором Голяком, дожидались меня.

— Что там нашел? Выкладывай!

Старший лейтенант был высок. Так что, докладывая, я задирал голову вверх.

— Ты не на мои кудри смотри, а на карту! Какая тут колонна?

Я понял: он не верил. Однако, пристально посмотрев туда, куда я указал пальцем, вдруг замер и в волнении начал расстегивать воротник гимнастерки.

— Дела-а, мать твою... Откуда они взялись? Иван!

Подошел И. Новиков.

— Смотри, что делается!

Тот вглядывался подольше и вдруг тоже удивленно повернулся ко мне, словно это я нарочно нарисовал тут немецкую колонну!

— Петро, вчера ее не было. Мы же в этом районе с тобой были?

Якубовский отрицательно покачал головой.

— Нет, мы шли со стороны Киркаешт на Тараклию, по речке. Потом ввязались в бой с истребителями. А до Троицкого и до развилки не дошли, повернули на свой аэродром, вот отсюда.— И он ткнул пальцем в квадрат карты.— Но откуда они взялись?!

— Товарищ старший лейтенант,—вмешался я.—Хорошо помню этот квадрат по старым фотосхемам. Колонны ни открытой, ни замаскированной не было. Разрешите высказать свое мнение?

— Выкладывай!

— Неплохо бы зафотографировать еще раз этот квадрат и прилегающие к нему, от самой Чимишлии. Они же идут, не маскируясь. Ясно будет, где хвост, где голова колонны. Меня кухни с толку сбивают.

— Какие кухни?

— А вот, смотрите, целых четыре. Зачем им столько да еще к самой передовой? И на два десятка машин шесть бензовозов — тоже ни к чему. Я думаю: идут на соединение с основными силами. Только куда?

Якубовский вздохнул, застегнул воротник гимнастерки.

— Может быть и так. А скорее всего, оторвались от основных сил и поспешно догоняют. Потому и не маскируются, торопятся проскочить.

И обратясь к Новикову, сказал: —

— А ну, по коням! Пройдемся до Чимишлии, посмотрим своими глазами. Вторым заходом зафотографируем.— И в мою сторону:— Ты пока здесь дожидайся. Кассету в фотоотделение отвезешь.

Только-только Якубовский с Новиковым одели шлемофоны, перекинули через плечо планшеты, как вдруг тревожно завыла сирена. А с северо-запада, оттуда, где расположен пост ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения, связи), поплыли вверх ракеты. Тут же из землянки выскочил дежурный.

— Якубовский, поднимай своих! С запада «юнкерсы» идут!

А зеленые ракеты плыли в настороженно молчащее небо.

Пара истребителей, находившаяся в готовности номер один, пошла со стоянки, не заходя на взлетную полосу. За нею подняли свои самолеты Якубовский с Новиковым. Уходили круто вверх, набирая высоту.

Я не видел этого боя четверки «лавочкиных» с группой немецких истребителей и бомбардировщиков. Наши встретили их над Парканами, завязали бой и рассеяли всю группу. Иван Новиков поджег один «юнкерс», а комэск подбил немецкий истребитель. Им на помощь по-

дошли еще две пары истребителей с Тираспольского аэродрома.

...Вечерело. Якубовский хмуро взглянул на часы. Новиков опередил:

— Слетаем разок. Просмотрим без фотографирования — темно.

— Слетаем. Вперед, без страха и сомненья!

Последние слова у Якубовского были как присказка, и он частенько перед вылетом повторял их.

Заправили самолеты, оружейники дозарядили пулеметы и пушки. Якубовский с Новиковым улетели в сторону Чимишлии. Я остался у КП, куда подъехал и майор Голяк с летчиком-штурмовиком Михаилом Карпухиным. Мы молча ходили возле земляных капониров, покуривали, дожидались возвращения истребителей.

...Самолеты сели, подрулили к капонирам. Первым устало вылез командир эскадрильи. Отцепил парашют и ко мне:

— Дай снимок!

Еще раз всмотрелся. Вздохнул.

— Черт знает, куда делись! В семнадцать сорок были здесь, на дороге, а сейчас смылись. Но что были — это факт: машину у них одну в кювет занесло, так и бросили. Завтра с рассветом будем искать, они где-то поблизости.

Утром, как только выглянуло солнце, пара «лавочкиных» вылетела на разведку в сторону Чимишлии. На том и на другом истребителе были установлены аэрофотоаппараты.

Снова влажная пленка висит на прищепках. Мы столпились у того самого кадра Г-6. Дорога, как ни вглядывались, пуста.

— Борис, пока сохнет, давай вычертим по карте заснятую площадь, от входного до выходного ориентира.

Я присмотрелся к крайнему снимку:

— Вот окраина Чимишлии. Видишь, речка Когильник. А с Баймаклии они пошли вторым заходом. Тут уж Новиков фотографировал. Сейчас Косушко пленку фиксирует. А вот это, по-моему, Кайнары. Боюсь, разрыва у них не было бы.

— Нет, это Киркаешты,— поправил меня Н. Саулов.— Вот, смотри, дорога на Сатул-Ноу.

Показался майор Голяк. С ним помощник начальника отдела разведки корпуса капитан Г. Мартьянов.

— Косушко, почему ленту в спирте не прокатал, пить оставил? Торопись, снимки печатайте, генерал требует.

Через пять минут трое аэрофотограмметристов начали монтаж схемы. Не дожидаясь, когда подсохнет клей, мы с Миночкиным и старшина Саулов, вооружившись лупами, стали просматривать сантиметр за сантиметром малые и большие дороги во все стороны от Тараклии.

Вот Миночкин поднял голову:

— Саулов, взгляни! Борис, иди сюда.

Мы подошли, наклонились.

— Смотрите на кромку леса. Это...

На опушке, там, где пореже зелень, высовывался из куста какой-то прямоугольничек. Невдалеке от него выглядывал другой.

— Смотри, следы! Вот здесь терпения не хватило, так они с дороги свернули прямо по полю!

— Ребята,—сказал Саулов,—а следы-то не от машин, а от танков! Посмотрите с краю. Автомашины они подальше загнали...

— Это что за пятно?—Я ткнул пальцем в странный квадратик.

— Пожалуй, танк. Только под маскировочной сетью.

— Немедленно дешифруйте фотосхему и в штаб,— распорядился капитан Мартьянов.— Голяк, предупредите Якубовского, пусть на бреющем еще раз пройдут, но не штурмуют. Тревожить их сейчат не будем.

Но потревожить пришлось. Спустя некоторое время по распоряжению штаба 17-й воздушной армии в район Киркаешт отправились одна за другой две эскадрильи штурмовиков. Четыре пары «лавочкиных» 31-го полка 295-й истребительной дивизии сопровождали группу. Наводил на цель Якубовский. «Ил» лейтенанта Михаила Карпухина в сопровождении пары истребителей шел замыкающим. Ему предстояло заснять результаты штурмовки.

Третья лента для быстроты была прокатана в спирте. Мы ждали, когда Косушко и Яремчук вынесут из темной лаборатории отпечатанные листы фотобумаги. И вот они, еще влажные, у нас в руках.

Тот самый снимок с речкой, мостком, развилкой дороги, даже мы, опытные дешифровщики, отыскали с трудом. А когда нашли, еле узнали заснятую местность.

Опушка леса была так «перепахана» бомбами и реактивными снарядами, что живого места, как говорится, не осталось! Меж поредевших кустов тут и там валялись искореженные автомашины, перевернутые тягачи, разбитые вдребезги зарядные ящики. Часть снимка — в клубах черного дыма. Это горели танки и бензовозы.

— Намолотили!— сказал Якубовский, прибывший в фотоотделение с аэродрома.— Откуда только они, черти, взялись?

Я подошел к подоконнику и протянул ему отдешифрованную двухмаршрутную фотосхему, которую отыскал вчера поздно вечером:

— Помните, товарищ старший лейтенант, четыре дня тому назад Мартынов с Любимовым возвращались с разведки из-под Комрата через Чимишлию? По пути с ходу обстреляли колонну на марше, потом пошли на второй заход и засняли. Вот видите, думали, что с нею покончено. А они за ночь кое-как собрали в кучу что уцелело и двинулись как раз в этот лесок — на соединение со своими. А мы тут думаем, гадаем: откуда взялись?

— Да, так оно и есть. Били, да, видно, не до конца. Пришлось добивать!

Все это произошло за два дня до начала Ясско-Кишиневской операции. А 20 августа в стремительном броске наши наземные части двинулись вперед. В лесу у развилки дорог наших бойцов вражеский огонь не встретил — путь здесь был свободен.

В. А. ЛЕСНЫХ,
гвардии подполковник в отставке,
бывший командир батареи
230-го гаубичного артполка

ВРАГ НЕ ПРОШЕЛ

8 августа 1944 года у села Копанка одна за другой стали появляться машины, везущие артиллерийские орудия. На позициях их отцепляли и закатывали в специально подготовленные окопы, выгружали снаряды и батарейное имущество. Натягивались маскировочные сети, расставлялись буссоли и орудия наводились в требуемом направлении. В общем, шла обычная для артиллеристов работа.

230-й гаубичный артполк скрыто перебрасывался сюда из района Теи и Спеи. Главной заботой командования было так все организовать, чтобы противник не узнал, что оставлены старые позиции. Двигались только ночами, а днем отдыхали.

От фашистов нас отделяла балка, поросшая молодым лесом. Вся территория, занимаемая противником, была «нарезана» на полосы, сектора, участки и распределена между частями и подразделениями для наблюдения. Много ценных разведданных поступало от авиаторов, а о ближних целях на переднем крае — от пехоты. Эти сведения не раз уточнялись, сравнивались, корректировались, а при необходимости и доразведывались. Только после такого тщательного изучения и отбора обнаруженные цели передавались в дивизионы и батареи, где по ним готовились исходные данные для стрельбы. Тут нельзя не вспомнить наших вычислителей Бориса Баранчикова и Семена Тиганова. Они быстро и с большой точностью готовили исходные установки для стрельбы.

В батареях было подготовлено по тысяче снарядов и зарядов. Все они побывали в заботливых руках солдат, каждый был осмотрен, проверен, рассортирован

по партиям и весовым данным и уложен в орудийные погреба.

С нагрузкой работали и начальники связи дивизионов Николай Тудосенко и Евгений Хлапонин. Они со своими подчиненными проложили по две взаимодублирующие линии связи между подразделениями.

Много внимания уделялось маскировке позиций. Вся техника, включая и кухни, была размещена в окопах и укрытиях. Категорически запрещалось всякое движение на позициях. Переговоры по телефону велись только в кодированном виде. Надо было ввести противника в заблуждение, скрыть, что здесь готовится прорыв его обороны (хотя и правее нас готовилось подобное наступление), для чего проводились и отвлекающие, ложные маневры в других местах. Насколько нам удалось перехитрить фашистов, можно судить по таким данным: за время подготовки к наступлению они ни разу не бомбили наши боевые порядки, также редко разрывались и снаряды, и то в стороне.

Так прошло около двух недель. 19 августа, во второй половине дня, командир полка В. И. Родионов вызвал командиров батарей. Нам были вручены выписки из таблиц огня. Артиллерийская подготовка была рассчитана на сто минут. Указывались цели, их координаты, сигналы вызова огня.

Получив эти данные, я с вычислителем Тигановым определил темп стрельбы, расход снарядов, потом произвели пристрелку целей, после чего я убыл на огневые позиции, где со старшим на батарее лейтенантом Николаем Соловьевым разобрали по деталям все вопросы, касающиеся действий артиллеристов.

Наступила ночь. Последняя ночь перед наступлением. На переднем крае стояла тишина. Только изредка вспыхивали ракеты, освещая неровную, со складками нейтральную полосу. За ней притаился противник. За четыре месяца обороны он укрепился основательно. И все то, что возвели, построили, оборудовали и начинили огневыми средствами фашисты, завтра предстояло разбить, разрушить, смешать с землей.

В пять утра нам зачитали «Обращение военного Совета третьего Украинского фронта о переходе в наступление».

До начала его оставалось тридцать минут. Каждый был занят своим делом. Связисты проверяли связь.

Орудийные номера подготавливали снаряды. Наводчики прильнули к окулярам панорам, чтобы лишний раз убедиться в точности наводки. Томительны последние минуты ожидания. Все ждут. Вот-вот начнется...

Стрелка часов приблизилась к назначенному времени. Поступила команда «зарядить!».

Небо прочертили красные ракеты. Словно оглушительный гром, грянул залп «катюш». Темп стрельбы нарастал. Орудийные расчеты работали четко и сноровисто: подхватывали гаубичные снаряды весом около двадцати двух килограммов, передавали с рук на руки и со звоном посылали в ствол орудия.

На переднем крае противника все рвалось, горело, клубилось, далеко в сторону отлетали обломки оборонительных сооружений. Стоял сплошной гул, командиры орудий уже не слышали команд лейтенанта Соловьева, и ему пришлось подавать их флажком. Стволы орудий еле успевали выкатываться на свое место, как следовал новый выстрел. С грохотом открывались затворы и выбрасывались стреляные гильзы. Вскоре пороховой дым застлал огневые позиции.

То и дело к Соловьеву подбегали командиры орудий и докладывали: «Товарищ лейтенант, основная точка наводки задымлена, перехожу на запасную!» Едкий дым и пороховая гарь проникали в глаза, в дыхательные пути. Наворачивались слезы и душил кашель. Но артиллеристы, казалось, не замечали этого.

С огоньком и задором работали командиры орудий В. И. Рудов, Козлов, Агеев и А. И. Щербаков. Круг их обязанностей был широк: принимали команды контролировали, как наводятся и заряжаются орудия. Кроме того, следили за состоянием стволов: чтобы они не перегревались, прикладывали мокрую тряпку к раскаленным стволам.

От стрельбы орудия подпрыгивали, но наводчики Дойкин, Данков, Мирзабаев и Василенко даже за короткое время между выстрелами успевали поправить наводку.

Артиллерийская подготовка закончилась. Наступила непродолжительная тишина. Дым рассеялся, и видимость улучшилась. За это время наводчики поставили новые установки на прицелах. И вот артиллерия заговорила снова — началось сопровождение наступающей пехоты огневым валом.

Батареи сменили установки, и снаряды стали разрываться на второй траншее. Где же наши солдаты, которые поднялись в атаку? Они в балке. Предстоит овладеть первой линией обороны врага без нашей поддержки. На сердце неспокойно, волнуюсь. В стереотрубу то и дело просматриваю подступы к вражеским окопам. Но вот наконец показались танки и пехота. Противник кое-где открыл беспорядочный огонь, но наши танкисты тут же уничтожили эти точки. Пехотинцы рассыпались по уцелевшим ходам сообщения и траншеям. Первая траншея взята, воины устремились ко второй. Одновременно батареи полка сделали «скачок», и огневой вал переместился вперед. По мере продвижения атакующих целей огневая «стена» переходила от рубежа к рубежу, сопровождая наступающих.

Вдруг в самой гуще наступающих войск 20-й гвардейской стрелковой дивизии начали рваться снаряды. Это внезапно открыла огонь уцелевшая артиллерийская батарея противника. Начальник штаба дивизии В. С. Харламов и вычислитель Б. Д. Баранчиков быстро подготовили установки для стрельбы. Через несколько секунд над тем местом, откуда «огрызалась» вражеская батарея, мы увидели клубы черного дыма.

Откровенно говоря, мне не приходилось видеть такие напряженные дни, как в жарком августе 44-го. Огневые позиции выглядели, как после сильной бомбежки. Справа от орудий валялись горы стреляных гильз, слева — горы ящиков из-под снарядов. Зеленая краска на стволах обгорела и оползла. Из противооткатных устройств капало веретенное масло, и артиллерийский мастер В. Пятов подтягивал сальники, устраняя течь. Недалеко от орудий устало присели солдаты.

К исходу дня наши войска продвинулись на двадцать пять — тридцать километров в глубину обороны противника. Стало известно, что утром 21 августа 7-й механизированный корпус вводится в прорыв, чтобы совершить рейд по тылам врага. Наш полк получил задачу поддерживать боевые действия 63-й механизированной бригады, которая к исходу 22 августа должна была выйти к Пруту и захватить переправу.

Первая половина ночи ушла на дополнительную проверку техники, вторая отводилась на отдых. Но мало кто уснул. Все находились в радостном и возбужденном состоянии.

Когда рассвело, колонны дивизионов спустились в балку, где заняли свои места в колонне 63-й механизированной бригады. Вскоре раздалась команда «вперед!». Взревели моторы.

Поднялись на бугор и оказались там, где еще вчера был передний край. Несмотря на дождь, здесь все еще пахло гарью и дымом. Земля изрыта воронками разных размеров. Чуть дальше, в лощине,—разбитые пушки противника. Тут же валялись радиостанции, катушки с кабелем, телефонные аппараты и другое военное снаряжение.

Подошли к большому саду. Там шел бой, но нас в «дело» не вводили. Даже не приказывали развернуться в боевой порядок.

Часа в четыре опорный пункт фашистов был взят, хотя в отдельных местах бой еще продолжался. Моросил мелкий дождь. По проселочной дороге, вязкой от грязи, мы углубились в тыл противника.

Здесь уже не было соседей ни справа, ни слева, на помощь рассчитывать не приходилось. Артиллеристы не бывали в подобных рейдах, поэтому вначале чувствовалась некоторая скованность. Но это продолжалось недолго. Сложность обстановки вдохнула в бойцов какую-то неведомую силу, вселила собранность, уверенность и деловитость. Все были полны решимости выполнить поставленную задачу. В нашей колонне насчитывалось около пятидесяти танков, пять батарей артиллерии — гаубиц, полтора боекомплекта снарядов по сто двадцать на орудие.

Около шести вечера дождь прекратился, небо прояснилось, начало припекать южное солнце. Песчаная дорога быстро просохла.

Мы двигались всю ночь, только изредка останавливались для заправки машин и осмотра техники. Фашистов на своем пути так и не встретили.

22 августа, около полудня, колонну обстреляли. Раздалась команда командира дивизии капитана Ивана Коростылева: «К бою!». Я продублировал его слова и вместе с начальником штаба дивизиона старшим лейтенантом Харламовым побежал к видневшемуся холму, чтобы оттуда вести наблюдение за обстановкой.

Снаряды рвались около наших позиций, но паники не возникло. Расчеты В. Рудова, А. Щербакова, Козлова, Агеева, И. Ф. Пономаренко тут же открыли от-

ветный огонь. Танки, приданные из танкового батальона, с пехотой на бортах пошли вперед, стреляя на ходу.

Вскоре бой закончился. Оставшиеся в живых гитлеровцы поспешно отошли к Пруту.

А мы продолжали движение. Первый успех окрылил воинов. Очередная схватка с врагом произошла на окраине Леово. Батальон сразу развернулся. Тут же открыл огонь первый дивизион. В это время подошли главные силы бригады, что и решило исход боя.

За Леово дорога начала подниматься вверх; преодолев подъем, стали спускаться. Увидели с машины прибрежные заросли, сквозь которые местами просматривалась серебристая лента реки. Расстояние с каждой минутой сокращалось, и вскоре мы остановились у берега. Это был Прут. Бойцы закричали: «Ура!!!», и этот боевой торжественный клич эхом разнесся вокруг.

Здесь мы заняли круговую оборону. Никто из нас еще не знал, что под Кишиневом началось окружение вражеских войск и что до полного освобождения Молдавии от немецко-фашистских захватчиков остались считанные дни.

А через те прутские рубежи, которые после успешного рейда мы взяли под «ключ», враг не прошел. И сейчас, спустя десятилетия, помню участников тех боев: командира дивизиона Ивана Коростылева, командира батареи Алексея Скороходова, командира отделения разведки Ивана Ярунина, разведчика Сергея Казанджана, водителя Ивана Ануфриенко и многих других боевых побратимов.

В. П. КЛЕСОВ,
гвардии сержант в отставке,
бывший командир зенитно-пулеметного отделени
60-го гвардейского стрелкового полка

ЦЕНОЮ ЖИЗНИ

До 20 августа 1944 года на плацдарме Кицканы — Копанка было относительное затишье. Обычно в таких случаях Советское информбюро передавало: идут бои местного значения. Фронтовики хорошо понимали, что кроется за этой короткой фразой: дуэли орудийных батарей, бомбежки и штурмовые налеты авиации, разведки боем с целью захвата «языка», снайперские перестрелки. Обычные фронтовые будни.

В один из летних дней наш 60-й гвардейский стрелковый полк был отведен в район восточнее Тирасполя на отдых и пополнение. Но это не означало, что мы праздно проводили время. Много внимания уделялось боевой подготовке, проводились различные занятия, учения. Было ясно, что предстоит большое наступление, и мысли об этом воодушевляли, хотелось, чтобы скорее наступил долгожданный день.

В канун Ясско-Кишиневской операции наш полк в составе 20-й гвардейской стрелковой дивизии вышел к селу Ермоклия и окопался на окраине.

Некоторые бойцы даже слегка поворчали: зачем землю рыть, так прочно устраиваться, будто собираемся отсиживаться в обороне. Ведь каждому понятно—будем наступать.

Командир зенитно-пулеметного взвода младший лейтенант решительно пресек разговоры и проследил, чтобы все подчиненные отрыли окопы и огневые ячейки для пулеметов в полный профиль.

Предусмотрительность оказалась не напрасной.

На рассвете 21 августа гитлеровцы обрушили на наши окопы огненный шквал. Потом показались танки.

Поле боя заволокло дымом и гарью. Снаряды кромсали землю. Едкий дым ел глаза и мешал вести прице-

льный огонь по гитлеровцам, бежавшим за танками.

На позиции 60-го полка двигалось свыше 20 вражеских танков. Гвардейцы встретили их плотным ружейно-пулеметным огнем.

Заговорили реактивные минометные установки «катюши» и «андрюши». Залп за залпом били они по скоплениям врага. На поле боя горели «тигры», «пантеры», «фердинанды». Но гитлеровцы упрямо шли напролом, не прекращая натиска.

Так получилось, что сержант Николай Касьянов после первых минут боя остался в окопе один. Все пулеметчики его отделения были ранены и отправлены в тыл. Касьянова тоже дважды зацепили осколки — в предплечье и ногу, но он оставался в строю. Лежал за ручным пулеметом и посылал короткие очереди, приговаривая при этом: «Ну, гад, здесь ты не пройдешь!»

В разгар схватки в его окопе появился Александр Служивый, земляк, односельчанин. Торопливо заговорил:

— Николай, что ты сделаешь своим пулеметом против танков? Давай отходить.

— Паникер,— отрезал Касьянов.— Будем драться здесь. Умрем, а врагу не уступим.

Невдалеке разорвался снаряд. Осколок попал Служивому в руку. В третий раз был ранен и Николай. Опустившись на дно окопа, Александр разорвал рубашку на ленты и перевязал ими рану сержанта. Бинтов у него уже не было.

Преодолевая невыносимую боль, Касьянов вновь прильнул к пулемету. Кончились патроны. Вдвоем поставили новый диск, и Николай снова открыл по фашистам огонь. «Давай, гады, подходи ближе! Я угощаю свинцом! Ну как, вкусно? То-то, знай гвардейцев и наш 60-й полк!»— лихорадочно выкрикивал он.

Поливал фашистов огнем до тех пор, пока оставалось сил. Потом, полуживой, упал на бруствер. А вражеский танк был уже в нескольких метрах от их окопа. Служивый едва успел затащить сержанта в окоп, как танк раздавил пулемет, навалился многотонной тяжестью на окоп. Стало темно, как в погребе. Запахло маслом и гарью выхлопных газов. На дне окопа лежали раненые гвардейцы, а танк вращался, как карусель, на одном месте, стараясь заживо похоронить наших бойцов. Но тут из соседних окопов в него полетели

бутылки с горючей смесью и гранаты. Уже на окоп ефрейтора Гуренко поползли три «тигра». Он прижал к груди теплые гранаты, с возгласом: «Прощай, Родина! Смерть немецким захватчикам!»— подбежал к передней машине. Раздался оглушительный взрыв, танк закружился на месте. Остальные попятились назад.

Ефрейтор Гуренко посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза.

Южнее Ермоклии вновь наступали вражеские танки. На прямую наводку требовалось поставить тяжелые орудия, только их снарядами можно пробить толстую броню «тигров». Но таких орудий не было.

Ефрейтор А. Гусев потребовал стрелять из пулемета по смотровым щелям танков. Но эффекта такой огонь не давал. Громадные и неуклюжие машины медленно надвигались на окоп.

За танками, далеко отстав от них, бежали, пригнувшись, вражеские пехотинцы.

Врага нужно остановить, не пропустить через передний край!

Но что предпринять? Гвардеец долго не раздумывал.

Обвязался гранатами, выскочил из окопа и, пригибаясь к земле, побежал навстречу «тиграм». Вот он сделал последний шаг. Раздался взрыв, бронированное чудовище окуталось черным дымом и огнем.

Ефрейтор Александр Гусев вошел в летопись истории Великой Отечественной войны как Герой Советского Союза.

В разгар боя подоспели тяжелые самоходные орудия. Они прямо с ходу выходили на прямую наводку и открывали огонь по вражеским танкам. Дымными кострами запылали «тигры» и «фердинанды». Уцелевшие танки противника повернули обратно.

Тем временем воины 195-й Новомосковской дивизии под командованием полковника И. С. Шапкина ударили на Ермоклию с фланга.

Гитлеровцы начали беспорядочное отступление.

Сильный узел обороны — село Ермоклия — был очищен от фашистских захватчиков войсками 6-го гвардейского корпуса генерал-лейтенанта Г. П. Котова.

В. А. ТКАЧЕВ,
подполковник в отставке

СОЛДАТЫ

Федор Донков родился и вырос в селе Спасское-Лутовиново Орловской области. С детских лет ему полюбились машины и механизмы. Эта любовь к технике привела Федора в Ленинград, где он стал работать слесарем. Потом началась служба в рядах Красной Армии. Донков научился хорошо водить боевую машину и метко стрелять. Командование направило способного танкиста на курсы младших лейтенантов.

Курсант Федор Донков получил боевое крещение в мае 1939 года в районе реки Халхин-Гол, в сражении с японскими захватчиками. А когда началась Великая Отечественная война, служил в одной из частей Калининского фронта, побывал во многих сражениях, больших и малых.

После разгрома фашистов под Сталинградом лейтенант Донков выехал на один из уральских заводов за новой боевой техникой. Здесь он познакомился с испытателем танков Т-34 и КВ Борисом Макеевым, который был зачислен в экипаж Федора механиком-водителем и прошел вместе с ним весь последующий боевой путь.

Преследуя врага, танковая рота Донкова вышла на берег Днестра. Переправы не бало, враг вел сильный артиллерийский обстрел.

Федор приказал форсировать Днестр. Первым двинулся танк командира роты. За рычагами управления сидел самый опытный механик-водитель старшина Борис Макеев. Он с честью справился с поставленной задачей. За ним уверенно двинулись другие боевые машины.

Освободив Флорешты, танкисты устремились к Бельцам. На подступах к городу обходным маневром зашли

во фланг противотанковой батарее, подавили ее и открыли путь пехоте.

Бои за Бельцы носили ожесточенный характер. Особенно сильное сопротивление фашисты оказывали в районе железнодорожного вокзала. Попытка взять его с ходу не удалась. Тогда Донков дал команду укрыться за железнодорожным полотном и огнем танковых орудий подавить огневые точки врага, очищая от гитлеровцев дом за домом, улицу за улицей. Танкисты вышли на противоположную окраину Бельц. Над городом развивалось Красное знамя освобождения.

1 апреля 1944 года капитан Донков, назначенный заместителем командира танкового батальона, вместе со своими подчиненными совершил стремительный бросок от Фалешт до станции Пырлица и занял там позиции. Противник бросил в контратаку крупные силы пехоты и танки, решив во что бы то ни стало вернуть станцию.

Первым выстрелом Донков насквозь прошил стальную шкуру головного танка. Он стрелял хладнокровно и сосредоточенно. Вот задымилась еще одна машина, за ней — другая, третья. Фашисты попятились, но потом возобновили контратаку.

Капитан Донков получил приказ держаться до конца. В течение двух суток вели наши танкисты неравный бой, удерживая станцию.

Но вот кончились боеприпасы. По радио успел передать: «Умираю, но не сдаюсь». Оставшиеся в живых воины покинули горящие танки. И Донков повел их в рукопашную схватку. А на помощь уже спешили наши подразделения...

Капитан Донков и его боевые товарищи до конца выполнили воинский долг, остались верными военной присяге. За исключительное мужество, стойкость и отвагу, проявленные в боях на молдавской земле, Президиум Верховного Совета СССР от 13 сентября 1944 года посмертно присвоил Федору Трофимовичу Донкову звание Героя Советского Союза. Этого высокого звания удостоился и его механик-водитель старшина Борис Васильевич Макеев, который ныне живет и работает в Москве.

Встречи воинов Н-ской части Краснознаменного Одесского военного округа с учащимися местных школ стали традиционными. Перед ребятами выступают уча-

стники Великой Отечественной войны, отличники боевой и политической подготовки. И звучит слово о ратном мужестве, солдатской доблести.

Затаив дыхание, слушали школьники взволнованный рассказ офицера о бессмертном подвиге командира отделения сержанта А. Шевченко, совершенном в первый день Ясско-Кишиневской операции.

...Война застала его студентом Таращанского сельхозтехникума. Попытка добровольцем уйти на фронт не удалась. По заданию райкома партии Шевченко эвакуировал в тыл тракторы и комбайны. Случилось так, что Александр оказался на оккупированной гитлеровцами территории.

Вместе со своими школьными товарищами Иваном Мовчаном, Виктором Борщенко и Петром Якименко он вступил в партизанский отряд, выполнял различные задания.

В селе Ракитино они ночью подожгли склад с оружием, потом похитили из вражеского эшалона ящики с патронами, переправили их партизанам. Затем разобрали железнодорожный путь на участке Сухолетье—Ракитино, пустили вражеский поезд под откос.

При выполнении очередного задания Иван, Виктор и Петр попали в руки врага. Александру удалось скрыться в лесу. Несмотря на мучительные пытки, юные партизаны не проронили ни слова и были казнены.

Фашисты зверски замучили учителя Саши — коммуниста Белова и его жену, которых он любил, как отца и мать. Часто бывал у них дома, брал книги для чтения.

Многое пришлось пережить молодому партизану. Но были и радостные минуты. С чем сравнить тот день, когда увидел передовые подразделения Красной Армии, гнавшей врага дальше, на запад?..

...Александр попал в действующую армию в январе 1944 года, когда советские войска освободили от врага его родное село Молчановку, на Киевщине. Молодой воин был полон ненависти к немецко-фашистским захватчикам, поклялся жестоко отомстить им за все злодеяния, совершенные на советской земле.

В армии Александр подружился с бывалыми бойцами Василием Смирновым, Николаем Назаровым, Ни-

колаем Обучевым и Валентином Стульгинским. Учился у них мужеству и стойкости, умению воевать.

Часть, в которую попал Шевченко, участвовала в освобождении столицы Украины — Киева, в ликвидации Корсунь-Шевченковской группировки противника. Одной из первых форсировала Днестр и вступила на молдавскую землю.

Александр Шевченко не раз отличался в весенних боях 44-го года. Здесь его приняли в ряды ленинского комсомола. Вскоре избрали комсоргом роты. К тому времени он уже стал сержантом, командовал отделением.

Утром 20 августа 1944 года рота, в которой служил Шевченко, наступала на высоту 183. Враг сильно укрепил ее: опоясал подступы колючей проволокой, ходами сообщений, оборудовал дзоты.

С возгласом «За Родину! Вперед!» Шевченко поднял в атаку отделение. За ними дружно устремилась рота. Над полем боя грянуло мощное солдатское «ура!»

Но в разгар штурма на скате высоты неожиданно застрочил вражеский пулемет. Наши воины залегли. Рота несла потери. Нужно было во что бы то ни стало уничтожить огневую точку.

Как вспоминал потом близкий друг Александра В. Стульгинский, в этот критический момент Шевченко ценой своей жизни решил спасти товарищей. Гранат под рукой у него не было. Тогда воин приподнялся с земли, подбежал к дзоту и закрыл грудью амбразуру. Пулемет врага захлебнулся. Воодушевленные подвигом комсорга бойцы устремились вперед.

Боль и гнев сдавили грудь Стульгинского. «Саша! Саша!»— повторял он дорогое имя и бил из своего автомата фашистов до тех пор, пока не разрядил все диски.

На высоте 183 взвилось Красное знамя. Наступление продолжалось.

Сержанту Александру Евсеевичу Шевченко посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, приказом Министра обороны СССР его имя занесено в списки личного состава части. На вечерней поверке его фамилию называют первой. И в тишине раздается голос правофлангового:

— Герой Советского Союза сержант Александр Шев-

ченко пал смертью храбрых в боях за свободу и независимость нашей Родины.

В казарме есть дорогой сердцу каждого уголок. Там стоит заправленная кровать А. Шевченко, портрет героя у изголовья, на тумбочке всегда живые цветы.

Валентин Карлович Стульгинский после войны остался служить в родной части. И когда знакомил молодых солдат с ратными подвигами однополчан, то подробно рассказывал и о том бое за высоту 183, где покрыл себя неувядаемой славой его фронтовой товарищ А. Шевченко.

...Ночь на 20 августа 1944 года прошла в напряженном ожидании. Но вот уже светлеет на востоке небо. Откуда-то издалека легкий ветерок доносит душистый аромат спелых яблок.

Вдруг тишину раннего утра разорвали мощные залпы орудий. Началось наступление советских войск.

...После захвата высоты 181.0 артиллеристы получили приказ подготовиться к отражению вражеской контратаки. Ждать пришлось недолго. Вдали показались фашистские танки. Они двигались клином, на острие которого был «тигр». Никому из солдат еще не доводилось видеть эти бронированные машины, на которые гитлеровцы возлагали особые надежды.

Раздалось команда: «К бою!» Младший сержант Чагодаев прильнул к панораме, спустя несколько минут грянул выстрел. На броне «тигра» блеснул сноп искр. Снаряд срикошетил. Однако первое попадание заставило врага изменить строй. Словно защищая «тигр», средний танк вышел вперед. В этот момент Чагодаев поймал его в перекрестье прицела...

Танк окутало густым дымом. Запылав, он преградил дорогу остальным машинам. Стараясь его обойти, «тигр» повернул вправо и на мгновение подставил артиллеристам свой борт. Этого оказалось достаточно. Снаряды тут же разнесли броню. Танк судорожно дернулся и застыл на месте.

Остальные восемь вражеских машин открыли огонь по нашему орудию. Но подавить его не удалось. Тогда фашисты решили раздавить советскую пушку гусеницами. Для этого разделились на две группы. Одна двинулась вперед, чтобы прорваться прямо на огневые

позиции, а другая продолжала обстрел, отвлекая внимание артиллеристов.

Бой стал еще ожесточеннее. Чагодаев воодушевлял бойцов, шутил, стараясь перекричать грохот разрывов, что не так страшен черт, как его малюют...

Запылал еще один фашистский танк. Но остальные продолжали наседать.

В эту минуту вражеский снаряд разорвался прямо у орудия. Все бойцы расчета были тяжело ранены. В строю остался командир — младший сержант Чагодаев.

И началась его дуэль с несколькими танками. Петр заряжал, наводил и стрелял. Было невыносимо тяжело. Устали руки, болели глаза, разъедаемые дымом.

Старался бить наверняка. Вот еще один танк замер на месте и окутался дымом. Чагодаев прицелился в другую машину. Снаряд угодил в лобовую часть.

Петр вытер рукой вспотевшее лицо. Сколько времени прошло? Десять минут? Полчаса? Час? А где же наши?

И как бы в ответ на этот вопрос услышал сзади рокот моторов. В изнеможении оперся рукой об орудие. Свои...

Уцелевшие фашистские машины повернули назад.

Так закончилось единоборство артиллериста П. Чагодаева с вражескими танками. За беспримерный подвиг, совершенный в дни Ясско-Кишиневской операции, Родина удостоила его высокой награды — звания Героя Советского Союза.

Когда грянула война, Филипп Зеря был студентом Киевского планово-экономического института. Вскоре его призвали в армию. Но направили не на фронт, а в Харьковское танковое училище. Через год окончил его с отличием.

Летом 1942 года молодой лейтенант прибыл на Калининский фронт. Здесь и получил боевое крещение. На одном из участков гитлеровцы бросили в атаку до батальона пехоты. Ее поддерживала противотанковая артиллерия. Наши воины вынуждены были отойти.

На помощь пехотинцам прибыл взвод легких танков Т-70 под командованием лейтенанта Ф. Зери. Танкисты сходу ринулись в контратаку. Меткими выстрелами Филипп уничтожил несколько вражеских орудий,

истребил более 30 гитлеровцев. Положение было восстановлено.

Бой уже шел к концу, когда вражеский снаряд угодил в командирский танк. Механик-водитель был тяжело ранен. Машина вспыхнула. Под огнем противника лейтенант вытащил своего товарища из горящей машины, сбил огонь с комбинезона и доставил раненого в медсанбат. После этого боя на груди лейтенанта Ф. Зери засияла первая награда — орден Красной Звезды.

Участвовал Зеря и в обороне Ленинграда, где был ранен. После госпиталя, весной 1944 года, прибыл на 3-й Прибалтийский фронт. Рота тяжелых танков, которой он командовал, освобождала от врага Псков и Остров.

В составе 49-го гвардейского полка 6-й гвардейской танковой армии старший лейтенант Зеря участвовал в Яссо-Кишиневской операции. Филиппу Федоровичу очень хотелось быть среди тех, кто освобождал Кишинев. Но, как говорится, не довелось — их часть прошла с боями севернее столицы Молдавии...

Как-то вызвал его к себе командир полка:

— А что, Зеря, не прогуляться ли тебе в расположение фашистов?

— Я готов,— ответил старший лейтенант.

— Дело серьезное, не горячись. Садись, обдумаем.

Командир полка рассказал, что в глубине обороны гитлеровских войск есть крупный аэродром, на котором базируются фашистские самолеты, бомбящие наши части.

— Надо захватить этот аэродром, удержать его до подхода наших,— поставил задачу командир полка.

Ночью рота тяжелых танков с десантом автоматчиков под командованием Ф. Зери ушла в рейд. На рассвете танкисты подошли к назначенному месту и захватили аэродром противника. Ни один из тридцати находившихся там фашистских стервятников не поднялся в воздух. За образцовое выполнение задания командования Филипп Федорович был удостоен ордена Отечественной войны I степени...

Потом были новые бои. После одного из них старший лейтенант Ф. Зеря в часть не вернулся. Предпринятые поиски ни к чему не привели. Родные танкиста получили извещение о том, что он пропал без вести. Но Зеря остался жив. В тяжелом состоянии его подо-

брали санитары соседнего подразделения. Целый год врачи боролись за жизнь офицера. Сделали пять сложных операций, в результате которых извлекли множество осколков. Но более двадцати так и остались в теле как горькая память о войне.

Осенью 1945 года старший лейтенант запаса Ф. Зеря приехал в Кишинев, стал работать на железной дороге. Ныне является сотрудником штаба ГО Молдавской ССР, активно участвует в военно-патриотической работе.

М. З. РОГОВОЙ,
бывший военврач
248-й стрелковой дивизии

НОЧНАЯ ВСТРЕЧА

Ночь. Сильный ветер бил по стеклам крупными каплями дождя, большими хлопьями мокрого снега. У самого уха раздался телефонный звонок. «Вот леший! Кому не спится, в такую ночь?»— подумал я. А когда поднял трубку, услышал певучий голос: «Квартира Рогового? Ты, Миша?» Это же мой друг Александр Забурунов, с которым прошел длиный путь по фронтовым дорогам! Оказывается, проездом в нашем городе. Какие еще могут быть разговоры! Мчусь на аэродром. Спасибо, самолет, на котором Забурунов летел из Москвы, где был на курсах усовершенствования врачей, сделал вынужденную посадку. Какой он молодец, что сразу позвонил.

— Нет худа без добра,— радостно говорю Александру,— поедем ко мне домой, отдохнешь, поговорим, а утром — будет погода, полетишь домой.

Но, видимо, не судьба: тут объявили, что через сорок минут полет будет продолжен. И мы, понимая, что времени в обрез, стали вспоминать о фронтовых годах, мысленно перенесясь в те дни, когда бои шли на молдавской земле.

...Группа медсанбата должна была выдвинуться ближе к передовой, развернуть хирургическое отделение и начать принимать раненых.

Так гласил приказ по 248-й стрелковой дивизии, который только что подписал начальник штаба Г. Ф. Коняшко. Но ведущий хирург 277-го отдельного медико-санитарного батальона Забурунов лишь мельком просмотрел документ и сразу отложил в сторону, а сам продолжал что-то искать на карте.

— Володя,— обратился он к смуглому энергичному капитану медслужбы Динерману,— ведь Калфа еще занята врагом.

— Да, раненые из 905-го полка рассказывали, что там идут ожесточенные бои. Вот-вот наши прорвут оборону фашистов.

— А я рассчитывал, что мы сможем выдвинуться к этому селу,— задумчиво произнес Забурунов.— Ничего, в любом случае будем держаться поближе.

В медсанбате уже готовились в дорогу. Раиса Варенова вместе с другими медсестрами укладывала большой и малый хирургические наборы, стерилизаторы, перевязочный материал, шины и прочие предметы, вещи, которые всегда нужны передовой группе.

И вот по извилистой дороге несется старенькая санитарная машина, оставляя шлейф густой пыли. Отчетливо слышна автоматно-пулеметная стрельба — значит, Калфа недалеко.

За виноградниками виднеется какое-то село.

— Там и развернем свое хозяйство,— распорядился Забурунов.

— Это даже не село,—заметила медсестра А. Н. Аверьянова,— а хутор.

— Скорее пятачок,— добавил Динерман.

И действительно, несколько хат, утопающих в зелени плодовых деревьев и виноградников, напоминали своеобразный пятачок.

В хатах ни души. Чисто убранные, они повеяли домашним уютом. В одном из них расположили хирургическое отделение. На свежем сене. На нем расстелили палатки, расставили носилки.

С передовой начали поступать раненые. Через некоторое время из операционной уже доносился знакомый голос Забурунова: «Йод, скальпель...» Ему ассистирует Володя Динерман. На операционном столе старший лейтенант Я. Савченко — у него тяжелое ранение брюшной полости. Смотришь на спокойные лица хирургов, уверенные движения их рук и кажется, что они не слышат близких разрывов снарядов.

Неожиданно раздался предостерегающий возглас: в винограднике фашисты, они уже пробирались к крайней хате.

Медлить нельзя. Вместе с Вареновой, которая не была занята на операции, выздоравливавшие бойцы, заменявшие санитаров, заняли оборону.

Никогда я не видел Раису такой сосредоточенной, спокойной. Она заняла удобную позицию и руководила

боем, как настоящий стрелковый командир. Солдаты беспрекословно выполняли ее приказы. Раздавались дружные автоматные очереди.

— Миша,— слышу беспокойный голос Раисы,— как там в операционной?

Не знаю, как уговорить Варенову уйти в безопасное место: прикинул, что и сами можем справиться с гитлеровцами. Попытался намекнуть, но даже слушать не хочет.

Заметил, как несколько вражеских солдат бросились в сторону Раи. Думали, небось, дрогнет. А она хладнокровно нажимает на пусковой крючок. Один гитлеровец пошатнулся, упал, второй...

Закончив операцию, Забурунов и Динерман, на ходу срывая маски с лица, бросились к винограднику. Бежали на помощь, а увидели двух обезоруженных офицеров в сопровождении нашей Раисы. Ее смуглое лицо сияло.

Под раскидистыми кустами остались лежать несколько раненых фашистов. Как же поступить с ними?

— Будто без них работы не хватает,— с досадой сказал Забурунов и приказал нести в операционную. Не знаю, какое чувство было у Александра, когда он оперировал фашистов, но вскоре они уже лежали на носилках среди наших бойцов.

В это время появился начальник штаба дивизии Коняшко. Услышав стрельбу на хуторе, он срочно взял автоматчиков и лично решил узнать, что случилось. Когда приехал, каждый из медиков уже занимался своим делом. Только два безоружных гитлеровца кричали: «Гитлер капут!» Наши бойцы смеялись. Что ж, в данном случае мы с фашистами были вполне солидарны.

А потом наша передовая группа переместилась в Калфу. Тот пункт, который Александр пометил на карте. Правда он искал уже новую точку, чтобы не отстать от основных сил.

Диспетчер объявил посадку в самолет. Мы крепко обнялись. «До встречи, Александр»,— сказал я.

Пройдя метров десять, Забурунов обернулся и крикнул:

— Рая Варенова, Володя Динерман...

Больше ничего не добавил. Но я и так понял. Мой фронтовой друг высказал самое сокровенное: вот бы подарила судьба и с ними встречу!

И. С. НЕВРЕВ,
полковник в отставке,
бывший начальник радиостанции
134-го Рощугского ордена Богдана
Хмельницкого пограничного полка

В ПРИФРОНТОВОЙ ПОЛОСЕ

Летом 1944 года наш полк был придан 5-й гвардейской ударной армии, которая вела бои на молдавской земле.

В связи с подготовкой войск к предстоящему наступлению и для избежания ненужных потерь среди местных жителей по решению военного совета 3-го Украинского фронта было начато переселение гражданского населения из 25-километровой прифронтовой полосы.

За две недели Совет Народных Комиссаров Молдавской ССР и исполком Одесского областного совета депутатов трудящихся эвакуировали в тыловые районы жителей 118 населенных пунктов. В опустевших деревнях оставались выделенные сторожа для охраны имущества и посевов.

Гитлеровская разведка проявляла особый интерес к прифронтовой полосе, пыталась через эти безлюдные районы засылать агентуру. Кроме того, она усиленно создавала фашистское подполье среди немцев-колонистов, проживающих в некоторых районах Одесской области. Свою агентуру в так называемой «Транснистрии», т. е. на оккупированной заднестровской территории, насаждала и румынская разведка. В отселенных деревнях нередко скрывались изменники Родины, бандиты, мародеры и другие преступники.

Пограничникам была поставлена задача обеспечить установленный порядок в особой зоне, пресечь враждебную деятельность в тылу советских войск. В частности, наш полк в то время держал под контролем территории Тираспольского и Григориопольского районов Молдавской ССР, Раздельнянского, Цибриковского и Гросуловского районов Одесской области.

Заставы получали определенные участки, в течение

10—15 суток днем и ночью проверяли населенные пункты, лесные массивы, поля и огороды. Через два-три дня переходили в другие районы. Поэтому их тогда называли кочующими заставами. От себя они высылали разведывательно-поисковые группы (РПГ), патрули, дозоры, засады, на переправах и дорогах выставляли контрольно-пропускные пункты (КПП).

Старшие нарядов были обеспечены специальным удостоверением: «Предъявитель сего имеет право проверять документы у всех без исключения лиц, как гражданских, так и военных, передвигающихся в прифронтовой полосе, подозрительных задерживать». Для передвижения в отселенной зоне вводился специальный пропуск.

Большую помощь нарядам в поддержании прифронтового режима оказали местные жители из бригад содействия пограничным войскам.

Об умелых и четких действиях пограничников в особой зоне говорят такие примеры.

Пыльные дороги, балки, виноградники. Наши разведывательно-поисковые группы цепью, а где и в колонну по одному прочесывали населенные пункты отселенной полосы. В РПГ находился и автор статьи, обеспечивая радиосвязь начальнику заставы с командиром батальона.

В одном из сел сержант В. С. Бахромкин заметил в окне дома чью-то фигуру. «Кто может быть в нежилой хате?»— подумал он. Дернул за дверь, но она оказалась закрытой изнутри. Постучал в окно — молчание. Тогда Бахромкин позвал солдат и приказал взломать дверь. Тут она открылась, и на крыльце появился мужчина в форме старшины Советской Армии.

— Почему долго не открывали?

— Я в командировке, заготавливаю продукты, а сейчас спал после выполнения задания.

— Предъявите документы!

Он протянул командировочное предписание и красноармейскую книжку, назвал номер части, но рассказать толком о ее дислокации не смог.

— Неужели ваш командир не знает, что здесь особая зона?— спросил сержант.

Неизвестный молчал. Его задержали. После выяснили, что это был агент фашистской разведки, интересующийся переброской наших войск в районе Днестра.

Патрульные сержант Д. М. Доронин, рядовые И. М. Киколенко и В. Н. Белоненко заметили на станции Ивановка мужчину, который внимательно приглядывался к проходящим воинским эшелонам. Попросили предъявить документы. И установили, что его давно уже разыскивают советские органы. Бывший кулак Николаенко*, ставший во время оккупации агентом вражеской разведки, пробрался к линии фронта, чтобы передать своим хозяевам сведения военного характера.

Враг был хитер и опытен в подрывной деятельности. Свою агентуру он обеспечивал искусно сфабрикованными документами. Красноармейские книжки, офицерские удостоверения, командировочные предписания по внешнему виду ничем не отличались от тех, какие выдавались советским военнослужащим. Но в наших удостоверениях и книжках были еле заметные специальные знаки, подтверждающие реальность документов. Они часто менялись, проставлялись в разных словах, листах и бланках. Об этом хорошо знали пограничные наряды. Это и помогало обнаружить врага.

Как-то в селе Малаешты старший дозора сержант С. В. Стальниченко остановил военнослужащего. Тот спокойно предъявил красноармейскую книжку и командировочное предписание. Действовавшего в то время условного знака в книжке не было. Это насторожило пограничников.

— Вам придется пройти с нами. Мы хотим позвонить в часть и уточнить, с какой целью вас направили сюда,— сказал Стальниченко.

Задержанный начал волноваться, протестовать, доказывать, что он выполняет важное задание командира. Отказывался идти на заставу.

Подозрение наряда подтвердилось. Под солдатской формой скрывался шпион, который собирал сведения о дислоцировавшейся в поселке воинской части.

С особой бдительностью охранялся район между Григориополем и железной дорогой Раздельная — Котовск.

«Направляя девятую заставу в Карманово, командир предупредил: «Задание ответственное, глядеть в

---

* Фамилии агентов и пособников врага изменены, т. к. неизвестны их дальнейшие судьбы (прим. автора).

оба, ни одна птица не должна пролететь незамеченной»,— вспоминает бывший командир отделения, ныне журналист В. К. Юдин.— Мы не знали замысла командования, но солдатским чутьем угадывали: намечается что-то важное, требующее особой секретности.

Вскоре в лесопосадке появились орудия, танки, задымили солдатские кухни. Чаще стала наведываться «рама»— вражеский самолет-разведчик,— которую отгоняли дружным огнем наши зенитчики.

А потом рядом с настоящими танками и пушками появились деревянные макеты. Часто совершались ночные и дневные передвижения войск.

Позже мы узнали, что в этом районе проводились ложные маневры с целью обмануть противника, ввести его в заблуждение относительно замыслов советского командования в Ясско-Кишиневской операции. Ведь тогда основные силы сосредоточивались на Кицканском плацдарме, а здесь создавалась видимость концентрации войск на кишиневском направлении.

Об этом, повторяю, узнали позже. А тогда, не жалея сил, охраняли этот участок. С особой тщательностью проверяли документы у всех, независимо от чинов и рангов.

Однажды наш дозор оказался на окраине Комаровки. Рядовые В. С. Зайцев и Ф. И. Романенко по улице шли рядом, внимательно смотрели по сторонам. Уже при выходе из села заметили в саду человека. Спускающиеся до земли ветки с дозревающими плодами помешали разглядеть, чем он там занимается.

Но вот, пригибаясь и озираясь по сторонам, неизвестный выскочил из сада и спрятался за копной скошенной пшеницы. Видимо, задумал скрыться. Но наши ребята сразу разгадали замысел беглеца. Когда мужчина попытался проскочить к другой копне, Зайцев крикнул: «Стой, буду стрелять!» Задержанный оказался фашистским агентом, заброшенным в наш тыл.

Были и такие случаи. Возвращаясь на заставу с боевого задания, старший сержант И. М. Стормажев встретил военнослужащего с забинтованной головой. Его страдальческий вид, проступившая через бинты кровь вызывали сочувствие. «Долго придется бедняге валяться по госпиталям»,— подумал пограничник. Но, подойдя ближе, заметил, как настороженно посмотрел на него искалеченный сержант. «Свой своего не должен

бояться, здесь что-то не так»,— мелькнула мысль. Задержал, привел на заставу.

И тут выяснилось, что у «бедолаги» нет ни ран, ни царапин, а бинты просто подкрашены. Установили его личность: агент румынской сигуранцы Воронок, выдавший во время оккупации шесть советских активистов, из которых четверо были расстреляны. Он получил задание остаться на освобожденной территории, пробраться в одну из воинских частей и собрать о ней сведения.

С подобной маскировкой наряды встречались часто. Видимо, те, кто посылал к нам «раненых», надеялись на снисходительность, считали, если видна кровь на бинтах, то и проверять не будут. Пограничники умели распознавать врагов в любой форме. Помнили добрые советы писателя И. Эренбурга: «Если ты поймаешь одного немецкого диверсанта, ты спасешь тысячи советских жизней. Если ты раскроешь одного немецкого шпиона, ты поможешь выиграть большую победу». В борьбе с вражеской агентурой действовали смело, решительно.

В июле 1944 года проводилась комбинированная операция по очистке армейского тыла не только в особой зоне, но и в районе вторых эшелонов армии. Действия пограничных нарядов согласовывались с разведотделами частей, а в некоторых прочесах участвовали и стрелковые подразделения.

Совместными усилиями маневренной группы полка и стрелковой роты 295-й стрелковой дивизии были ликвидированы две группы парашютистов-диверсантов.

Одну из них возглавлял некий Орлов, носивший форму лейтенанта Красной Армии. Взрывами мостов, поджогами эшелонов с горючим, выводом из строя системы управления диверсанты намеревались парализовать движение поездов на станции Мардаровка, затормозить перевозку военных грузов и пополнения.

Вторая группа имела задание подорвать в нескольких местах железнодорожное полотно на участке Мардаровка — Затишье, пускать под откос эшелоны.

Коварные замыслы врага не осуществились. Армейский отдел контрразведки «Смерш» заранее знал об этих планах, своевременно информировал командование полка о времени высадки. А когда диверсанты приземлились, их сразу же арестовывали.

Смекалку и военную хитрость проявляли наряды в борьбе с разными бандитами, скрывающимися в тыловых районах. Находясь в дозоре, пограничники С. Д. Харин, И. К. Дуркин, Н. Н. Скребнев остановили подводу, в которой сидело девять солдат.

— Предъявите документы и пропуск,— потребовал Харин.

— Какие тебе документы? Разве не видишь, что мы едем к фронту,— ответил старшина, вставая с повозки. На самом деле они находились далеко от фронта, скрываясь в балках и лесопосадках. Никакого пропуска и документов не оказалось. Пограничники потребовали следовать с ними.

Тот же старшина, а он, видимо, был старшим в этой группе, в резкой форме заявил: «Никуда мы не пойдем и рядовым пограничникам не подчинимся». И крикнул своим: «К бою!»

Следует отметить, что в то время многие главари бандитских шаек часто носили старшинские или офицерские погоны. Старшие наших нарядов, как правило, были в звании сержанта или старшего сержанта. Отдельные бандиты, используя мнимое превосходство в воинском звании, пытались оказать на пограничников психологическое воздействие, отказывались подчиняться, а другие при этом даже командовали: «Пограничник, смирно!»— и под шумок старались удрать.

Так произошло и теперь. Предвидя неизбежность столкновения, Харин миролюбиво сказал: «Мы пошутили и задерживать вас не собираемся. Просто приглашаем вас в деревню угостить вином».

«Старшина» вроде бы поверил, но с собой взял двух подчиненных. Так Харин привел на заставу трех бандитов в солдатской форме. Высланным дополнительным нарядом были задержаны остальные. За находчивость и смелость, проявленные при задержании опасных преступников, С. Харин был награжден орденом Красной Звезды, а И. Дуркин и Н. Скребнев медалями «За отвагу».

Большую помощь нашим частям на днестровских плацдармах оказывали снайперские команды полка.

Снайперов-пограничников обычно распределяли по ротам и батальонам. А воинов, которыми командовал лейтенант Н. А. Адров, направили на самый ответственный участок — в село Шерпены.

Ведя непрерывные бои, наши части здесь несли большие потери. А фашисты беспрерывно атаковали. Поэтому командиры были особенно рады снайперскому пополнению.

— Только будьте внимательны и бдительны,—предупредили они.—Здесь активно действуют опытные гитлеровские снайперы с отличительным знаком — лилия с дубовыми листьями.

Передний край проходил по окраине села. На одной улице оборонялись наши, на другой, через 150—200 метров, находился противник. Снайперская охота начиналась рано утром и заканчивалась с наступлением темноты. До рассвета устраивались в окопах или на чердаках домов, тщательно маскировались и ждали появления фрицев. Ночи были холодные, с реки дул пронизывающий ветер. В такую погоду по нескольку часов лежали без движений. Через оптический прицел наблюдали врагов, выискивали цели покрупнее: офицеров, пулеметчиков, наблюдателей.

«Помнится, вместе с рядовым Г. Г. Пантелеевым мы внимательно следили за передвижением немцев около церкви,— вспоминает старшина в отставке Р. И. Брамук.— Среди них часто появлялись офицеры. Как позднее выяснилось, там находился штаб. Меткими выстрелами уничтожили нескольких фашистских командиров». Враги сразу почувствовали прибытие снайперов. Стали реже находиться на открытой местности, передвигались перебежками и по-пластунски.

Наши ребята с честью выдержали поединки с вражескими снайперами. Как и положено, часто меняли огневые позиции, чтобы не получить ответную пулю. Через два-три дня уходили в другие подразделения.

Как-то сержант В. И. Чадайкин уничтожил корректировщика огня. В то же время рядом срикошетила пуля. По звуку можно было определить, что враг сидит недалеко и после каждого выстрела меняет ячейку.

— Хитер, ничего не скажешь, но мы посмотрим, кто хитрее,— сказал напарник В. А. Корнеев и предложил свой план. Через полчаса он установил чучело на волокуше и начал тянуть за веревку, а Чадайкин со своей позиции вел наблюдение.

Не обнаружив подвоха, фашист выстрелил. Корнеев дернул за веревку, чучело упало. Фриц уже торжество-

вал победу и, пренебрегая опасностью, высунулся из окопа. Тут и грянул меткий выстрел Чадайкина.

Другого снайпера перехитрил сержант С. В. Стальниченко. Фашист редко, но метко стрелял из-за реки и вывел из строя трех наших бойцов. «Надо снять этого подлеца,— решил Сергей Васильевич.— Но где он? Как заставить фрица обнаружить себя?» Помогла смекалка.

— Я набил гимнастерку сеном, надел на чучело каску и прикрепил две бутылки. За рукава привязал веревку и начал тянуть. Над бруствером появилась голова с бутылками. Солнечный свет отражался о их дно, создавая видимость стекол бинокля,— рассказывал позже Стальниченко.— Первым выстрелом фашист разбил бутылку. Я опустил чучело, вставил другую, поднял снова. Вторая пуля угодила в каску. Напарник ефрейтор Н. А. Шляхов наблюдал со стороны и заметил дымок в ветках дерева на противоположном берегу.

— Сейчас мы заставим его спуститься на землю,— сказал Стальниченко. Два снайпера открыли беглый огонь. Гитлеровец испугался свистящих пуль, зашевелился, юркнул вниз. Очередным выстрелом Стальниченко прикончил аса с дубовыми листьями.

Удачным оказался и второй день охоты. Огневую позицию сержант Стальниченко оборудовал на высоком орехе, замаскировался в его листьях. Между двумя ветками протянул солдатский ремень, сделал хороший упор для винтовок.

Вскоре на той стороне реки в переулке замелькали солдаты. В оптический прицел были хорошо видны их фигуры с котелками. Одни шли к кухне, другие отходили с горячим супом.

— Стреляй, снайпер, чего ждешь?— настаивал наблюдавший за его действиями старший лейтенант.

— Подождем еще минут пять, они от нас не уйдут,— ответил Сальниченко.

К кухне подошел офицер, подал какую-то команду. Около двух десятков солдат выстроились в очередь. Повар стоял на подставке, быстро наполнял котелки. В него и прицелился сержант. Выстрел прогремел, когда тот замахнулся черпаком. И рухнул с головой в котел. Солдаты стали разбегаться. За считанные минуты Стальниченко уничтожил еще семь фрицев.

25 зарубок сделал в те дни на прикладе винтовки

Сергей Васильевич. Это значит, что он один уничтожил взвод оккупантов.

Летом 1944 года снайперские группы неоднократно выезжали на передний край в части 5-й гвардейской ударной армии.

Находясь длительное время в обороне, гитлеровцы глубоко зарывались в землю, создали густую сеть ходов сообщения и блиндажей. На поверхности они появлялись редко, и поймать их на мушку становилось все труднее и труднее. Наши снайперы проявляли большое умение, терпение и выдержку, выжидая фашистов. А ждать их приходилось подчас долго.

Три часа наблюдал за вражеским пулеметным расчетом сержант Б. Б. Ибадов. Пулемет, тщательно замаскированный на склонах высотки, короткими очередями обстреливал нашу оборону и затихал. В полдень пулеметчик выскочил из окопа и направился в землянку. Но он не дошел—одним выстрелом снайпер пригвоздил его к земле.

Фрицы поняли, что имеют дело с опытным стрелком, начали хитрить. Примерно в 40 метрах от пулемета замелькали каски, потом одна из них появилась над окопом. Ибадов лежал неподвижно и наблюдал. Под вечер гитлеровцам надоело фокусничать, и они стали поодиночке перебегать в соседний блиндаж. Пограничник сумел убить еще двух фашистов.

Свой личный счет врагу открыла на плацдарме и девушка-снайпер Зина Архипова. «Зашла я в развалившуюся хату, укрылась за печкой и стала наблюдать через маленькое окно,— вспоминает она.— Долго ждала. Наконец увидела одного фашиста, определила до него расстояние и только стала целиться, а он возьми и скройся. Обидно стало. Но тут он появился вторично. Больше ему не пришлось прятаться».

От метких пуль отважной связистки тогда нашли смерть 28 гитлеровцев.

Хорошо изучил повадки вражеских снайперов старшина П. Г. Мельников. На плацдарме он особое внимание обращал на маскировку и на умелое маневрирование, т. е. своевременную смену огневых позиций. Никогда не ленился, везде оборудовал по три запасных ячейки.

За первые три дня истребил 11 оккупантов, а на четвертый заметил, что за ним охотятся. Пришлось неодно-

кратно менять позиции. В итоге еще 12 врагов отправил на тот свет и сам отстался живым. Петр Григорьевич довел личный счет до 55 убитых фашистов. Он был награжден орденами Славы III и II степени.

Лютая ненависть к врагу переполняла душу санинструктора Вали Бордуновой. Она прибыла на передовую убивать гитлеровцев за их издевательство над близкими, родными, за горькую долю ее подруг, угнанных в проклятую неметчину. Первой среди пограничных снайперов Валя вышла на охоту в ночное время и при лунном свете уничтожала фашистов. Зимой и весной 1944 года на ее боевом счету появилось 26 убитых врагов, она была награждена орденом Славы III степени и медалью «За отвагу».

Трудный поединок с вражескими снайперами выпал на долю рядовых А. Ф. Михалькова и И. М. Чеканина.

— На левом фланге обороны засел фашистский снайпер, который убил и ранил пять красноармейцев,— предупредил командир взвода.— Будьте осторожны.

Долго наблюдали наши ребята, но снайпер как в воду канул. Лишь на второй день он выстрелил по нашему офицеру, но промахнулся.

«Я сразу засек его огневую точку и стал ждать,— говорит Михальков.—Фриц поднял какую-то фигуру. Я не стрелял. А когда вражина сам выглянул, снял с первого выстрела. Больше он не беспокоил наш взвод».

Против Чеканина действовала снайперская пара. Один из них вызывал огонь на себя, а другой стрелял. Чеканин убил первого снайпера, но другой засек и его. Михальков предлагал сменить позицию, но напарник не послушался. И поплатился жизнью: вражеская пуля попала в шею.

«Два дня я выслеживал убийцу друга и поймал его на мушку»,— закончил свой рассказ Михальков.

Пример бесстрашия и снайперского мастерства показали коммунисты Б. К. Бондаренко и Н. М. Старостин. Заметив скопление машин и пехоты, они выдвинулись вперед и с расстояния в 100 метров уничтожили 15 фрицев, в том числе двух снайперов и трех шоферов. При перестрелке Бондаренко был ранен, но в санчасть не ушел, продолжая бить оккупантов.

По 60—70 пограничных снайперов находилось весной и летом 1944 года среди защитников плацдарма. Фашисты методично обстреливали передний край из

орудий и минометов, бомбили с воздуха, часто контратаковали, пытаясь сбросить в Днестр оборонявшиеся части. Вместе со стрелковыми ротами пограничники принимали участие в отражении гитлеровских атак.

За это время нашими снайперами уничтожено до 1500 солдат и офицеров противника*.

При освобождении молдавской столицы в войсках 5-й гвардейской ударной армии находились два пограничных батальона и оперативно-чекистская группа капитана К. А. Ковалева. В составе группы были 4-я застава, автоматный взвод маневренной группы, пять разведчиков, саперы, химики и местный проводник-маршрутник — всего 70 человек. По замыслу она должна вместе с передовыми частями ворваться в город и сразу же организовать поиск и задержание агентуры противника.

К этой операции участники группы готовились заранее. Капитан Ковалев и начальник заставы лейтенант П. И. Щерба провели специальные занятия о действиях служебных нарядов в уличных боях и при задержании агентов. Изучили разведданные штаба армии и полка, с помощью проводника уточнили маршруты движения.

Рано утром 23 августа автоматчики двинулись к городу. Шли пыльными проселочными дорогами. Нещадно палило солнце. Солдатские гимнастерки сначала потемнели от пота, а потом стали серыми от пыли и выступившей соли.

К городу спешили вторые эшелоны армии. Танкисты и артиллеристы на большой скорости мчались вперед, обдавая пограничников пылью и газами.

Где-то на полпути заметили пробиравшуюся через виноградники группу фашистов. Замполит мангруппы старший лейтенант П. В. Смирнов послал одно отделение отрезать им путь к отступлению. В короткой перестрелке враги были уничтожены. Пограничники вышли на дорогу, ускорили шаг.

К вечеру прибыли на окраину Кишинева. Справа и слева раздавались пулеметные очереди, шли уличные бои.

Встреча автоматчиков с основными силами группы назначалась у гостиницы «Турист», но в здании еще

---

* Центральный архив пограничных войск (ЦАПВ), ф. 396, оп. 1, д. 1, л. 2, 3, 5.

находились гитлеровцы. Вместе с пехотинцами пограничники обошли дом с тыла, забросали фрицев гранатами.

Продвигаясь вперед, группа Ковалева уничтожила в городе 60 и пленила 40 вражеских солдат*. И сразу же двинулась по следу скрытых врагов.

Кратчайшим путем пограничники вышли к городской кестуре (румынской полиции) и другим учреждениям оккупантов. Враг в спешке бежал и не успел уничтожить некоторые документы. Капитан Ковалев приказал тщательно обыскать помещения. Нашли и собрали порванные клочки бумаги, обгоревшие папки и по ним установили фамилии отдельных агентов и изменников Родины.

Четыре дня продолжалось всестороннее прочесывание города и освобожденных районов. В этих операциях участвовали все подразделения, кроме первого батальона, который временно охранял переправы через Днестр на участке Маловатое — Григориополь.

По захваченным документам были задержаны опасные агенты и пособники фашистов, пресечена деятельность многих лазутчиков и преступников.

Чтобы отвести подозрения от своего агента Блуда, румынские власти судили его, якобы за дезертирство из армии, сажали в тюрьму. Оставшись в городе, он познакомился с женщиной Куценко и завербовал ее для шпионской работы. Они появлялись в расположении воинских частей, вступали в разговоры с военнослужащими, пытались собрать нужные сведения.

Честные советские люди сообщили разведчику старшему лейтенанту Т. М. Завалишину о настойчивой любознательности агентов, подсказали, где их искать. Наряд во главе с рядовым Д. В. Яковенко двое суток сидел на чердаке соседнего дома, наблюдая за квартирой Куценко. Только в следующую ночь она пришла домой и была арестована. Помощница назвала адрес «шефа», которого утром задержали на другой окраине города.

Как-то дозорные М. Ф. Артаков и Ф. П. Чернявский заметили на улице молодого мужчину в рваной одежде. Увидев пограничников, тот попытался скрыться. Догнали, потребовали документы.

«Паспорт нет»,— ответил он на ломаном русском языке.

---

* ЦАПВ, ф. 396, оп. 1, д. 1, л. 7, 16.

Привели на заставу и тут обнаружили под дырявым плащом военный мундир. Так был задержан фашистский солдат.

У рядового Н. А. Спасибо была скромная должность — ездовой. Как-то выгнал он своих коней в поле подкормить травкой. Вдруг подбегают мальчишки: «Дядя, там в селе скрывается бывший полицай».

Солдат быстро перезарядил карабин и к председателю сельсовета.

— Надо задержать,— бал короткий ответ. Вместе зашли в дом, обыскали все комнаты, чердак и нашли предателя в специально вырытой яме. При опросе задержанный указал еще трех полицаев. Теперь солдату потребовалась помощь. С бойцами истребительного отряда он вытащил из подвалов и этих предателей, доставил начальнику оперативно-чекистской группы. Один из них оказался агентом румынской разведки.

В другом селе к сержанту В. К. Высоцкому обратились две женщины: «Мы несколько раз видели мужчину, которой интересовался артиллеристами, спрашивал, где они стоят». Уточнили внешность: невысокий, 45—50 лет, черные усы.

А вечером пограничники напали на его след. Оказалось, он часто переходил из села в село и везде расспрашивал о военных. Теперь об этом наряду рассказали ученики, показали дом, где иногда ночевал «дядя с черными усами». Пять часов сидели пограничники в засаде и глубокой ночью арестовали агента румынской разведки.

В Котовском районе при проверке пограничники зашли во двор крестьянской усадьбы. Старший группы офицер П. В. Смирнов приказал рядовому Ф. И. Калюжному остаться у ворот и наблюдать за улицей.

Вскоре на ней показались двое одетых под пастухов, в руках длинные палки.

Ф. Калюжный немедленно доложил о них Смирнову. Тот приказал приготовиться к задержанию.

Неизвестные продолжали идти, о чем-то беседуя. Поравнявшись с двором, в котором залегли пограничники, они словно почувствовали опасность: вдруг остановились, стали осматриваться, куда бы сткрыться. Но поздно: на них были нацелены шесть автоматов.

За пазухой у каждого нашли пистолет немецкого образца, а в мешке у одного — ракетницу и десять раз-

ноцветных ракет. Это были вражеские лазутчики-корректировщики.

Возвращаясь на заставу, сержант В. П. Шалин, ефрейтор В. Ф. Козявин и рядовой Б. А. Щербаков встретили мальчика лет двенадцати.

— В том доме находятся бандиты с винтовками,— сообщил он.— Они убили заместителя председателя сельсовета, занимаются грабежом населения.

На скамеечке у калитки сидел охранник банды.

— Подойди незаметно и оглуши его,— сказал Шалин Козявину. Разморенный выпитой самогонкой и летней жарой «часовой» спал. Козявин подошел к нему, вырвал винтовку и тихо спросил: «Где остальные?»

— Там, во флигеле,—ответил перепуганный бандит.

Пограничники прошли во двор и через полуоткрытую дверь увидели спящих мужчин. Их винтовки стояли тут же, у кроватей. Козявин забрал оружие, а Шалин скомандовал: «Встать, руки вверх!»

Один из них в форме старшины метнулся к винтовкам, но убедившись, что их нет, закричал на Шалина, что он не имеет права командовать старшиной, пытался наброситься на пограничника.

Козявин выстрелил поверх головы бандита. Тот сразу образумился. Задержанных привели в сельсовет.

— Всем лечь на пол лицом вниз!— скомандовал Шалин.

— А я не буду валяться на полу,— огрызнулся агрессивный «старшина». Козявин снова выстрелил вверх, строго предупредил: «Если не ляжете на пол, уложим в землю без предупреждения». Для усиления охраны вызвали бойцов истребительного отряда.

Шалин подозвал мальчика, спросил, знает ли он, где находится райотдел НКВД.

— Знаю,— ответил смышленый помощник чекистов.

— Возьми лошадь, быстро скачи туда и передай эту записку. В ней было несколько слов: «Задержана вооруженная банда, просим оказать помощь. Наряд погранвойск. 2 сентября 1944 года».

Через три часа подъехала тачанка с работниками райотдела НКВД, которым пограничники передали трех бандитов.

На территории Молдавии было задержано несколько руководителей фашистской национал-христианской партии. А при выполнении оперативно-боевых задач в

румынском городе Крайова были арестованы и переданы местным советским органам фашистские ставленники из Тирасполя, Бендер, Кагула, других городов и сел Молдавии.

Тогда же с помощью пограничников из Крайова были возвращены в Кишинев памятник Стефану Великому, фигура бронзового льва, другое имущество, украденное оккупантами.

Находясь на молдавской земле, пограничники заставы оказывали населению помощь в решении хозяйственных вопросов. Выделяли специальные группы для ремонта домов, уборки урожая, заготовки дров семьям фронтовиков.

Пять агитационно-пропагандистских групп разъясняли требования постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации», сводки Совинформбюро, знакомили жителей с боевыми успехами Красной Армии.

Практиковалось шефство пограничных комсомольских организаций над школами, проводились сборы средств в фонд помощи детям, пострадавшим от фашистских оккупантов.

Для населения было организовано 7 концертов полковой художественной самодеятельности и 10 киносеансов.

Почти три месяца 134-й погранполк охранял тыл 5-й гвардейской ударной армии, обеспечивал порядок в особой прифронтовой полосе. И все время ощущал руководство и помощь военного совета армии, ее командующего генерала Н. Э. Берзарина. Николай Эрастович часто интересовался успехами пограничников, ставил задачи по уничтожению агентуры противника в тылу армии.

У командующего было мало свободного времени. Но он нашел возможность, чтобы встретиться с пограничниками. 29 августа он прибыл в полк, чтобы проводить нас в 46-ю армию.

В торжественной обстановке генерал Берзарин поблагодарил солдат, сержантов и офицеров за боевую службу, вручил награды отличившимся пограничникам. Провожая нас в трудный, но почетный заграничный поход, пожелал новых успехов в разгроме гитлеровских захватчиков.

А. Н. РОМАНОВ,
писатель, ветеран войны

У СТАРОЙ ПЕРЕПРАВЫ

Дом деда Михая, затерявшийся на окраине села Косоуцы, стоит почти на самом берегу Днестра. От давности он потемнел, немного накренился вперед, но выглядит все так же прочным и надежным, словно каменная крепость. Под стать своему дому и сам Михай Иванович Кожокару — кряжистый, с продубленной от ветра кожей, большими сильными ладонями. Несмотря на свои восемьдесят пять лет, он бодро держится, все делает сам в своем хозяйстве и на винограднике, с удовольствием занимается с внуками и правнуками, которые живут неподалеку от него.

В селе деда Михая знают все от мала до велика и относятся к нему с большим уважением. Он для них живая история села. Из всех косоуцких рыбаков, которые сорок лет назад во время форсирования Днестра помогали перевозить на своих лодках красноармейцев, дожил до наших дней только один он. И, к счастью, память у него сохранилась ясная: о тех грозных боях он помнит все подробности.

Вместе с Михаем Ивановичем мы идем по берегу Днестра, и, словно на киноэкране, перед нами воскресают бессмертные кадры тех далеких огненных лет.

...Весна 1944 года — года массового изгнания с советской земли гитлеровских захватчиков. После блестяще проведенной Корсунь-Шевченковслой операции перед соединениями трех Украинских фронтов открылась возможность нового массированного удара по вражеским группировкам на юго-западном направлении.

Ранним утром 5-го марта залпы тысяч орудий 2-го Украинского фронта возвестили о начале новой Уманско-Ботошанской операции, нацеленной на освобожде-

ние правобережной Украины и Молдавии. Этот удар был настолько неожиданным и мощным, что уже через несколько дней, преодолев с боями расстояние более 130 километров, наши передовые части освободили с ходу город Ямполь и вышли к землям Молдавии.

— Погода в те дни,— вспоминает Михай Иванович,— стояла ненастная, то дождь шел, то снег. Дороги раскисли. С нашего берега было видно, как на улицах Ямполя буксовали даже танки. И все же красноармейцев ничто не могло остановить. Они с ходу бросались в Днестр и плыли в ледяной воде. Погибло их немало, но небольшая группа бойцов, используя подорванный вражеский понтонный мост, переправилась на наш правый берег и тут же вступила в бой.

Позже по сохранившимся боевым данным командиров удалось установить, что этими храбрецами, первыми вступившими на молдавскую землю, были автоматчики взвода лейтенанта Н. Паршина из третьего батальона 15-й мотострелковой бригады 16-го танкового корпуса.

Вот что я прочитал в наградом листе о присвоении ему звания Героя Советского Союза: Паршин Николай Иванович, 1923 года рождения, русский, уроженец села Вознесенское Порецкого района Чувашской АССР, на фронте воевал с 1942 года, был ранен. О его подвиге сказано скупо:

«Лейтенант Паршин по собственной инициативе под сильным пулеметным и винтовочным огнем форсировал реку в районе разбитого понтонного моста и на противоположном берегу реки с пистолетом в руках ворвался в окоп противника и захватил в плен трех солдат. По переброшенному им канату на правый берег переправились и другие бойцы».

Все это произошло утром семнадцатого марта. А в полдень налетевшие фашистские «юнкерсы» полностью разбомбили остатки понтонной переправы. Форсирование реки из-за этого могло задержаться на несколько дней. Вот тогда молдавские рыбаки из села Косоуцы решили прийти на помощь бойцам. С наступлением темноты все, у кого сохранились лодки, отправились на противоположный берег и начали перевозить красноармейцев. Среди первых были дед Михай, Штефан Кожухарь, Семен Амброс, Василий и Ефим Штирбу, Гавриил и Иван Гытлан, Фома Мельник, Георгий Кожухарь,

Гавриил Пырлог. Последние трое погибли на реке при ночной бомбежке.

Гитлеровцы то и дело освещали Днестр ракетами и вели непрерывный пулеметный огонь. Но остановить переправу им так и не удалось. Сотни бойцов плыли в ледяной воде на бревнах, пустых бочках, заборах и с ходу бросались в атаку.

Форсирование реки под огнем противника — дело трудное, тем более во время весеннего паводка при быстром течении. И все же мужество наших воинов сокрушило все преграды. О невероятных героических подвигах многих из них, наверное, никогда не узнаем. Но вот что удалось мне восстановить в архиве.

Рядовой О. Конюшин, уроженец села Хотиновка Омской области:

«Одним из первых переправился через Днестр, подавил огневую точку и своим огнем прикрыл переправу товарищей».

Рядовой А. Чупров, уроженец села Кипцово Ижевского района Коми АССР:

«Одним из первых форсировал Днестр. Подполз к дзоту, уничтожил расчет станкового пулемета и 8 солдат. Гранатой уничтожил расчет противотанковой пушки. Взял в плен двух унтер-офицеров и семь солдат».

Лейтенант Н. Савин, командир танка ИС 8-го гвардейского танкового полка РГК:

«В боях за Ямполь его танк был подожжен во время бомбежки. Савин, выскочив из танка, спас его от огня, но сам обгорел и умер».

Снайпер М. Сохин 44-го стрелкового полка:

«Во время форсирования Днестра уничтожил пятнадцать вражеских солдат и офицеров».

Мужество и героизм проявили при форсировании Днестра комбат 15-й мотострелковой бригады 16-го танкового корпуса Л. Рыбин, командиры батальонов В. Акулов и Н. Шувалов, командир мотострелковой роты Ф. Гончарук. Все они были удостоены звания Героя Советского Союза. Сотни бойцов и офицеров награждены орденами и медалями. Многим частям и соединениям было присвоено наименование Днестровских.

Как утверждают участники тех событий — бывший командир танковой роты Георгий Александрович Алхимов и бывший сержант Виктор Васильевич Андреев,

проживающие ныне в Сороках, форсирование Днестра было на редкость смелым и ошеломляющим. Столь же стремительным и внезапным был штурм первого молдавского города Сороки, расположенного в шести километрах от Косоуц. Утром восемнадцатого марта он был полностью очищен от врага. Над крышей Дома Советов и древней крепостью вновь взвились красные флаги.

На следующий день в сводке Совинформбюро сообщалось:

«Войска 2-го Украинского фронта вышли на реку Днестр на фронте более ста километров, форсировали ее на участке протяженностью более пятидесяти километров, заняли на правом берегу реки более сорока населенных пунктов и в их числе уездный город Молдавской ССР — Сороки».

Жители города тепло и радостно встречали своих освободителей. Вскоре сюда переехали Центральный Комитет Компартии Молдавии и правительство республики. Началось восстановление разрушенного хозяйства.

Г. М. КОЖЕМЯКИН,
журналист

ПОБРАТИМЫ

Встреча через 41 год

Высокий худощавый старик лет семидесяти, обнажив седую голову, позванивая медалями, поднимался по истертым каменным ступеням к памятнику, что в центре старинного молдавского села Сесены. Шаг его, не по годам легкий, как-то враз замедлился, стал тяжелым. Кажется, он с трудом отрывал подошвы от каменных плит, словно навалились вдруг прожитые годы, перенесенные испытания, утраты. Не в силах побороть нахлынувшее волнение, он поднес к глазам платок, отвернулся на минуту. Затем замер перед мраморной плитой, перед устремленным вверх прямым скромным обелиском, прочитал бьющие в сердце строки:

«Под этой каменной плитой покоится прах мужественных бойцов партизанских отрядов «Журналист» и имени Фрунзе, которые покрыли себя немеркнущей славой в жестокой борьбе с фашистами на тропах Кодр весной 1944 года».

Взгляд старика медленно скользил по выбитым на мраморе именам и фамилиям:

Жора Смилевский... Ефим Исайкин... Николай Тетянко... Федор Исайкин... Валя Максимова... Анатолий Коваленко... Александр Кирикэ... Антон Харя...

Он хорошо знал каждого из них, навсегда запомнил веселые молодые лица. Да и как забыть, если с ними делил в лихую годину последний сухарь, последнюю горсть патронов, верил и полагался на каждого как на себя. С Толей Коваленко, например, крепко дружил, вместе партизанили на Украине, затем здесь, в Кодрах. Перед тем последним кровавым боем они договорились встретиться в условленном месте леса. Разве ж могли тогда знать, что видятся в последний раз?

...Сорок один год не был в местах боевой партизан-

ской молодости Иван Федотович Скоробогатов, бывший начальник штаба партизанского отряда имени Фрунзе. Легко сказать — сорок один год. А оглянешься назад, задумаешься, так это, считай, целая жизнь прошла. Сколько своих боевых друзей с той поры недосчитался Иван Федотович! Одни сложили головы в бою, других догнала война позднее, доконала старыми ранами, болезнями. Время посеребрило головы, состарило и тех, кого Скоробогатов запомнил юными. Вот, скажем, Петя Харя, сын лесника. Подростком пришел в отряд в том памятном 44-м. А у него, оказывается, уже внуки. Да, летит времечко. Постарели Георгий Чиботару, Павел Бежан, Ион Райляну. Но всех их сразу узнал Иван Федотович. Трудно подобрать слова, чтобы рассказать о встрече людей, побратавшихся в лихое военное время. Сказать только о крепких объятиях, скупых мужских слезах — значит, сказать самую малость о том, что пережили боевые побратимы в эту радостную минуту.

У нашей памяти удивительное свойство. Она отсеивает все второстепенное, мелкое. Но события яркие, самые главные в нашей жизни хранит надежно, вечно. Об этом я и подумал, глядя, как легко и безошибочно нашел Скоробогатов место приземления своей группы. Без всяких подсказок вывел он нас и к первому лагерю в лесу, колодцу, где встретились впервые фрунзенцы с бойцами партизанского отряда «Журналист», указал долину, по которой группа после выполнения задания вернулась через линию фронта к своим.

В степях под Сталинградом

Судьба И. Ф. Скоробогатова типична для поколения, чья молодость пришлась на предвоенные годы.

Родом он из села Погромное Средне-Ахтубинского района Сталинградской области. С ранних лет приучен был к крестьянскому труду. После школы пошел в школу ФЗУ при Сталинградском тракторном. Очень гордился, что работать будет на таком именитом, известном на всю страну заводе. Был Иван слесарем-сборщиком, бригадиром, мастером малого конвейера, испытателем трактора СТЗ-5.

В технике парень разбирался толково, любил моторы, хорошо знал трактор. И когда подошло время служ-

бы в армии, полагал, что возьмут в танкисты. Ан нет— в артиллерию попал.

Время было тревожное. Уже полыхала в Европе развязанная Гитлером война. Не давала повода для благодушия и международная обстановка. Было ясно: рано или поздно нам придется скрестить оружие с фашистами. Готовился к этому и бывший сталинградский тракторостроитель Скоробогатов. Вместе с друзьями он прилежно осваивал грозное по тем временам 122-миллиметровое орудие. Пушкари учились поражать цель первым снарядом, быстро менять позицию, хорошо маскироваться.

Известие о начале войны застало Скоробогатова в должности помощника командира взвода артиллерийской разведчики. Боевое крещение принял Иван Федотович в сражении под Харьковом. В критический момент боя, когда вражеская пуля сразила командира взвода лейтенанта Полковникова, он принял командование на себя. И вновь артиллерийские снаряды рвались точно в боевых порядках противника, жгли его танки, самоходки. Оказавшись в окружении, пушкари ночью на тракторах-тягачах прорвались к своим. За рычагами одной из машин был старший сержант Скоробогатов.

Шли бои. Еще более ожесточенные, яростные. Враг, не считаясь с боевыми потерями, рвался к Сталинграду, к Волге. На всю жизнь врезался в память Ивана Федотовича бой у станции Обливское. Артиллерийский полк, в котором в конце осталось всего четыре орудия, отразил семь танковых атак, сжег 15 фашистских бронированных машин. За этот бой Скоробогатов был награжден орденом Красной Звезды.

...В один из дней, когда на участке фронта установилось относительное затишье, Ивану Федотовичу приказали явиться к командиру полка. Направляясь по срочному вызову в штаб, не думал тогда старший сержант, что в его судьбе произойдет крутой поворот.

Офицер особого отдела был немногословен:

— Мы предлагаем вам работать во вражеском тылу: собирать разведданные, проводить диверсии. Что вы на это скажете?

Скоробогатов поначалу растерялся. Предложение было уж очень неожиданным. Но после короткого раздумья ответил решительно и твердо:

— Готов выполнить любое задание, воевать с фа-

шистами там, где прикажут. Вот только смогу ли в тылу? Там ведь, наверное, другие знания и умения потребуются, а я всего лишь артиллерист...

Чекист улыбнулся и сказал:

— Спасибо, старший сержант. Другого ответа от вас мы и не ожидали. А что касается специальных знаний, то не волнуйся. Именно с этого мы в первую очередь и начнем.

По ту сторону фронта

На свое первое задание в тыл врага Скоробогатов вылетел вместе с радисткой Марией Балабердиной на самолете ПО-2. Вопросы, на которые предстояло ответить разведчикам, очень интересовали командование Сталинградского фронта. Боевое крещение молодого разведчика прошло успешно. Необходимая информация была собрана вовремя и оперативно доставлена по назначению. В дальнейшем приходилось отправляться на задание не только на самолете, но и на морских катерах, пешком, доставлять через линию фронта «языка», минировать вражеские объекты в тылу противника.

19 июня 1943 года с одного из правофланговых аэродромов взлетел «дуглас». На его борту находилась группа организаторов партизанского движения на Кировоградщине. Им предстояло стать ядром крупного партизанского отряда «За Отчизну». Десантировались партизаны в центре большого степного района. 17 суток пробивались они к Знаменским лесам, к месту будущего базирования. Плохо было с питанием, порой негде было напиться. Уже на подходе к лесному массиву группу настигли каратели. Впереди по следу партизан бежали солдаты с овчарками. И тогда командир Алексей Иванович Коршиков, подпустив преследователей поближе, дал по противнику одну за другой три длинные очереди из автомата. Несколько солдат и офицеров замертво повалились на землю.

А Коршиков, сменив диск, устремился, отстреливаясь на ходу из автомата, в сторону от своей группы. По его следу бросились овчарки, каратели. Алексей Иванович, жертвуя собой, все дальше и дальше отводил врага от десантников, спасая их от неминуемой гибели. Уже позднее узнали партизаны, что их командир погиб, как герой.

Вскоре парашютисты достигли Знаменских лесов, создали партизанский отряд «За Отчизну». Скоробогатов был назначен командиром группы разведки. Ему было приказано сразу же разведать обстановку в районе леса, определить местонахождение противника.

Выполнив задание, партизаны уже собрались возвращаться в отряд, как вдруг заметили троих фашистов, шагавших как раз к тому месту, где замаскировались на опушке леса разведчики.

— Подождите, ребята, сейчас мы выясним, что им здесь надо,— сказал Скоробогатов.

Партизаны притаились. Фашисты были уже рядом. Впереди шагал дюжий полицай, за ним немецкий капитан с другим полицаем. Все они о чем-то громко говорили, смеялись.

В короткой стычке капитан и один из полицейских были убиты. Другого удалось взять в плен. Он-то и рассказал, что капитан этот из воинского эшелона, следовавшего на фронт. В пути произошла непредвиденная задержка, и господину офицеру захотелось, видите ли, поохотиться в близлежащем лесу.

— Вот ведь как бывает, братцы,— сказал друзьям Скоробогатов,— совсем как в той пословице: «Пошел по шерсть, а вернулся стриженым». А у этого фрица и того хуже вышло: вовсе головы лишился.

С приходом партизан у фашистов не только напрочь пропало желание ходить и ездить в местные леса, но даже и появляться вблизи. А между тем отряд быстро разрастался за счет солдат и офицеров, бежавших из плена, местных жителей. Партизаны нападали на вражеские обозы, мелкие подразделения, минировали железнодорожные пути, сбрасывая под откос эшелоны с живой силой, боевой техникой, боеприпасами. Вскоре командование отряда приняло решение перебазироваться в обширный лесной массив «Холодный Яр». Разведать обстановку, подобрать место для лагеря было поручено разведгруппе Скоробогатова. Они установили, что в лесу уже базируется отряд «Москва», связались с ним. В дальнейшем оба отряда действовали согласованно.

Немецкое командование, натерпевшись от партизан сверх всякой меры, решило покончить с ними одним махом. Была тщательно подготовлена большая каратель-

ная операция. Тысячи немецких солдат, полицаев блокировали лес, постепенно сжимая кольцо.

Партизаны приняли решение не прорываться из окружения, а занять оборону и дать бой неприятелю, доказать, кто в этих краях подлинный хозяин положения.

Враг наступал двойной цепью. Впереди полицаи, позади немцы. В 11 часов утра передовые партизанские дозоры завязали бой. Он шел до самой ночи.

Под покровом ночи партизанские командиры решили вывести из «мешка» основные силы. Прикрыть отход осталась группа заграждения и вместе с ней Скоробогатов.

— Когда послышался вдали грохот танковых моторов, мы заминировали лесную дорогу,—вспоминает Иван Федотович.— Один из танков взорвался на нашей мине. Другой открыл сильный огонь. Выполнив задание, наша группа прикрытия также вышла из боя, укрылась в овраге неподалеку. А в лесу продолжалась стрельба до самого утра.

Густая ночная мгла стала союзницей партизан. Не разобравшись в ситуации, передовые встречные цепи противника стали яростно поливать огнем друг друга. Результаты карательной операции были для немцев самые плачевные. Они потеряли около 800 человек убитыми и 400 ранеными. Партизаны не досчитались в том бою 22 своих товарищей.

Между тем линия фронта все дальше и дальше откатывалась на запад. Места, еще вчера считавшиеся глубоким тылом врага, сегодня уже вновь становились советскими. Двигаясь навстречу стремительно наступающей Красной Армии, партизаны форсировали Днепр, удерживали плацдарм до подхода передовых частей.

За образцовое выполнение ответственного задания в тылу врага командование предоставило Скоробогатову отпуск на Родину.

До сих пор помнится Ивану Федотовичу та длинная дорога домой, мимо разоренных городов и сел, мимо заросших бурьяном полей, разрушенных фабрик и заводов. В самой середине войны посчастливилось партизану побывать в родном селе, повидаться с родителями, земляками. И снова на фронт. Прибыв к месту назначения, попал, что называется, с корабля на бал.

Парашюты над Кодрами

В штабе, куда Скоробогатов зашел доложить о своем прибытии, сразу поставили боевую задачу:

— На этот раз, Иван Федотович, вам предстоит десантироваться с группой на занятой врагом территории Молдавии. Время на подготовку даем минимальное. Уложитесь?..

— Не впервой, товарищ командир.

В диверсионно-организаторскую группу будущего партизанского отряда имени Фрунзе вошло 6 человек. Командиром был назначен Иван Иванович Лысов, комиссаром — Николай Иванович Тетянко, начальником штаба — Иван Федотович Скоробогатов, радисткой — Мария Терентьевна Балабердина.

Десантироваться предстояло на базу партизанского отряда «Журналист», радиосвязь с которым к тому времени прервалась. Как позднее выяснилось, из-за поломки передатчика.

— Мы взлетели с мелитопольского аэродрома в ночь с 26 на 27 марта 1944 года,—вспоминает И. Ф. Скоробогатов.— Подлетая к месту выброски, обнаружили сигнальные костры. Самолет сделал круг, чтобы уточнить точку выброски. И в этот момент костры погасли. Маневр самолета, видимо, показался внизу подозрительным. Ведь не раз случалось, что на сигнальные партизанские костры прилетали вражеские самолеты. И тогда вместо парашютистов и обещанного груза вниз летели бомбы. Но поскольку рисунок расположения костра соответствовал заранее обусловленному, десантирование состоялось.

Перед прыжком Скоробогатов глянул в иллюминатор — внизу была кромешная тьма, нигде ни огонька. Выбросив за борт шесть грузовых мешков с оружием, боеприпасами, начальник штаба тут же отделился от самолета.

— Приземлился я на опушке леса,— вспоминает Иван Федотович.— Сразу сложил парашют, спрятал его под кучу хвороста, приготовил на всякий случай автомат. Но кругом было тихо. Тогда я достал электрический фонарик, посигналил. Стали сходиться парашютисты...

Четыре мешка с грузом они нашли сразу, два как в воду канули. Решили отложить поиск до утра.

Невдалеке темнело какое-то строение. Вместе с переводчиком Скоробогатов постучался в дом, чтобы узнать, что это за деревня, точно определить по карте место приземления. На стук вышел хозяин — в постолах, бараньей шапке.

— Буна сяра, господаруле! Кум те кямэ... кум кямэ сатул ачеста? (Как тебя зовут... как называется село?) — с трудом припоминая слова из разговорника, спросил Скоробогатов. (Лететь-то в Молдавию пришлось без подготовки.)

Хозяин улыбнулся и вдруг на чистом русском языке сказал:

— Э, да я вижу, что вы такие же молдаване, как я русский. Прошу вас в дом. Говорить можете на родном языке.

Хозяин расторопно выставил на стол нехитрое крестьянское угощение, усадил ночных гостей и только тут представился:

— Зовут меня Антон Харя. Работаю лесником. Кто вы — вроде догадываюсь. Слышал, как ночью самолет над лесом кружил.

Скоробогатову хозяин понравился, хотя он и не знал еще, что лесник давно уже помогает народным мстителям, подпольщикам. Лесник сообщил партизанам, что до ближайшего села Бравича пять километров, и там полно немцев, жандармов.

Потом Антон проводил десантников к лесу, договорился с ними о встрече.

На рассвете партизаны стали искать два недостающих грузовых мешка. Вскоре они нашлись. Оказалось, что эти мешки приземлились немного в стороне. Обнаружив их, местные крестьяне решили спрятать найденное оружие в лесу. Здесь и встретились с десантниками, передали им груз.

О дальнейших боевых действиях отряда свидетельствуют скупые строки архивных документов. Вот они:

«27.03.44 г. командир отряда Лысов радировал о благополучном прибытии людей и грузов на базу отряда «Журналист».

В дальнейшем с отрядом имени Фрунзе поддерживалась постоянная двусторонняя радиосвязь.

С 27.03.44 г. по 15.04.44 г. отряд действовал самостоятельно. За это время он вырос до 20 человек за счет местных жителей, бывших военнопленных и четырех

парашютистов, заброшенных в тыл противника штабом партизанского движения.

15.04.44 г. отряд имени Фрунзе соединился с отрядом «Журналист» и вел совместные боевые операции»*.

Иван Федотович читает лаконичные строки документов, и в памяти его встают живые люди, их голоса, лица.

— С бойцами отряда «Журналист» мы встретились не сразу. Помню, на четвертый день Лысов послал меня с товарищами в разведку. Поднимаемся мы на лесистый взгорок. Вдруг навстречу из-за поворота группа вооруженных людей, одетых кто в немецкую, кто в румынскую форму, кто в штатское. Мы схватились за оружие, они, естественно, тоже. Но тут пригляделся я внимательно—вроде, знакомого признал на той стороне поляны.

— Толя! Коваленко!— кричу. Он посмотрел на меня, вижу, тоже признал, отвечает:

— Здорово, Скоробогатов! Вот где встретиться довелось!

Мы бросились друг другу навстречу. Парни оказались из отряда «Журналист». Их-то мы уже давно искали. Сразу же передали боевым друзьям два пулемета, рацию, боеприпасы, письма, газеты.

Недолго пришлось действовать в тылу врага партизанскому отряду имени Фрунзе. Но урон он нанес немалый.

«...За время пребывания в тылу противника отряд имени Фрунзе провел следующие боевые операции:

1. С 28.03.44 г. по 2.04.44 г. путем устройства засад на дорогах в районе с. Бравича (45 км северо-западнее г. Кишинева) отряд уничтожил 12 немецких солдат и офицеров.

2. 4.04.44 г. по дороге Цыганешты — Онешты (оба пункта 25 км северо-западнее г. Кишинева) отряд разгромил обоз противника, уничтожено 18 солдат, 1 офицер, 6 повозок, ранено до 30 солдат противника.

Захвачено в качестве трофеев 3 повозки с продовольствием. В этой операции партизанский отряд потерял убитыми 2 чел. (тт. Бойчук и Фролов).

3.04.44 г. в районе Фрумоаса (45 км северо-западнее г.

---

* Архив Института истории партии при ЦК Компартии Украины. Ф. 62, оп. 2, д. 620.

Кишинева) группа партизан отряда взорвала мост и уничтожила машину с боеприпасами и 3 немецких солдат.

4. С 6.04.44 г. по 15.04.44 г. отряд путем устройства засад на дорогах в районе с. Бравича, Фрумоаса уничтожил 16 солдат противника, 4 изменников Родины, 3 лошади и имущество команды связи противника.

5. 16.04.44 г. в Бравичском лесу отряд Фрунзе совместно с партизанским отрядом «Журналист» вел бой с окружившим лес карательным отрядом противника в количестве до 500 человек с 24 пулеметами и 1 минометом (106-я немецкая дивизия).

В результате боя партизаны уничтожили до 40 солдат и ранили 65 солдат и офицеров противника. Операцией руководили Смилевский и Лысов. Потери партизан — 13 человек»*.

Прочитав эти строки, Скоробогатов вздохнул, прикрыв глаза руками, глубоко задумался. Он вновь был во власти прошлого, в том весеннем лесу, где держали бой его боевые товарищи.

— В тот день я пошел на задание во главе группы из шести человек. Было приказано разведать местонахождение противника, раздобыть что-нибудь из съестного. Только мы на пригорок поднялись — смотрим, в лесу катят три бронетранспортера, набитые солдатами. Мы решили дать бой, чтобы в лагере успели приготовиться к отпору. Я вел огонь из ручного пулемета, поджег бронетранспортер. Удалось отбить три атаки. Дело дошло до гранат. А немцы уже рядом, пытаются окружать.

Кричу Коваленко:

— Толя, отходи быстрее! После боя встретимся!

Когда Скоробогатов пробрался наконец к месту стоянки отряда, то не узнал его. Все кругом горело, клубился густой дым. Немцы били по лагерю из минометов, танковых пушек и пулеметов. Командир партизанского отряда «Журналист» Жора Смилевский, комиссар Николай Тетянко, радистка Валя Максимова, другие партизаны были уже убиты.

Дав приказ оставшимся в живых прорываться из

---

* Архив Института истории партии при ЦК Компартии Украины. Ф. 62, оп. 2, д. 620.

окружения, Иван Федотович стал прикрывать огнем из пулемета отход боевых друзей.

Через день, рискуя нарваться на засаду, он вернулся с товарищами к месту боя, чтобы предать земле тела погибших партизан. На всю жизнь запомнились искромсанные штыками и кинжалами тела друзей. Фашисты выместили свою звериную злобу на мертвых.

30 апреля партизанский отряд имени Фрунзе соединился с передовыми частями Красной Армии неподалеку от Сесен.

Впереди у Ивана Федотовича Скоробогатова был еще целый год кровавой войны.

В послевоенные годы Иван Федотович боролся в Западной Украине с гитлеровскими прихвостнями — бандеровцами. Вернувшись на родину, был председателем сельского Совета, потом долгие годы работал на железной дороге составителем поездов, помощником машиниста, машинистом тепловоза. Вырастил детей и уже дождался внуков.

На праздничном костюме ветерана сверкают ордена Красной Звезды и Отечественной войны II степени, медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «Партизану Великой Отечественной войны» I и II степени, «За оборону Сталинграда», другие боевые награды. Иван Федотович уже на заслуженном отдыхе, живет в зеленом городке Волжский Волгоградской области.

Давно мечтал он побывать в Молдавии, в местах, куда забросила его партизанская судьба. Да за работой, домашними заботами, болезнями все не выходило. И вот довелось-таки осуществить задуманное.

Много было в дни пребывания в Молдавии трогательных встреч, задушевных бесед. Посчастливилось даже погреться у костра на месте старой партизанской стоянки.

Все эти дни Иван Федотович жил у своего давнего друга, побратима Петра Антоновича Хари, где был принят как самый близкий и дорогой человек.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя — 3

НА ОГНЕННЫХ РУБЕЖАХ. ГОД СОРОК ПЕРВЫЙ — 5

А. С. Осипенко. С первых часов — 7

А. А. Панов. Подвиг на границе — 13

С. С. Сидоров. В то грозное лето — 24

ОСВОБОЖДЕНИЕ МОЛДАВИИ. ГОД СОРОК ЧЕТВЕРТЫЙ — 3

В. И. Зенов. На огненных рубежах — 37

Л. И. Дряпа. Через водные преграды — 41

И. И. Щербина. Били врага артиллеристы — 47

А. А. Кошляк. На плацдарме — 55

П. Ф. Чуйко. Друзья мои саперы — 59

С. П. Пилютин. У безымянной высоты — 65

В. Ф. Михайлик. Три дня в мае — 70

М. И. Белов. Наука побеждать — 80

К. И. Чебуняев. Час мужества — 90

И. И. Алисимчук. Задачу решили — 97

И. Ф. Медведев. Отважный разведчик — 104

И. С. Аношин. Жаркий август — 107

В. Ф. Толубко. Корпус в прорыве — 114

З. И. Насибулин. На кургане Суворова — 142

Е. И. Новиков. От Кицкан до Прута — 155

Б. Ш. Смагоринский. За газетной строкой — 161

Б. Д. Челышев. Памятный случай — 185

В. А. Лесных. Враг не прошел — 192

В. П. Клесов. Ценою жизни — 198

В. А. Ткачев. Солдаты — 201

М. З. Роговой. Ночная встреча — 209

И. С. Неврев. В прифронтовой полосе — 212

А. Н. Романов. У старой переправы — 227

Г. М. Кожемякин. Побратимы — 231

5

«ОСОБО ВАЖНАЯ.
ЛИЧНО: КОМАНДУЮЩЕМУ
2-УКРАИНСКИМ
ФРОНТОМ
КОМАНДУЮЩЕМУ
3-УКРАИНСКИМ
ФРОНТОМ

Подготовить и провести операцию с целью — силами 2-го и 3-го Украинского фронтов разгромить группировку противника в районе Яссы, Кишинев, Бендеры и овладеть рубежом Бакэу, Леово, Тарутино, Молдавка, имея в виду в дальнейшем наступать на Фокшаны, Галац и Измаил...»

ИЗ «ДИРЕКТИВЫ СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ О ПОДГОТОВКЕ И ПРОВЕДЕНИИ ЯССКО-КИШИНЕВСКОЙ ОПЕРАЦИИ»